

Министерство просвещения РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

СЕМАНТИКО-СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

Сборник научных трудов

104/733

Свердловск
1984

Печатается по решению зонального
редакционно-издательского совета при
Свердловском пединституте

На материале разных явлений и категорий языка показаны связи семантико-системных отношений с основными направлениями развития и характером функционирования лингвистических единиц.

Сборник может быть использован в практике преподавания и при чтении теоретических курсов на факультете иностранных языков педвуза.

Редакционная коллегия:

Е. Ш. Красногор (отв. редактор), М. П. Мещерякова,
В. И. Томашпольский

Рецензенты:

кафедра английского языка Башкирского пединститута,
Т. А. Широкова (Свердловский институт народного хозяйства),
Н. А. Пирогов (Свердловский пединститут)

Семантико-системные отношения в языке/ Свердл. пед. ин-т.
Свердловск, 1984. 128 с.

**СЕМАНТИКО-СИСТЕМНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ**
Сборник научных трудов

Темплан 1984 г., поз. 281

Редактор И. М. Харитонова

Технический редактор
Н. Н. Заузолкова

Сдано в набор 26.03.84 г.
Подписано к печати 30.11.84.
НС 11255. Формат 60×90^{1/16}.
Уч.-изд. л. 7,0. Усл. печ. л. 8,0.
Бумага газетная. Печать высокая.
Гарнитура литературная.
Тираж 800. Заказ 232. Цена 1 руб.
Свердловский государственный педагогический институт, 620219 Свердловск, ул. К. Либкнехта, 9.
Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, просп. Ленина, 49.

Н. А. Шехтман
(Оренбург)

ЭМПИРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Предпосылкой большинства современных работ по семасиологии является тезис о ненаблюдаемости семантических категорий. В этой связи показательны слова О. С. Ахмановой о том, что в высказываниях значения фактически не представлены, что семантические акты не наблюдаются [1]. Аналогичные мысли сформулированы в работах Э. М. Медниковой [2], М. И. Черемисиной [3] и ряда других авторов.

С другой стороны, совершенно ясно, что до тех пор, пока мы не ограничим семасиологическое исследование фиксируемыми и поддающимися обработке фактами, строгость лексической семантики останется недостижимым идеалом. Единицы языка должны изучаться в их материальных реализациях. Наибольших успехов достигли те семасиологи, которые опирались в своем анализе на реализацию значений многозначного слова в разных лексических окружениях. Правы те лингвисты, которые считают, что язык (а значит, и его семантический аспект) представлен в конкретных актах говорения [4].

Тезис об эмпирической данности семантических явлений в первую очередь относится к области методологии. Основа самого восприятия тех или иных элементов — некоторый стереотип концептуальных установок, детерминирующий то, что лингвист видит и ищет в исследуемом материале. Но отсюда следует, что обсуждаемый тезис выходит за рамки методологического спора и приобретает прагматический смысл.

Широкая распространенность утверждения о скрытом характере семантики объясняется, по-видимому, тем, что, как отмечал Н. Винер, в общественных науках связь между наблюдаемым явлением и наблюдателем очень трудно свести к минимуму [5]. Интроспекция, один из главных методов языковедческого анализа, породила не только множество интерпретаций одного и того же материала, но и бесчисленное количество его классификаций, часто не сводимых к сопоставимому виду.

Интроспекция, описание сущности и свойств внеязыкового порядка не могут быть достаточно глубокими и полными, если они выполнены только языковедом. Данное обстоятельство неоднократно отмечалось в работах А. А. Потебни [6], Л. Блумфилда [7], Л. В. Щербы [8]. Совсем недавно к этой мысли вернулся У. Чейф, который пишет: «Пытаясь глубже проникнуть в явления речи, я обнаружил, что неизбежно вторгаюсь в области как эпистемологии, так и психологии. Например, мне

представляется, что употребление определенного артикла в английском языке в значительной степени зависит от соображений более широкого плана, в основе которых лежит масса человеческих знаний, так что любая попытка объяснить это явление должна отражать эти знания. Кроме того, все эти соображения зависят в конечном счете от человеческого сознания, так что в конце концов никакое адекватное объяснение невозможно без более глубокого понимания природы мозга и его функционирования» [9].

Лингвист не может и не должен описывать природу мозга и его функционирование. Лингвисту естественнее подойти к анализу внутриязыковых связей изучаемых явлений с позиций своей науки, основываясь на рассмотрении данных в опыте лингвистических фактов, ни в какой другой науке не изучаемых более детально, чем в языкоznании. Но в таком случае нам необходимо договориться о том, что можно считать данным в опыте применительно к целям и задачам нашей науки.

Сам принцип эмпирической данности, возможность наблюдать факты и определять, какие факты наблюдаются, а какие — нет, регламентируется мировоззрением, знанием, тезаурусом наблюдателя. (В этом случае под тезаурусом понимается описание представлений некоторого наблюдателя о внешнем мире [10].)

Но не только от этих факторов зависит эмпиричность языковых категорий. В силу негомогенности изучаемого объекта (в нашем случае — семантического пространства некоторого языка) необходимо сделать следующее допущение: одни характеристики объекта наблюдаются, другие — нет. При этом будем различать две стороны этого принципа: непосредственно данное нам в восприятии и воспринимаемое опосредованно. Здесь важно подчеркнуть, что мы имеем в виду не только физическое, но и концептуальное восприятие, умение поставить новое в какое-то соотношение с уже известным.

Язык служит для передачи смысла. Поэтому центральной для языковедов является проблема значения. Физические звуки выполняют свою функцию как лингвистические объекты лишь в силу того, что за ними стоит система значений. Именно закрепленность значения за знаком делает семантические величины эмпирическими. О скрытых семантических инвариантах мы судим по их вариантным манифестациям, которые доступны нашему наблюдению. (Ср., например, положение в семантике с положением в физике: электрического тока мы не видим, но существует амперметр, с помощью которого мы можем сказать, какова его сила.)

Лексические значения зависят не только от отраженного материального мира, но от внутриязыковой организации лексики. Соответственно словесный план содержания можно изучать с точки зрения его отношения к обозначаемым референтам

(в широком понимании этого термина) и с точки зрения отношений, которые существуют между планами содержания изучаемых знаков.

Исходя из того, что в языке диалектически взаимодействуют форма и содержание, мы считаем, что нет языковой формы без значения и что всякое значение имеет свою языковую форму. Если разница в значениях двух лексических единиц не может быть показана, значит, ее не существует. И наоборот, если мы можем говорить о различии в значениях лексических единиц, то мы вправе говорить и о самих значениях.

Оставаясь непосредственно ненаблюдаемой категорией, семантические величины обнаруживают себя в процессе функционирования языка благодаря некоторым рефлексам. Рефлексы эти суть формальные явления, которые могут быть описаны в материальных терминах.

Единицы плана содержания — семантические множители. То, как они сочетаются и комбинируются друг с другом, представляет собой их план выражения. В комбинаторике семантических множителей — форма содержания. Способы соединения семантических единиц в конфигурации большей или меньшей степени сложности указывают на специфичность самих семантических структур. Ограничения в сочетаемости семантических элементов позволяют судить как об отдельных множителях, так и о семантических структурах в целом.

Свидетельством эмпирической реальности семантических единиц является сама *возможность их вычленения и локализации*. Так, ABC и СЕМ, с одной стороны, и АВЕ и СВЕ — с другой, наглядно демонстрируют степень близости сложных выражений, состоящих из простых, при этом содержание символов даже не раскрывается. Очевидно, что ABC и СЕМ содержат один совпадающий элемент, тогда как АВЕ и СВЕ совпадают в двух своих элементах. Современные модели семантического описания, как правило, содержат процедуру, с помощью которой определяется удельный вес семантического компонента, что является надежной основой для проведения семасиологических сопоставлений.

Доказательством опытной данности смысловых сущностей служит также *возможность построения семантических полей при помощи методик, которые опираются на распределение слов в тексте*, а не на предварительное знание значений этих слов. Наибольший интерес в этом плане представляют работы А. Я. Шайкевича [11].

Корреляция слов в тексте обусловлена смысловой связью этих слов. Семантические признаки слов некоторым образом, коррелируют с их «поведением» в связном тексте и тем самым обнаруживают себя. В целом ряде работ *расщепление семантической структуры слова на лексико-семантические варианты* произведено на основе соотношения значения слова и органи-

зумой им модели. Однопорядковые модели указывают на смежность значений, тогда как разнопорядковые модели — на различие значений. Так структурный фактор указывает на семантические параметры [12].

Но самым убедительным, на наш взгляд, свидетельством того, что семантические категории доступны количественной и качественной обработке в той же мере, как и единицы плана выражения, может служить *корреляция семантических и количественных характеристик изучаемых единиц*. При этом следует подчеркнуть, что сопоставляя количественные манифестации отдельных сторон семантической системы языка, мы все же в первую очередь интересуемся ее качественными аспектами.

Как показало предпринятое нами исследование [13], наиболее типичными семантическими отношениями, в которые вступают признаковые слова современного английского языка, являются интерпретация, противопоставление, градация, конкретизация и оценка, например:

интерпретация — *abscond* : : *desert*;
противопоставление — *good* : : *bad*;
градация — *ask* : : *beg* : : *implore*;
конкретизация — *rich* : : *manifold*;
оценка — *companion* : : *buddy*.

Названные сугубо семантические особенности признаковых слов характеризуют их языковой статус. В речи эти особенности отражаются в частности употребления слов. Иными словами, семантические параметры лексических единиц актуализируются в формальной сфере. Так, интерпретируемое слово всегда ниже по частотности, чем слово-интерпретатор. Частотности слов, связанных отношением противопоставления, обычно совпадают и отличаются высокими индексами. Градация связывает слова с постепенно убывающими частотными индексами, причем чем ниже индекс, тем выраженнее градация; конкретизация охватывает слова, частотности которых резко отличаются, причем чем специфичнее значение слова, тем ниже его частотность; и, наконец, оценку характеризует постепенное убывание частотностей при невысоких показателях исходного слова [14]. Обозначив частотность через f , получаем следующие «числовые рисунки» обсуждаемых типов семантических отношений:

интерпретация $f_1 < \frac{f_2}{f_1} \leq 10$;
противопоставление $f_1 \approx f_2 \geq 25$;
градация $100 > f_1 > f_2 > f_n$;
конкретизация $f_1 = 3f_2$;
оценка $20 \geq f_1 \geq f_2$.

Приводимые частотные корреляции также могут служить свидетельством того, что семантические категории поддаются описанию в эмпирических терминах.

В заключение необходимо обратить внимание на то, что

тезис об эмпирической данности семантики имплицитно присутствует во всех рассуждениях, касающихся амбивалентных контекстов. Подобные контексты трактуются как структуры, не содержащие ограничителей, которые бы элиминировали нерелевантные значения сочетающихся слов. Но ведь это значит, что в неамбивалентных структурах такие ограничители имеются. Именно они и являются актуализаторами семантических признаков сочетающихся слов. Изучение таких актуализаторов — задача первостепенной важности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахманова О. С. и др. Основы компонентного анализа. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 2.
2. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974, с. 100.
3. Черемисина М. И. О семантических функциях слова в языке, речи-тексте.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1969, с. 123.
4. Колшанский Г. В. О правомерности различения языка и речи.— В кн.: Иностранные языки в высшей школе. М., 1964, с. 22.
5. Винер Н. Кибернетика. М.: Наука, 1958, с. 201—202.
6. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1958, т. 1, с. 19—20.
7. Блумфилд Л. Язык. М., 1933, с. 144.
8. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. Избранные труды по языкоznанию и фонетике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958, т. 1, с. 68.
9. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975, с. 6.
10. Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической теории.— В кн.: Проблемы кибернетики. М., 1969, вып. 13, с. 223.
11. Шайкевич А. Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей.— Иностранные языки в высшей школе, 1963, № 2.
12. См., например, работы Перебейнос В. И.: К вопросу об использовании структурных методов в лексикологии.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1962; ее же: Об использовании структурных методов для разграничения значений многозначного глагола.— Вопросы языкоznания, 1962, № 3.
13. Шехтман Н. А. Семантическая редупликация и проблема тезауруса: Автореф. дис. докт. филол. наук. Л., 1977.
14. Подробнее об этом см.: Шехтман Н. А. Частотность слова и его позиция в тезаурусе.— Научно-техническая информация. Серия 2. М.: ВИНИТИ, 1978, № 5.

И. Г. Кошевая
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКЕ

Грамматическое моделирование времени и пространства в их количественно-качественной оценке имеет в языке различные формы проявления, одно из которых — сужение пространственного диапазона через посредство адвебиальных элементов. Особого внимания в этом плане заслуживает частица *to*: роль ее в языковом выражении весьма многомерна. В современном английском языке она выступает и предлогом (типа *to give it*

to him), и послелогом (to look to), и частицей (типа to give). Однако во всех перечисленных случаях за ней сохраняется функция пространственной направленности, как бы сужающей сферу пространственного бытия, выделяющей относительно лимитированную часть, в которой развивается действие.

Небезынтересны в связи с этим случаи языковой парадигматики, где частица to опускается, позволяя регистрировать такое опущение как своеобразное исключение из общего правила. Причина регулярного отсутствия частицы to не объяснялась в лингвистической литературе, хотя вполне вероятно, что вскрытие именно этой причины прольет свет на природу не только самой частицы, но и языкового моделирования в целом. Представляется целесообразным выяснение фактов, которые являются своего рода дублирующими природу данной частицы и препятствующими повторению заключенного в ней качества.

Избыточность одного и того же качества, как известно, приводит в языке к перенасыщению, не только противоречащему языковой экономии, но и ведущему к систематическому отбрасыванию одного из дублирующих компонентов. Поэтому язык как рациональное явление в своем функционировании основывается на законе количественно-качественного соответствия. Принцип его действия сводится к тому, что любое качество (начиная от такой мельчайшей единицы языка как семантико-фонетический комплекс и кончая такой макролингвистической единицей как текстовой сегмент) не может выйти за пределы строго определенного количества, составляющего внутренне сбалансированную сущность самого явления. Иными словами, если количественная мера превышает качество какого-либо языкового знака, то последний может сохраняться в языке только при том условии, что один из избыточных количественных формантов, передающих это качество, будет опущен.

С этих позиций рассмотрим случаи опущения to с целью обнаружения тех значений, которые воспроизводятся сопряженными формами и не требуют дублирования частицей to.

Известно, что опущение to происходит в следующих условиях:

1) при инфинитиве: а) после модальных глаголов, б) после каузативных глаголов, в) при вторичной предикации после глаголов чувственного восприятия;

2) при направленности: а) в случае прямого дополнения (give him, pass me), б) в ряде устойчивых фразем наречного порядка (типа go further).

Заслуживают также внимания случаи, когда употребление to является обязательным. К их числу относятся: а) преинфinitивное использование to, б) введение to после глаголов to be и to have для выражения модального значения, в) вторичная предикация в конструкциях Complex Object и Complex Subject (кроме случаев, оговоренных выше).

Начнем с модальности, поскольку именно в ней обнаруживается несовпадение форм. Как известно, модальность в сфере глагольных инфинитивов типа *can*, *may*, *must* etc. не использует частицу *to* ни перед, ни после себя. Однако глаголы *to be* и *to have* в модальном значении, напротив, отмечены стяжением с ней. По-видимому, для объяснения причины этого явления следует обратиться к более пристальному рассмотрению данных глаголов.

Будучи ядерными единицами поля бытия и обладания, каждый из них лишен модальной окрашенности передаваемого им действия. Бытие, утверждая или отрицая идею существования объекта в пространстве и во времени, отмечено реальной оценкой объективной действительности. Роль частицы *to* в препозиции не выходит за пределы ее общей функции — передачи процессности действия. В таком случае частица концентрирует в себе своего рода целевую установку, отвечающую на вопрос «что делать?» и таким образом сужающую качественный характер процессуальности, выраженной личной формой глагола.

Однако характер глаголов, способных притягивать к себе сужающий их инфинитив, не универсален. Так, качественная лимитация не свойственна тем глаголам, которые сами лишены качественной оценки действия. Глагол *to be* является именно такой единицей, в которой сема качественной оценки отсутствует. Выражаемое им «чистое» бытие позволяет: 1) выделить его во всех глаголах бытия (ср.: *курить* — *быть* в состоянии курения, *ходить* — *быть* в состоянии хождения и т. д.); 2) не расщеплять целевую установку в различных качественных состояниях, благодаря чему частица *to* оказывается излишней. Целенаправленность объекта выражена в глаголе настолько сильно, что за ним не может следовать еще одна динамичная структура. Поэтому после *to be* в английском языке реальная положительная или отрицательная оценка объекта идет через его сочетаемость с именными формами, ср.: *I am a teacher*.

Но как же в таком случае обстоит дело с наличием этой же частицы после *to be* в модальном значении? В связи с тем, что она встречается и после глагола *to have*, очевидно, следует сказать несколько слов и о нем. Подобно глаголу бытия, глагол обладания является ядерным для своей сферы и не наделен никаким качественным признаком, кроме «чистого» обладания. Однако нельзя забывать, что исторически он произошел в результате специфического отчленения от сферы бытия. Будучи ядерным и качественно немаркированным, этот глагол передает настолько нацеленное (или, иначе, направленное) обладание, что не требует после себя частицы *to*. Процессность в глаголе обладания, как и в глаголе бытия, имеет специфически выраженный характер. Она означает не столько действие, сколько пространственно целенаправленную характеристику объекта «иметь что-то в своем распоряжении» (в этом отноше-

ний глагол *to be* также выражает не столько действие, сколько пространственно целенаправленную характеристику объекта «быть чем-то»).

Именно этим объясняется тот факт, что ядерные глаголы, во-первых, образуют косвенные конструкции (отрицательную и вопросительную) не с помощью константного дифференциатора *do*, присущего всем периферийным и качественно маркированным единицам (ср.: *Do you want to go there?* — *Не doesn't*), а путем своей собственной структуры (ср.: *Are you a teacher?* или *You haven't it, have you?*). Во-вторых, они не допускают после себя употребления грамматических форм динамического характера. Поэтому частица *to* не может следовать за ними, как не может появляться и сам инфинитив, даже не отягощенный данной частицей (типа *have go, is make* и т. д.).

Если инфинитив призван выражать движение, а *to* сообщать этому движению направленность, то опущение того и другого указывает на следующее: процессность, выражаемая обоими ядерными глаголами, в силу целенаправленности пространственной характеристики объекта (с точки зрения того, чем он является или чем владеет) не нуждается в дальнейшем уточнении этой процессности направляющими рамками. Процессность в данном случае выражает направленность настолько четко, что дальнейшее уточнение не требуется, так как в ядерных глаголах нет ослабления значения направленности. Ослабление направленности наступает, как известно, лишь за счет вытесняющего его значения качества (ср. *курить,ходить* в их отношении к *быть*). Но поскольку качество в ядерных глаголах *to be* и *to have* имеет самую нижнюю (по сути нулевую) ступень своего выражения, то естественно, что оно не может затемнять или ослаблять направленность, скорее наоборот: своей невыраженностью оно как бы усиливает передачу данного значения.

Интересно, что в каузативном употреблении (типа *make*) опущение *to* в постпозиции тоже перекликается с вышеназванными случаями, хотя имеет и несколько иной оттенок — модальную побудительность. Общее заключается в том, что процессная направленность оказывается суженной рамками направленного движения, исходящего от побуждающего, поэтому опущение *to* позволяет избежать дублирования этого значения.

Вернемся к использованию частицы *to* в постпозиции глаголов *to be* и *to have*. В своем назвном значении оба эти глагола, как отмечалось выше, передают целеустремленную процессность, которая не нуждается в дополнительных указателях своей направленности. Однако как только реальность бытия (в его отрицательном или положительном выражении) меняется на нереальность, происходят существенные модификации в восприятии линии пространственной процессуальности. Исходя из положения В. И. Ленина о том, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, а движение предполагает направленность

от прошлого через настоящее к будущему [1], можно констатировать следующее: при реальном восприятии объекта линия процессуальности, в сущности, односторонна. Но при восприятии объекта нереального эта линия получает настолько заметные сдвиги, что нуждается в дополнительном указании своей направленности. Это, естественно, касается лишь тех случаев, где глагол по своей сути является не модальным, а ядерным глаголом двух основных сфер жизнедеятельности человека — бытия и обладания. В таких случаях утраты данными глаголами реальности в значении бытия или обладания связана с приобретением ими модального значения долженствования, выражение которого требует целенаправленного движения на объект, еще не ставший реальным. Только необходимостью отделить реальный объект от нереального и можно объяснить появление частицы *to*. Кроме того, наличие нереального объекта приводит к качественному разделению характера процессуальности: при реальном объекте она исчерпывается статичным планом своей репрезентации (ср.: *He is a teacher. He has a teacher*); при нереальном объекте она переходит на динамичную репрезентацию последнего (ср.: *He is to teach. He has to teach*).

Обратимся к выявлению природы частицы *to* в конструкциях *Complex Subject* и *Complex Object*. В обеих конструкциях *to* выражает направленность на выполнение (точнее — развертывание) действия. Поэтому в *to* сосредоточена информация двойного свойства:

1) представление процессности;
2) пространственная односторонность движения по линии передачи реального объекта (в его положительной или отрицательной оценке). При этом наличие *to* оказывается необходимым в тех случаях, где движение не имеет само по себе четко выраженного направленного характера (ср.: *expect — He was expected to come*). В то же время глаголы физического восприятия (типа *to see*), напротив, в силу своей семантики выражают восприятие движения с четко очерченными рамками, поскольку линия пространственного движения объекта односторонне схватывается зрителем восприятием наблюдающего.

Таким образом, процессуальность лимитирована самим конкретно раскрывающим ее значением глагола, поэтому постпозитивного употребления *to* после него не требуется. Однако при этом следует учитывать грамматическую специфику формы, в которой употреблен глагол типа *to see*. Отсутствие *to* оказывается допустимым только в формах активного залога, где действие не ослабляется за счет характера своей репрезентации. Но стоит изменить характер его представления на пассивный, как линия процессуальности действия затемняется и утрачивает односторонность движения в пространстве. Пространственный статус действия, естественно, остается, поскольку процессуальность сохраняется как реальный фактор представления

объекта и в пассиве, но линия движения в этой пространственной сфере требует уточнения своей направленности, и для этой цели в Complex Subject употребляется *to* с любым глаголом. Ср.: *He was seen to go there*.

Ядерные единицы бытия и обладания, переходя в сферу волеизъявления, получают статус нереальных, что подтверждается утратой ими самостоятельно выражаемой направленности и необходимости сочетаться с частицей *to*. Периферийные глаголы в силу дополнительной семантической окрашенности не могут образовывать косвенные структуры без помощи дополнительно введенного константного дифференциатора *do*. Тем не менее эта однообразность резко нарушается, стоит только все глагольные единицы «пропустить» через призму их употребления в Complex Subject и Complex Object. Оказывается, что не глаголы волеизъявления (типа *should*, *need*, *can* и т. п.), а лишь те, которые составляют периферию волеизъявления, могут свободно использоваться в данных конструкциях, ср.: *want*, *wish*, *desire*, *hate* или глаголы умственной деятельности *think*, *consider*, где еще нет реального результата мысли (они не составляют пока реализованной реальности). Несколько отходят от них глаголы физического восприятия (*feel*, *hear*, *see*). Однако и они не выражают процесс, непосредственно осуществляемый субъектом, а, напротив, констатируют нечто как бы неподвластное тому, кто это чувствует, видит, слышит: *I feel the wind blow*. *He watched a trout slip lazily out from under the bank*.

Таким образом, с одной стороны, использование глаголов в конструкциях Complex Object и Complex Subject позволяет выделить периферию нереальных единиц, так как этот пласт языка сам по себе настолько глубоко скомпрессировался с периферией реальных единиц, что отцепить его исследователю несложно. (Ведь все периферийные глаголы объединены общим константным дифференциатором *do*, что еще больше затрудняет область анализа.) С другой стороны, дифференцированное использование глаголов именно в этих конструкциях показывает внутреннюю неоднородность семантических пластов, составляющих глагольную систему в целом.

Большая группа глаголов, составляющих предикаты данных конструкций,— это глаголы волеизъявления: *He wants him to go*. *He expected him to go*. Но волеизъявительность, сближающая границы логического бицентризма с грамматическим моноцентризмом, не снимает полностью той двухвершинности, которая исходно присуща бицентризму. Два логических центра, каждый из которых имеет свою смысловую вершину, стягиваются в анализируемых конструкциях посредством частицы *to*. Ее роль состоит именно в передаче контактных значений.

Наряду с указанными глаголами, предикатом данных структур могут выступать также и глаголы чистого бытия, которые передают восприятие,— то, что субъект видит, слышит, осязает.

Глаголы экзистенции, характеризуясь выражением центростремительности, которая формирует один логический центр, должны сохранить данный моноцентризм и на грамматическом уровне, но такое сохранение не соответствует логическому статусу. Исходно в этих конструкциях фиксируется два перекрещивающихся источника информации: первый — точка отсчета, которую как плацдарм мысли устанавливает воспринимающий объект, второй — это объект, который воспринимают. Для преодоления несоответствия в условиях коррективности при использовании глаголов бытия в языке вырабатывается тенденция, препятствующая их сочетанию с частицей *to*. Вместо нее используются грамматические формы, выражающие не контактность, а слияние. Итак, формы без *to* (*I see him cross it*) подтверждают идею грамматического моноцентризма, которая развивается как специфическая трансформация логической незначимости тематического центра.

Естественно, что из двух видов предиката, бытийного и волеизъявительного, лишь волеизъявительный наиболее близко в понятийном смысле сохраняет логический бицентризм, передавая его благодаря наличию *to*. Но сама природа волеизъявительности с четкостью показывает не только исходную неравнозначность логических центров, но и тенденцию их перехода в один грамматический моноцентр. Последнее в максимальной форме получило свое выражение в бытийных предикатах, сочетающихся с *to*. (В какой-то мере аналогичное явление наблюдается и в структуре безличных предложений, оформленных псевдоподлежащим *it*.) Функция псевдоподлежащего — установить плацдарм для развития мысли. Его логическая обесцененность приводит, как известно, в ряде индоевропейских языков к его полному опущению. Ср.: (*it is*) *early* и русское *Рано*.

Обратимся еще раз к проблеме лимитации. Если предикат (так же, как и в случае с псевдоподлежащим) служит цели установления плацдарма с точки зрения временных, залоговых и прочих характеристик, он стягивает все остальные смыслово-выражающие структуры вокруг себя, то есть он как бы «цементирует» конструкции в плане грамматического моноцентризма, но отличительная черта этих конструкций — явно выраженный предельный характер. Эта предельность присуща даже бытийному типу предиката и тем самым отличает моноцентризм грамматического типа от моноцентризма логического, так как последний всегда непределен. Моноцентризм же грамматический, напротив, предполагает большее лимитационное выражение, которое связано с сохранением связи с исходнологическим бицентризмом.

Следовательно, логический бицентризм субъектно- и объектно-предикативных конструкций с неравнозначным соотношением исходного и завершающего центров может быть двояко скорректирован в грамматическом моноцентризме: 1) выражен через

контактность путем глаголов волеизъявления с использованием *to*, 2) через слияние глаголов бытия со значением общей лимитации.

Сказанное о лимитации в глаголах бытия не означает, что в глаголах волеизъявления лимитация отсутствует. Она, естественно, имеет место и здесь, но ее проявление носит иной характер.

Остановимся на анализе этих различий. Так, в обоих случаях лимитация является внешней по отношению к глаголу. Она приходит не только от окружающих его единиц, но, главное, от единиц, создающих перекрещивающуюся и усиливающуюся лимитацию. С.: *He saw him come/coming*. Предикат имеет внешнюю наполняемость за счет подлежащего. Сочетания же типа *him coming* или *him come* образуют закрепленный комплекс внутри себя и после этого выступают внешним лимитатором по отношению к глаголу-сказуемому. Следовательно, в этом случае влияние лимитационной группы опосредованно. Внешний характер этой лимитации сохраняется и в группе волеизъявления. Ср.: *He expected him coming/to come*. Здесь имеет место не одновременность, а темпоральная последовательность, которая в ограничительном плане наиболее ярко выражена. Поэтому лимитативный аспект внешнего ограничения в глаголах волеизъявления более определен, тем самым как бы подтверждается тот факт, что значение контактности, переданное частицей *to*, является ограничительным и стягивает к себе средства внешней предельности как дополнительные.

Итак, можно представить шкалу лимитационных зависимостей по нижнему и верхнему пределам экстремальности. Если исходной структурой, подлежащей ограничению, считать глагол в предикативной форме, то его можно схематично поставить в позицию, равную началу отсчета (то есть единице). Глаголы волеизъявления, требующие наличия *to*, настолько усиливают внешний характер лимитации, что создают структуру с высшим пределом экстремальности. Глаголы же бытия, не допускающие *to*, настолько ослабляют внешний характер лимитации, что создают структуры с низшим пределом экстремальности.

Таким образом, наличие или отсутствие *to* с глаголами *to be* и *to have*, употребленных в качестве эквивалентов глагола *must*, обусловлено приобретением ими значения долженствования. Его выражение требует целенаправленного движения к объекту, еще не ставшему реальным. Необходимостью отделить реальный объект от нереального и объясняется появление частицы *to*. В случае с конструкциями *Complex Object* и *Complex Subject* появление *to* оказывается необходимым в тех случаях, где движение не имеет четко выраженного направленного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18.

**ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Темпоральные отношения в простом предложении анализируются в свете лимитативной концепции предметно-атрибутивной семантической модели предложения. Лингвистическим средством описания содергательной стороны высказывания избираются универсально-константные значения (УКЗ), составляющие основу аппарата семантического описания языка. К их числу относится и УКЗ времени, наряду с УКЗ пространства, бытия, обладания, состояния и т. д. [1, с. 11].

Семантическая структура предложения, отражающая ситуативную действительность, соотносится с предметным миром и его атрибутами. Поэтому время как неотъемлемый признак объективной действительности в совокупности с предметными сущностями находит свое отражение в семантической структуре предложения в виде УКЗ времени. Формирование семантико-сintаксической структуры предложения происходит в функциональной схеме *смысл* → *система* → *текст*. Поэтому исследование темпоральных отношений проводится на всех трех уровнях языковой абстракции (кодово-направительном, системно-языковом и индивидуально-речевом [1, с. 7]. Темпоральными отношениями, или лингвистическим аспектом категории времени, мы, вслед за Т. И. Дешериевой, называем всю совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов категории времени [2, с. 111]. Иерархия семантико-сintаксических средств выражения УКЗ времени рассматривается нами в тесной взаимосвязи с философским аспектом времени.

В отличие от пространства, являющегося всеобщей формой существования тел, время — это всеобщая форма смены явлений. Так же, как и пространство, время характеризует координацию предметов, но с позиции сменяющих друг друга состояний материальных объектов. При восприятии объекта как целого с позиции пространственно-временных отношений различают, с одной стороны, его протяженность, а с другой — длительность. Длительность состояния — это «время жизни» объекта или явления. Следовательно, в УКЗ времени, которое выступает семантической единицей базового компонента языка и одновременно результатом отражательной деятельности коммуникантов, должны найти свое выражение как устойчивые, так и изменчивые формы темпоральных признаков ситуации.

Лимитирование, или конкретизация УКЗ времени на пути восхождения познания от абстрактного к конкретному, предполагает адекватное воссоздание в темпоральных отношениях высказывания временных признаков ситуации. При анализе при-

меров очевидна необходимость выделения абстрактных и конкретных форм фиксации дробного структурирования УКЗ времени в процессе познавательно-классифицирующей и синтезирующей деятельности говорящего в акте коммуникации. Рассмотрим ряд примеров.

I saw her sister out shopping yesterday (6, p. 115).

На кодово-направительном уровне семантическая структура предложения кодируется в виде O have O , указывающем на то, что в именуемой ситуации участвуют два объекта. Эта семантическая модель предложения имплицитно содержит совокупные отраженные признаки участников ситуации и их отношения. Синтаксическая структура данного предложения на этом же уровне будет SPO .

На системно-языковом уровне семантическая структура предложения конкретизируется и оформляется морфолого-сintаксическими средствами, свойственными английскому языку:

Psn ST(act) [Psn ST(act)] — семантическая структура
S P Complex O — синтаксическая структура.

На этом уровне представления семантической модели предложения происходит дробление смыслового содержания, требующего языкового оформления. Степень дробления может быть различной. В приведенной схеме дан максимально абстрактный уровень семантического моделирования предложения на втором этапе языкового обобщения, который имплицитно содержит в себе УКЗ времени, пространства, качества, количества и т. д. Эти, не представленные в эксплицитном виде УКЗ, могут входить составной частью в УКЗ личности, состояния, действия, а также быть выражены в порядке их расположения на линейной оси времени.

УКЗ — основа системной организации лексики в виде наиболее обобщенных семантических понятий, которые конкретизируются категориями-наименованиями. Последними объединяются слова-наименования в синонимичные ряды. В приведенном примере УКЗ состояния (активного) является основой для категории-наименования «зрительное восприятие», лимитируемого в речевом высказывании словом-наименованием *saw*. На этом уровне языковой абстракции семантический код языка максимально дробится и оформляется синтактико-морфологическими, лексическими и просодическими средствами. На индивидуально-речевом уровне происходит лишь выбор этих средств для адекватного с точки зрения говорящего именования объективной ситуации.

Из всех УКЗ (план содержания) и способов их оформления морфолого-сintаксическими и лексическими средствами (план выражения) предметом нашего анализа является УКЗ времени и способы его фиксации в предложении-знаке. Два объекта в данном высказывании находятся соответственно в состоянии *seeing* и *out shopping*. Последние представляют собой макси-

мальное для данной семантической структуры предложения дробление УКЗ времени. В то же время они соотносимы с философскими понятиями «длительность состояния», «момент длительности», «время жизни состояния».

В предложении, именующем соотнесенность субъекта с определенным количеством объектов (что называется ситуацией), фиксируется координация состояний участников ситуации. Состояние, в котором находится исходный объект (субъект), — *seeing* — не замыкается на нем самом, а предполагает присутствие другого участника ситуации, который также находится в определенном состоянии *out shopping*.

«Время жизни» этих двух взаимопредполагающих друг друга состояний выражается определенным набором морфолого-сintактических и лексических средств. Максимально абстрактным уровнем языковой фиксации в анализируемом предложении-высказывании можно считать Past Indefinite предиката *saw*, а наиболее конкретным средством — слово-наименование *yesterday*.

She gazed at him in silence (3, p. 147).

Предложение именует ситуацию с двумя участниками, временная характеристика которых может быть определена длительностью состояний: *gazing* и *being gazed*. Соотнесенность этих двух процессов дает понимание координации сменяющих друг друга состояний, происходящих в объектах. В семантической структуре предложения отражаемый процесс дает понятие УКЗ времени, которое в синтаксическом строе предложения находит свое выражение в порядке следования именованных объектов на линейной оси грамматического времени (порядок слов) и в форме Past Indefinite глагола-предиката *gazed*.

The two nuns looked at her for a moment in silence (5, p. 152).

The two nuns, будучи исходным объектом ситуации, пребывает в состоянии, которое в предложении выражено лексическим значением глагола *looked* и лимитировано именной группой *in silence* для полного воссоздания «момента жизни». Состояние второго объекта может быть определено понятием *being looked*. Происходящий процесс в исходном объекте *looking in silence* координируется с состоянием второго объекта *being looked*, выражаясь в семантико-сintактической структуре предложения в виде последовательной конкретизации УКЗ времени: наиболее абстрактный уровень — синтаксическая позиция именных членов, образующих пропозицию предложения, затем — Past Indefinite предиката *looked* и предельный лимитатор — словосочетание *for a moment*.

Some day you will look at your friend (7, p. 12).

Темпоральный план этого предложения имеет свои особенности. Два состояния, в которых пребывают исходный объект *you* и второй объект *your friend*, можно охарактеризовать признаком *looking* для первого и *being looked* — для второго. Время, как форма координации этих двух состояний проявляется в том,

что количественная мера состояния исходного объекта находится в определенных количественных отношениях к состоянию, в котором находится второй объект на оси объективного времени. Отражаемая в предложении пропорция состояний участвующих в ситуации объектов составляет понятие полевой структуры УКЗ времени.

В данном примере гравитационное поле УКЗ времени находит свое выражение в линейной последовательности именных членов в форме Future Indefinite, характеризующей перспективную направленность действия. Неопределенность действия, исходящего из первого объекта, подтверждается темпоральным лимитатором *some day*, который безусловно конкретизирует временную соотнесенность состояний, но не придает очерченных контуров. Темпоральный ограничитель *some day* уточняет «момент длительности» ситуации, воспринимаемой как целое. Он может рассматриваться как показатель относительной устойчивости всего события в целом.

Julia now was looking at photograph of herself in her wedding dress (3, p. 48).

В этом примере два участника ситуации: *Julia* и *photograph*. Состояние исходного объекта может быть структурировано по уровням восхождения познания: наиболее абстрактный уровень — бытие объекта, более конкретный — уточняет УКЗ бытия, определяет отрезок времени в жизни Джуллии, подвергающейся именованию *now*, и предел ограничения состояния объекта в именуемом событии фиксируется формой *was looking*.

Второй объект пребывает в состоянии *being looked*. Однако речетворчество автора позволяет выбрать языковые средства для выражения результата более сложного процесса отражения состояния этого объекта, которое воспринимается в виде образа той же Джуллии (*of herself*), но в другом возрасте (*in her wedding dress*). В исходном объекте словесный знак *now* является промежуточным признаком в общей характеристике состояния объекта в ситуации, но конечным для его статичного описания. Во втором объекте словосочетание *in her wedding dress* означает отрезок жизни Джуллии, запечатленный на портрете. Таким образом, состояние второго объекта не ограничивается понятием *being looked* по отношению к *photograph*, а уточняется языковыми средствами, выражающими более глубокое восприятие второго объекта.

Таким образом, в многоаспектности объективной ситуации именованию подвергается лишь та ее часть, которая противопоставляет два образа Джуллии: *Julia now* и *the then Julia*. В семантической структуре предложения отражается дробный процесс лимитации временного плана. Прежде всего объекты воспринимаются с качественной стороны. В этом случае фиксируется «момент длительности» состояния объекта, воспринимаемого как целое без соотнесения с состоянием других объектов.

Этой цели служат средства именной лимитации каждого отдельного объекта.

Координация активного состояния исходного объекта *Julia now* и статичного состояния второго объекта *photograph of herself in her wedding dress* составляет определенную количественную пропорцию, фиксируемую в предложении порядком слов как наиболее абстрактным уровнем, морфологической формой *Past Continuous* как наиболее конкретной. Именованная в предложении координация состояний объектов с помощью одного из видовременных средств является показателем «момента длительности» события, воспринимаемого как целое.

She had never seen a more beautiful young man (3, p. 35).

Оба объекта именуемой ситуации *she* и *man* находятся соответственно в состоянии *seeing* и *being seen*. Эти состояния характеризуются определенными количественными отношениями, равными видовременной грамматической форме предиката *had never seen*. Линейное расположение объектов показывает направленность протекания процесса, а форма *Past Perfect* уточняет его ретроспективу. Компонент *never* является показателем УКЗ однозначности, исключающим происходящий в исходном объекте процесс *seeing* из ретроспективной плоскости.

They pulled stone after stone (8, p. 129).

В предложении активное состояние исходного объекта характеризуется понятием *pulling*. Состояние второго объекта *stone* может быть определено как *being pulled*, но одновременно оно конкретизируется пространственным лимитатором *off*, указывающим на изменение пространственного положения второго объекта. Состояние, в котором пребывает второй объект, уточняется именной группой *after stone*, раскрывающей в полной мере пространственно-временные параметры именной сущности. Действие, исходящее от *they*, изменяет пространственно-временные параметры второго объекта. Поэтому в семантико-синтаксической структуре предложения находит свое отражение соотношение двух имеющихся состояний *pulling* и *being pulled off one after another*. Количественная основа отношений этих двух состояний в объективной ситуации на оси объективного времени и субъективное восприятие сложного денотата автором высказывания фиксируется в предложении через стадию УКЗ времени линейным расположением членов предложения и грамматическим индикатором времени *Past Indefinite* глагола *pulled*.

She wiped first the telescope glass and then her eye (8, p. 59).

В этом примере второй объект как участник ситуации представлен расчлененно на линейной оси объективного времени в виде двух объектов. Состояние исходного объекта в ситуации измеряется понятием *wiping*, а состояние последующих двух объектов понятием *being wiped* без каких-либо дополнительных конкретизаторов. Порядок темпорального соотношения этих состояний, неразрывно связанных друг с другом и образующих

каркас предложения, фиксируется в предложении с помощью линейного расположения его членов, формой Past Indefinite смыслового глагола-предиката *wiped* и наречиями-лимитаторами *first* и *then*, уточняющими «моменты жизни» состояния на оси объективного времени. Из анализа примера очевидно, что языковые средства выражения УКЗ времени образуют поле со своим ядром (синтаксическая позиция и видовременные формы глагола-предиката) и периферией (лексическими группами словоформ).

I'll spread them to dry after (8, p. 146).

Анализ темпоральной лимитации в данном предложении предусматривает прежде всего установление состояний объектов. Для исходного объекта это — *spreading*, для *them* — это *being spread* и *being dried*. Активное состояние выносится за темпоральный центр настоящего и относится к перспективной линии. Исходный объект имеет не только признак *spreading*, но и *drying*, который также может быть отнесен к будущему моменту. Последовательность сменяющих друг друга состояний отражена в линейной расположенности средств, именующих эти признаки в синтаксическом построении предложения, в лексико-грамматическом лимитаторе *after*, уточняющем смену состояний исходного объекта I и второго участника ситуации *them*.

The village had been built in the thirties by the company (8, p. 229).

В данном примере именуется ситуация, в которой участвуют два объекта *village* и *company*. Состояние исходного объекта, отраженное в семантической структуре предложения, может быть определено как *being built*, а второго — как *building*. Изменение состояния первого объекта происходило на оси объективного времени от *being unbuilt* к *being built*, т. е. от отсутствия к присутствию. Количественная основа соотношения этих двух состояний при его ретроспективном восприятии выражается грамматической формой Past Perfect и уточняется лексическим лимитатором *in the thirties*.

The wood polished and full of dark reflection (8, p. 162).

В ситуации, именуемой автором высказывания, участвует один объект *wood*. Его состояние, означенное в предложении, может быть охарактеризовано как *being polished and full of dark reflection*. Фиксируемое в предложении состояние было приобретено объектом в результате действия, исходящего от неназванного объекта. Исходное состояние объекта *the wood* может быть названо *being unpolished*, которое изменилось благодаря воздействию процесса *polishing* на оси объективного времени. Результатом взаимодействия этих двух состояний явилось новое — *being polished*. Количественное соотношение исходного *being unpolished* с отражаемым в предложении *being polished* равняется грамматической видовременной форме Past Indefinite. Состояние *being full of dark reflection* находится в коли-

чественном соотношении с being unpolished, равном Past Indefinite. Процесс being polished является причиной для being full of dark reflection, что отражается в линейном расположении средств, именующих эти процессы на оси грамматического времени.

Таким образом, анализ примеров показывает, что язык как объективация отношений субъекта с реальной действительностью имеет свои формы фиксации атрибутов материального мира. УКЗ времени, будучи результатом отражения темпорального плана ситуации в семантической структуре предложения, является основой для морфолого-сintаксических и лексических средств его фиксации в синтаксической организации предложения-знака.

УКЗ времени сосредоточивает в себе процесс отражения не только смены состояний, происходящих в материальных объектах, но и «моменты длительности» этих процессов. В зависимости от характера состояний, в которых пребывают объекты, а также от авторского ракурса их восприятия в семантико-сintаксической структуре высказывания на передний план выносятся либо понятия «смены состояний» объектов, либо их «моменты длительности». Как в первом, так и во втором случаях УКЗ времени образует поле лексико-грамматических средств со своим ядром и периферией. Центр поля смены состояний имеет наиболее абстрактный уровень — порядок слов и более конкретный — видовременные формы глагола-предиката. Периферийная зона этого поля также неоднородна: от линейного порядка лексических лимитаторов до отдельных слов-знаков, уточняющих количественную меру соотношения состояний участников именуемого события.

Лексико-грамматическое поле УКЗ времени-длительности, описывая процессы, происходящие в объектах при целостном восприятии, имеет более конкретный характер. Ядро этого поля конкретно по своей сути, и наиболее абстрактный уровень его описания — понятие бытия, или УКЗ бытия. Все остальные лексические средства лишь уточняют это исходное понятие. Проведенное исследование показывает, что лимитация темпорального плана в семантической структуре предложения вырабатывает определенные средства языкового выражения, свойственные только английскому языку, и имеет системный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кошевая И. Г. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Просвещение, 1982.
2. Дешериева Т. И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам. — ВЯ, 1975, с. 111—117.
3. Maugham S. Theatre. Moscow, 1979.
4. Hemingway E. A Farewell to Arms. Moscow, 1969.
5. Maugham S. The Painted Veil. Moscow, 1981.
6. Green G. The Quiet American. Moscow, 1968.
7. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. Moscow, 1979.
8. Make All Right: Modern English Short Stories. Moscow, 1978.

Побудительность, значение которой складывается, как правило, из стремления говорящего «создать, вызвать к жизни новую действительность или видоизменить то, что имеется» [1], содержит для своего выражения большой арсенал разнообразных структур. Обладая общим компонентом «желание каузировать событие», они отличаются по степени категоричности и не могут быть сведены лишь к императивным конструкциям.

Говоря о способах выражения повеления, О. Есперсен отмечает, что «просьбы могут быть разнообразными: от грубых приказаний через ряд промежуточных ступеней (требования, увещевания, приглашения) до робкой и униженной мольбы» [2]. Степень категоричности побудительных высказываний, таким образом, зависит от степени уверенности в осуществлении выраженного желания. Приказ связан с полной уверенностью говорящего о том, что желаемое действие будет выполнено, и, следовательно, обладает высокой степенью категоричности.

Просьба подразумевает неуверенность говорящего в том, что желание будет выполнено, и обладает более низкой степенью категоричности. Необходимо отметить, что ядром поля побуждения является императив, который способен выразить различные оттенки побудительного значения от самых резких и настойчивых до самых мягких и вежливых.

Периферийные конституенты поля побуждения также варьируются по степени категоричности в зависимости от: а) функционального типа предложения, в котором они используются; б) их собственной семантики — признак, релевантный в первую очередь для модальных глаголов, глаголов побуждения; в) наличия/отсутствия отрицания; г) формы наклонения (can — could) [3]. В роли категоричных форм выражения побудительности функционируют формы will+инфinitив, Present Continuous, конструкция to be going to+инфinitив, модальные глаголы must, shall, can в структуре повествовательного предложения, в то время как формы will+инфinitив, Present Continuous, модальные глаголы в структуре вопросительного предложения, конструкции типа do you mind..., would you mind doing something, конструкция had better, формы модальных глаголов could, might и модальный глагол should образуют модели выражения побудительности со значительно меньшей степенью категоричности. Поскольку исходное побуждение дает лишь стимул, идущий от говорящего, необходима вербальная реакция на него для замыкания высказывания и образования диалогического единства. Степень категоричности реплики-стимула обусловливает и структурно-семантический тип реплики-реакции.

Как указывает И. Г. Кошевая, «императив представляет собой значение категоричного волеизъявления с футуральной на-

правленностью», а «в пожелании (вонтативе) волеизъявление носит некатегоричный характер, хотя форма также имеет футуральную направленность и является, можно сказать, разновидностью футуральности» [4].

Сказанное выше в какой-то степени объясняет разнообразие синтаксических моделей побудительных конструкций, связанное с различными оттенками их семантического наполнения.

Цель данной статьи — рассмотрение некоторых структурно-семантических побудительных конструкций вопросительного типа, поскольку рамки небольшой работы не позволяют проанализировать все разнообразные модели выражения побудительности.

В статье рассматриваются предложения типа

1. Will you open the window, please?
2. Can you lend me the magazine for a day or two, please?
3. Won't you have a seat, please?
4. Could you switch on the light, please?
5. Do you want to start cooking the dinner?
6. Aren't you going to phone her?

Все эти предложения, имея вопросительную форму, по сути своей являются побудительными и соответствуют таким предложениям, как

- 1a. Open the window, please.
- 2a. Send me the magazine for a day or two, please.
- 3a. Have a seat, please.
- 4a. Switch on the light, please.
- 5a. Start cooking the dinner.
- 6a. Phone her.

Предложения 1, 2, 3, 4, 5, 6 произносятся и понимаются не как просьба об информации, а именно как просьба о действии, так же как и предложения 1а, 2а, 3а, 4а, 5а, 6а. Внешнее отличие моделей объясняется лишь степенью категоричности побуждения, заложенной в императивных предложениях и предложениях с вопросительной структурой. Таким образом высказывания, внешне имеющие форму и интонацию вопроса, воспринимаются и понимаются как побуждение к действию? Для понимания языка важно изучение и правильное понимание речевого акта. Характеризуя процесс деятельности, который мы называем говорением, можно выделить следующие этапы: 1) речевой акт — произнесение некоторого предложения с определенным смыслом и референцией; 2) вноречевой акт — произнесение высказывания с известной силой информации, приказа, предупреждения; 3) речевоздействующие акты — то, чего мы достигаем посредством говорения. Очевидно, что одни и те же высказывания с одними и теми же смыслами и референциями могут обладать рядом различных вноречевых сил, связанных с вноречевым актом [5]. В свете этого ясно, что вопросительные по форме

предложения могут восприниматься как побудительные предложения.

В то же время исследование фактического материала показывает, что реплики-реакции на этот тип высказывания отличаются как от реакций на вопрос, так и от реакций на просьбу или приказание, выраженные императивным предложением. Соответствующая вербальная реакция на императивное побудительное высказывание зависит от того, готов ли тот, к кому обращено побуждение, выполнить его. При готовности выполнить приказ или просьбу немедленно отпадает необходимость в вербальной реакции, хотя отсутствие последней в этом случае и может быть истолковано как проявление невежливости или неприязненности. Если выполнение просьбы оттягивается во времени, то достаточно употребить формулы OK или all right. Если в этом случае употребляется слово yes, то затем должно последовать обращение типа sir, madam, miss, Mr. White и т. д. Ср.: Bring us two coffees and some muffins and see that they are hot enough.—Yes, sir (10, p. 17). Отрицательная реакция требует развернутого высказывания. Ср.: Mrs. Pearce. Now stop crying and go back into your room and take off all your clothes, Liza.—I can't. I won't. I'm not used to it. I've never took off all my clothes (14, p. 35).

Реакция на побудительные предложения с вопросительной структурой также может быть положительной или отрицательной. В первом случае человек, к которому обращено побуждение, должен, как правило, выразить свою готовность выполнить действие в словах. Для этого ему достаточно употребить любую из названных выше формул. Ср.: Will you give me a minute to think? I do need it.—Sure, why not? (12, p. 37). Would you just give me a hand in arranging the goods in the window?—Oh, yes, dear (15, p. 126).

В случае отрицательной реакции обязательно должно быть дано объяснение. Ответ «No, I can't, won't, wouldn't» является в таком случае очень грубой формой ответа.

Возражение, несогласие побуждаемого обычно вынуждает говорящего повторить волеизъявление в более категоричной форме, чем сначала. В результате этого одноступенчатое побудительное диалогическое единство развивается в составное (двух-, трех- и более ступенчатые побудительные диалогические единства) [6]. Ср.: Why don't you write her and tell her so at once?—Oh, no, I can't. I can't really. She won't believe my letter.—But you must. It's your duty. I tell you you must (11, p. 49).

Большую роль при этом приобретает повтор. Сам повтор не является непосредственной реакцией на побуждение, смысловая сущность повтора заключается в эмоциональном восприятии побуждения, идущего вразрез с реальностью его исполнения. Повтор выступает интонационно-смысловым рубежом для пере-

хода к действию — или отрицательному, или частично утвердительному. В то же время повтор — это связующее звено в построении нового предложения или ряда предложений и образует совместно с побуждением сверхфразовое единство императивности [7]. Ср.: Aren't you going to have some tea, dear? — Oh, I couldn't dream of having anything at the moment. *I couldn't indeed. I tell you it's impossible. I couldn't eat or drink now.* — But, dear, it's necessary. You should take something. Do take a bit of something (9, p. 187).

Предложения типа „Why don't you tell me everything?” предполагают, что ответом будет либо положительная реакция на побуждение, выражаемая через действие, сопровождаемое соответствующей вербальной реакцией, либо мотивировка несогласия. Ср.: Why don't you tell him at once you aren't going to accept him? — Oh, yes, I think I'll do it (9, p. 167). Why don't you set the table? — Why should I? We are not going to eat now, are we? Not under the circumstances, I think (16, p. 46).

Анализ языкового материала показывает, что побудительные предложения вопросительного типа не способны выражать приказ, требование. Вопросительные предложения побудительного типа также варьируются по степени категоричности. Обычно предложения этого типа имеют среднюю степень категоричности; как правило, они не выражают ни приказа или требования, ни мольбы, а различные оттенки просьбы. Этот тип побудительных предложений характеризуется косвенным, завуалированным выражением побуждения (намек, предположение, предложение сделать что-то и т. д.)

В зависимости от оттенков выражения побуждения варьируются и структурные модели этого типа. Анализ языкового материала позволяет выделить следующие структурные варианты этого типа:

- 1a. Can you do this for me?
- 1b. Could you do this for me?
- 2a. Will you open the door?
- 2b. Would you open the door?
- 2c. Won't you open the door?
- 2d. Wouldn't you open the door? •
- 3a. Do you mind doing it yourself?
- 3b. Would you mind doing it yourself?
- 4a. Do you want to clean the room at last?
- 4b. Don't you want to clean the room at last?
5. Aren't you going to help me?
6. Why don't you help me?

Эти структурные варианты не равнозначны по степени категоричности, по степени настойчивости выражения побуждения, по степени его завуалированности. Это отчетливо видно из соответствующих реплик-реакций. Так, например, анализ показывает, что предложения типа Why don't you do something?

Aren't you going to do something? Don't you want to do it?, как правило, требуют более подробного и мотивированного объяснения отказа, так как они обладают большей степенью категоричности, чем например, Do you mind doing it yourself? или Will you do it for me? Модель Won't you do it? выражает побуждение сильнее, чем модель Will you do it? Cp.: Will you take the child for a walk? — No, I'm busy (9, p. 178). Won't you explain to her what she is expected to do and say? — Oh, but don't you see that I'm going to be rude and tasteless and this will spoil everything. You see that I can't do it, don't you? (13, p. 87). Анализ фактического материала показывает также, что для восприятия вопросительных по форме предложений как побудительных высказываний немаловажную роль играет пресуппозиция, то есть условия, удовлетворение которых необходимо, чтобы высказывания с утверждением, вопросом, повелением понимались как таковые [8]. Например, предложение Will you take the baby for a walk? в одной ситуации воспринимается как побудительное и вызывает ответ I can't. Don't ask me to do it, в другой ситуации оно является чисто вопросительным предложением и вызывает ответ Not now, in an hour or two, perhaps.

Таким образом, интенсификация или ослабление категоричности исходного высказывания-стимула порождает разнообразие структурно-семантических моделей побудительности, к которым относятся и вопросительные конструкции, рассмотренные в данной статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бельский А. В. Побудительная речь.— В кн.: Экспериментальная фонетика и психология речи. М., 1963, с. 87.
2. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958, с. 351.
3. Кисловская Е. Н. Побудительная модальность в структуре повтора: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1975, с. 4.
4. Кошевая И. Г. Грамматический строй современного английского языка/ МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1978, с. 116.
5. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Наука, 1974, с. 208—212.
6. Кошевая И. Г. Проблемы языкоznания и теории английского языка/ МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1976, с. 105—112.
7. Кошевая И. Г., Дубровский Ю. А. Сравнительная типология английского и русского языков. Минск: Вышэйшая школа, 1980, с. 253—255.
8. Звегинцев В. А. Указ. соч., с. 207.
9. Adams H. Mystery and Minette. Lnd., 1975.
10. Christie A. Appointment with Death. N.Y., 1963.
11. Maurier D. du. The Flight of the Falcon. Lnd., 1965.
12. Hamilton A. As if She were Mine. Lnd., 1964.
13. Murdoch I. The Bell. Hammondsorth, 1966.
14. Shaw B. Pygmalion. M., 1963.
15. Stout R. Too Many Cooks. Lnd., 1972.
16. Welty E. The Optimist's Daughter. N.Y., 1972.

В современной лингвистике при изучении языкового содержания все чаще избирается путь от семантического содержания к средствам его выражения. Именно этот принцип положен в основу понятийных категорий, которые разрабатывались И. И. Мещаниновым, В. В. Виноградовым и О. Есперсеном.

И. И. Мещанинов писал, что «всякое понятие, существующее в сознании человека, может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, может быть передано семантикой отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать в нем определенную систему. В последнем случае выступает понятийная категория» [1].

Если О. Есперсен, выделяя понятийные категории, указывает не только на их лингвистическую сущность, но и на их внеязыковой, относящийся к сфере универсальной логики характер [2], то И. И. Мещанинов настойчиво подчеркивает именно языковую природу понятийных категорий. Он утверждает, что понятийная категория передается в самом языке, в самой языковой структуре, где получает определенное построение, выражающееся в определенной лексической, морфологической или синтаксической системе [3].

В. В. Виноградов, в свою очередь, указывает на то, что невозможно изучение грамматического строя языка без учета его лексической стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений [4].

Логический подход к изучению языковых явлений используют также Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс при описании грамматико-лексических полей в современном немецком языке [5].

Опираясь на теорию понятийных категорий, А. В. Бондарко выделяет функционально-семантические категории, представляющие собой «языковые категории, имеющие языковое содержание и языковое выражение» [6]. Как указывает А. В. Бондарко, «критерием выделения рассматриваемых категорий является частичная общность семантических функций, взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов)» [6].

Из сказанного выше ясно, что изучение языкового содержания на основе грамматико-лексических полей, или функционально-семантических категорий, предполагает привлечение элементов разных языковых уровней, которыми они порождаются, позволяет рассматривать различные уровни языка в их взаимосвязи и взаимодействии.

В данной статье на материале английского языка рассматриваются грамматико-лексические средства выражения категорий модальности, то есть поле модальности, выразительные

средства которого принадлежат к различным языковым уровням.

Известно, что высказывание характеризуется модальным содержанием, которое может быть передано различными выразительными средствами: грамматическими, лексическими, интонационными или совокупностью этих средств. В современной лингвистической литературе принято рассматривать различные аспекты модального содержания. Г. А. Золотова, в частности, определяет модальность как категорию, выражающую отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего (объективная модальность), отношение говорящего к содержанию высказывания (субъективная модальность) и третий вид модальности как выражение отношения субъекта к действию [7].

Эти типы модальных значений взаимодействуют между собой и актуализируются в речи, где значительное место занимает ритмико-интонационное оформление высказывания, уточняющее и обогащающее основное модальное значение.

«То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п.» [8], то есть основным модальным значением высказывания является план соотнесения достоверности, реальности и недостоверности, нереальности, план действительности и недействительности, как это представляется говорящему лицу.

Если все возможные средства выражения модальности представляют макрополе модальности, то в нем соответственно можно выделить микрополе достоверности и недостоверности, или действительности и недействительности (термины Е. В. Гулыга, см. [9]). Рассмотрим микрополе действительности в английском языке. Обычно выражение модальности связывают в первую очередь с глагольными наклонениями, которые, будучи грамматическим средством выражения модальности, указывают на модальность действия, выраженного глаголом-сказуемым, «обозначают отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [10].

Соотнесенность высказывания с действительностью в плане реальности или достоверности действия выражается изъявительным наклонением — доминантой микрополя действительности. Поскольку изъявительное наклонение сообщает о фактах действительных, оно тем самым противостоит всем другим наклонениям.

Содержание изъявительного наклонения определяет его наибольшую употребительность по сравнению с другими наклонениями, ибо в речи говорящий чаще всего сообщает свое субъективное отношение к высказываемой мысли в плане констатации как факта реально существующего или не существующего.

Выражение модальных значений реальности сообщаемого органически связано с выражением временных отношений.

В английском языке изъявительное наклонение представлено системой времен, которые, кроме утверждения реальности действия в настоящем, прошедшем или будущем часто несут дополнительное модальное значение. Наиболее отчетливо это проявляется при употреблении будущего времени. Значение будущего всегда содержит модальный оттенок, сопутствующий основному значению констатации, поскольку осуществление действия, отнесенного к будущему, лежит за пределами момента речи и обычно мыслится как необходимое, возможное, желательное и т. п.

Модальное значение проблематичности будущего времени особенно четко обнаруживается при употреблении в нетипичном для него случае — в придаточных предложениях времени и условия, например: *If you will tell me how he got the information out of France and back to England, to your Major Cochrane, I will stop the execution* (18).

Действие, которое может осуществляться в будущем, хотя говорящий считает это маловероятным, находит выражение в условном придаточном предложении в сочетании *should* с инфинитивом, при этом в главном предложении может употребляться или повелительное наклонение, что указывает на реальность самой посылки, выраженной в условном придаточном предложении: *I did not mean to say that if you should exceed the sum named in my letter to you by ten or twenty or even fifty pounds there would be any difficulty between us* (19).

Настоящее время может также употребляться для выражения действия, относящегося к будущему. В этом случае настоящее время выражает действие предполагаемое, как и будущее вообще, но предположительность такого действия ограничивается уверенностью в его осуществлении и приближается к значению констатации: *The Sixth World Festival of Youth and Students for Peace and Friendship opens in Moscow tomorrow* (24).

Модально окрашены также формы настоящего времени в придаточных предложениях реального условия и времени, ибо в них указывается на реально существующее условие, которое определяет действия в будущем: „*You'll have to pay*”, *he said*. „*I think you should. He says he'll produce them (the letters) at the inquest if you don't*” (23).

Наряду с чисто грамматическими средствами выражения будущего действия с помощью будущего или настоящего времени, в английском языке можно выделить и грамматико-лексические. Сюда относятся конструкции *to be going* с инфинитивом, *to be about* с инфинитивом, *to be on the point of* с герундием, где «модальная характеристика превалирует над времененной» [11]. Глагол в настоящем времени в этих конструкциях выражает действие, реализация которого произойдет сразу по-

сле момента высказывания. Большая степень уверенности в осуществлении действия непосредственно после высказывания делает его близким к констатации.

Наконец, само лексическое значение таких глаголов, как *hope*, *promise*, *try* и т. п. определяет отнесенность действия, выраженного инфинитивом, к будущему.

Сочетания *used to*+инфиритив, *would*+инфиритив выражают многократно повторяющееся действие в прошлом и придают изображаемым событиям определенную модальную окрашенность. На объективную констатацию факта как бы наслаждается выражение субъективного отношения говорящего к событиям, развертывавшимся в прошлом. В сочетании *would*+инфиритив значение склонности, желания более ощутимо и исходит из основного модального значения глагола *would*: *He would be there, in the driver's seat, reading a paper while he waited, and when he saw me he would smile and toss it behind him...* (22).

Глаголы *should* и *ought*, как и устойчивые сочетания типа *had better*, *would rather*, *would sooner* и т. п., исторически являющиеся формами сослагательного наклонения, в современном языке практически не выражают ирреальности действия, они служат для вежливого выражения мнения говорящим [12]: *I should like to go and see for myself what sort of a job he's made finishing off*, pursued James (20); *We're just going in, he (Soames) said to Bosinney; You'd better come back to dinner with us* (20).

Форма сослагательного II [13] модальных глаголов *could* и *might*, как и условного наклонения, широко используется в разговорной речи для выражения вежливости, в этом их стилистическое отличие от изъявительного наклонения [14]. Сослагательные по форме, они не несут значения ирреальности и могут рассматриваться как элементы периферии поля действительности: *Could you have had the heart to spoof that noble-looking copper?* (21); *I should have thought you'd be glad to get a long job like that off your hands* (20).

Доминанте микрополя действительности — изъявительному наклонению, выражающему объективную модальность, то есть отношение высказывания к действительности, могут сопутствовать модальные оттенки субъективного характера. В этом случае имеет место выражение субъективной модальности (отношение говорящего к содержанию высказывания в целом). Такую характеристику высказыванию придают модальные слова. Изъявительное наклонение является как бы фоном, на который проецируется модальное значение субъективного характера.

Модальным словам свойственно усилительное, эмоционально-оценочное значение, которое окрашивает основное модальное значение высказывания. Усилителями модальности микрополя являются слова *surely*, *definitely*, *positively*, *undoubtedly* и т. п.

поля действительности являются модальные слова, выражающие уверенность, неуверенность, убежденность говорящего в том, что им высказывается. В английском языке такое значение имеют модальные слова *certainly*, *surely*, *of course*, *no doubt*, *indeed*, *really* и т. п.

Оценочные модальные слова *probably*, *possibly*, *maybe* и другие как бы нейтрализуют значение достоверности, реальности, характерное для изъявительного наклонения, но в то же время не снимают значения констатации, присущего изъявительному наклонению. С помощью вводных слов говорящий лишь выражает свое отношение к тому, что утверждается в сообщении, придавая ему оттенки предположения, неуверенности. Здесь имеет место тесное взаимодействие объективного и субъективного модального значения [15].

Отношение субъекта действия к действию, то есть модальные отношения внутри предложения, определяется с помощью модальных глаголов, представляющих собой лексическое средство выражения модальности. Модальное значение возможности, необходимости, желательности, целесообразности составляет основное лексическое содержание модальных глаголов. Выражая отношение субъекта к действию, обозначенному последующим инфинитивом, модальные глаголы определяют модальные отношения частного характера внутри предложения (внутреннюю модальность) [16].

Модальные глаголы, как и устойчивые словосочетания *to be* + инфинитив и *to have* + инфинитив, в изъявительном наклонении сообщают о реальном факте, который может или должен совершиться, и потому принадлежат к средствам выражения микрополя действительности. Таким образом, модальные глаголы, как и устойчивые словосочетания, выполняют две функции: с одной стороны, они являются носителями лексического модального значения, с другой — грамматической формой наклонения, выражающей соотнесенность действия, обозначенного инфинитивом с действительностью в плане реальности.

В английском языке модальное значение могут передавать также инфинитивные сочетания. Способность инфинитивных сочетаний выражать модальное значение определяется тем, что инфинитив, обозначая действие, вступает в синтаксические связи со словом, к которому он примыкает: *To go far away and quickly was the only thing to do* [20]. Поскольку модальные значения у инфинитивных сочетаний проявляются лишь в определенных синтаксических построениях, то модальность, следовательно, выражается в данном случае на синтаксическом уровне, синтаксическими средствами.

В. В. Белый [13] отмечает, что сочетание инфинитива с именем прилагательным типа *necessary*, *needless* обладает модальным значением долженствования, как и синонимичные им сочетания инфинитива с существительным типа *necessity*, *obli-*

gation, duty, need и т. п. Такое же модальное значение несущее сочетания инфинитива с прилагательными worth, worthy, fit, proper. Конструктивно обусловленным выступает также модальное значение сочетаний инфинитива с наречиями what, where, how.

В исторически сложившихся инфинитивных сочетаниях выражаются модальные отношения между субъектом и действием и, как в сочетаниях модальных глаголов с инфинитивом, передается модальность внутри предложения (внутренняя модальность), которая не влияет на модальность предложения в целом.

Суммируя сказанное выше, отметим, что понятийная категория модальности в английском языке широко представлена языковыми средствами различных уровней, взаимодействие и взаимопроникновение которых актуализируется в речи.

Поскольку интонация является конструктивной частью высказывания, она сопутствует используемым средствам выражения модальности, подкрепляя и обогащая ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке.— Труды военного института иностранных языков, 1945, № 1, с. 15.
2. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958, с. 57—59.
3. Мещанинов И. И. Указ. соч., с. 15.
4. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Учпедгиз, 1972, с. 12.
5. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.
6. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971, с. 8.
7. Золотова Г. А. О модальности предложения в русском языке.— Филологические науки, 1962, № 4 с. 65—79.
8. Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. II, ч. 1, с. 81.
9. См.: Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Указ. соч., с. 76. В настоящей работе используется классификация Е. В. Гулыги.
10. См.: Виноградов В. В. Указ. соч., с. 457.
11. Колмогорцева В. М. Грамматические способы обозначения действия, относящегося к будущему в современном английском языке/Уч. зап. МГПИИ им. М. Тореза. М., 1965, т. 32, с. 243.
12. Gordon E. M., Krylova I. P. A Grammar of Present-Day English. M.: Higher School Publishing House, 1974, с. 128.
13. В работе используется классификация косвенных наклонений проф. А. И. Смирницкого, см.: Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959, с. 346—352.
14. См.: Gordon E. M., Krylova I. P. Указ. соч., с. 128.
15. См.: Золотова Г. А. Указ. соч., с. 73.
16. Борисова Т. В. Лексические способы выражения модальности в современном немецком языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1957, с. 9.
17. Белый В. В. Модальные значения инфинитивных сочетаний в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Киев, 1955, с. 6.
18. Shute N. Pied Piper. Л.: Просвещение, 1976.
19. Galsworthy J. The Man of Property. M.: Foreign Languages Publishing House, 1956.

20. *Galsworthy J.* To Let. M.: Foreign Languages Publishing House, 1956.
21. *Galsworthy J.* End of the Chapter. M.: Foreign Languages Publishing House, 1960.
22. *Daphne du Maurier R. M.*: Foreign Languages Publishing House, 1956.
23. *Spark M.* The Public Image. M. Progress Publishers, 1976.
24. *Moscow News*, 1957, July 27.

В. Н. Багрецов
(Свердловск)

СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТИПЫ НЕОСЛОЖНЕННЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблемы коммуникативного синтаксиса продолжают привлекать внимание исследователей. За последнее время в советской лингвистической литературе появились новые крупные работы, посвященные рассмотрению как общих теоретических проблем, так и некоторых частных вопросов на материале разных языков [1]. Исследования по вопросам коммуникативного синтаксиса нашли определенное отражение в новых учебниках по теоретической грамматике для факультетов иностранных языков педвузов [2]. Еще ранее на материале русского языка сделана попытка классификации предложений по характеру их актуального членения [3]. На материале же английского языка такой классификации пока нет, хотя время для ее создания, безусловно, настало. Такая классификация могла бы быть успешно использована, например, при обучении английскому языку на основе моделей и образцов.

Целью настоящей статьи является обоснование принципов для проведения структурно-коммуникативной классификации неосложненных простых предложений современного английского языка.

Осложнение структуры простого предложения наблюдается: 1) в предложениях, имеющих в своей структуре так называемые сложные члены предложения; 2) в предложениях с объектно-предикативным или субъектно-предикативным членом в их структуре; 3) в предложениях, имеющих в своей структуре однородные сказуемые [4]. Под неосложненным простым предложением в данной статье понимается простое предложение, структура которого не подвергнута осложнению ни одним из указанных видов.

Для того чтобы провести структурно-коммуникативную классификацию неосложненных простых предложений, необходимо дать, по крайней мере, рабочее определение понятия «структурно-коммуникативный тип предложения» и выдвинуть наиболее приемлемые критерии, которые могли бы быть положены в основу такой классификации. Наиболее правильный ответ на поставленные вопросы можно дать, опираясь на некоторые по-

ложении актуального синтаксиса, так как именно этот раздел синтаксиса изучает коммуникативный аспект предложения.

В соответствии с одним из положений актуального синтаксиса в иерархической системе уровней языка наряду с фонологическим, морфологическим и синтаксическим уровнями следует различать четвертый — суперсинтаксический [5], или, по другой терминологии, актуально-синтаксический уровень [6]. Б. Трнка и И. Ф. Вардуль полагают, что синтаксический и суперсинтаксический (актуально-синтаксический) уровни представляют собой два смежных самостоятельных уровня языка с разными языковыми единицами, присущими каждому из них. Основной единицей синтаксического уровня является предложение. Основная единица суперсинтаксического (актуально-синтаксического) уровня — высказывание (сообщение) [7]. Обе единицы отличаются друг от друга как по функции, так и по структуре.

Другие авторы исходят из наличия двух синтаксических уровней — конструктивно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического. Хотя эти уровни тоже считаются самостоятельными, предполагается, что основной лингвистической единицей обоих синтаксических уровней выступает предложение, которое, однако, получает свое окончательное оформление как единица речи лишь на высшем — коммуникативно-синтаксическом уровне [8].

Анализируя внутреннюю — содержательную — сторону предложения на конструктивно-синтаксическом уровне, обычно говорят, что эта единица отражает в своей структуре мыслимые связи и отношения между предметами и явлениями объективной действительности. В отличие от словосочетания, для которого тоже характерно отражение подобных связей и отношений действительности, «для предложения, — как замечает И. Ф. Вардуль, — характерна бытийность». Оно «называет одно из проявлений бытия» [9]. Такого рода отражение действительности скорее удовлетворяет понятию «значение», чем понятию «смысл» [10].

Структуру предложения на конструктивно-синтаксическом уровне в соответствии с теорией членов предложения можно представить себе как совокупность определенных языковых единиц, называемых членами предложения. Отношения между членами предложения можно рассматривать с двух сторон — с точки зрения их содержания и с точки зрения их оформления. Отношения между членами предложения как единицами значения находят свое выражение в таких противопоставлениях, как «субъект (агенс)», «действие», «объект (пациенс)», «адресат (реципиент)» и тому подобных, которые можно назвать компонентами семантической структуры предложения [11]. При этом с помощью определенных языковых средств один член предложения оформляется как «подлежащее», другой как «сказуемое»,

третий как «прямое дополнение», четвертый как «косвенное дополнение» и т. п., которые в теории членов предложения рассматриваются как компоненты синтаксической структуры предложения.

Таким образом, предложение на конструктивно-синтаксическом уровне еще не является коммуникативной единицей, поэтому критерии, которые могли бы быть положены в основу интересующей нас структурно-коммуникативной классификации предложений, следует искать на высшем — коммуникативно-синтаксическом уровне.

На коммуникативно-синтаксическом уровне вступает в действие такой фактор речевой коммуникации, как коммуникативное задание [12]. На этом уровне предложение получает новую характеристику как с внутренней стороны, то есть со стороны его содержания, так и с внешней, то есть со стороны его структуры.

Внутренней характеристикой предложения на коммуникативно-синтаксическом уровне в отличие от значения, присущего предложению на конструктивно-синтаксическом уровне, выступает его смысловое содержание. Разница заключается в том, что значение предложения есть характеристика определенного языкового знака, которая постоянно ему присуща и постоянно с ним ассоциируется [13], в то время как смысловое содержание предложения есть характеристика коммуникативной единицы, обусловленная коммуникативным заданием высказывания. В отличие от смыслового содержания конкретного речевого произведения смысловое содержание как единицы языка обобщено. Являясь качественно новой характеристикой предложения на высшем уровне языка, смысловое содержание предложения, безусловно, тесно связано с его значением как характеристикой предложения на более низком уровне системы языка. Смысловое содержание предложения есть то его содержание (значение), которое он получает в конкретной речевой ситуации под действием коммуникативного задания высказывания [14].

Внешняя характеристика предложения на коммуникативно-синтаксическом уровне — особая структура его организации, которая получила название актуального членения, поэтому понятие структуры предложения на этом уровне включает совокупность составов предложения, противопоставленных друг другу по той роли, которую эти составы играют в реализации коммуникативного задания высказывания. Известно, что один из этих составов получил название темы, а другой — ремы предложения, а оба состава предложения вместе называются его коммуникативными членами. Как смысл предложения неотделим от его значения, так и структура предложения на коммуникативно-синтаксическом уровне (условно назовем ее смысловой структурой предложения) неотделима от его семантической

структуры. Смысловая структура предложения есть не что иное, как его семантическая структура, одни компоненты которой с помощью средств актуального членения предложения вошли в тему, а другие — в рему. Другими словами, это коммуникативно организованная семантическая структура предложения.

Нетрудно заметить, что обобщенное смысловое содержание предложения находится в соответствии с его смысловой структурой, то есть фактически определяется характером дистрибуции компонентов его семантической структуры между его коммуникативными членами — темой и ремой [15].

Таким образом, главные характеристики предложения на коммуникативно-синтаксическом уровне — обобщенное смысловое содержание (внутренняя характеристика) и соответствующая ему смысловая структура (внешняя характеристика). Поскольку обобщенное смысловое содержание предложения не относится к числу непосредственно наблюдаемых явлений, в качестве критерия для нашей классификации предложений представляется возможным принять характер дистрибуции компонентов структуры предложения между его коммуникативными членами — темой и ремой.

В одном структурно-коммуникативном классе находят свое место предложения, имеющие одинаковую семантическую структуру и одинаковый характер дистрибуции ее компонентов между темой и ремой. В разных структурно-коммуникативных классах оказываются предложения, во-первых, имеющие разную семантическую структуру, так как в этом случае говорить об одинаковой дистрибуции членов предложения между темой и ремой не представляется возможным. Во-вторых, в разных структурно-коммуникативных классах находятся предложения с одинаковой семантической структурой, но с разным характером дистрибуции ее компонентов между темой и ремой.

Материалом для нашего исследования послужила выборка из английской прозы XIX—XX вв. объемом 2000 неосложненных простых предложений.

Для выделения определенного четко очерченного минимума структурно-коммуникативных типов неосложненных простых предложений представляется целесообразным разделить эти типы на основные и неосновные в соответствии с отсутствием или наличием в семантической структуре предложения так называемых факультативных членов предложения — постпозитивных прилагательных атрибутов, обстоятельств и вводных слов [16].

Структурно-коммуникативные типы предложений, не имеющих в своей структуре «факультативных» членов предложения, будем считать основными, а структурно-коммуникативные типы предложений, имеющих в своей структуре «факультативные» члены предложения, — неосновными. Разумеется, указанные названия условны.

Кратко остановимся на процедуре выделения основных структурно-коммуникативных классов предложений.

Предложения, не имеющие «факультативных» членов в своей структуре, подлежали структурно-семантической классификации. Распределение предложений по структурно-семантическим классам проводилось в соответствии с принципами, изложенными нами ранее [см. 15], поскольку, как было отмечено, в разных структурно-коммуникативных классах находят свое место прежде всего предложения, имеющие разную семантическую структуру. Нами выделено 18 структурно-семантических типов неосложненного простого предложения. Далее предложения каждого структурно-семантического класса подлежали структурно-коммуникативной классификации в соответствии с характером распределения компонентов их семантической структуры между темой и ремой.

Это позволило на основе 18 структурно-семантических классов неосложненных простых предложений современного английского языка выделить 39 основных структурно-коммуникативных типов таких предложений. Возможно, это число подлежит некоторому уточнению.

Приведем часть таблицы, иллюстрирующей выделенные нами основные структурно-коммуникативные типы неосложненных простых предложений.

Остановимся на неосновных структурно-коммуникативных типах неосложненного простого предложения.

За счет большого количества неосновных структурно-семантических классов предложений, представляющих всевозможную комбинацию основных структурно-семантических классов с «факультативными» членами предложения, общее количество неосновных коммуникативно-структурных классов предложений было бы довольно велико. Для наших целей достаточно выделение лишь определенных групп неосновных структурно-коммуникативных классов в соответствии с коммуникативной функцией того или иного «факультативного» члена предложения. В этом плане мы не будем проводить разницы между такими предложениями, как *He works in the evening; He writes letters in the evening; He gives me lessons in the evening etc.*, несмотря на то, что все они построены на основе предложений разных структурно-семантических классов.

Все эти предложения объединены в одну группу по коммуникативной функции ситуативного обстоятельства *in the evening*, которое во всех трех случаях служит ремой. Достаточным является противопоставление указанной группы предложений другой группе, где ситуативное обстоятельство является не ремой, а входит составной частью в тему: *In the evening he works; In the evening he writes letters; In the evening he gives me lessons etc.*

На основе указанного критерия возможно выделение четы-

Таблица 1

Модели структурно-коммуникативного типа предложений

Модель	Примеры
$N - s + be \xrightarrow{rh} N - cl$	He was a foreigner . (P. Abrahams)
$N - s + be \xrightarrow{rh} N - id$	That is the Tower of St. Martin's . (C. Eckersley)
$N - s + be \xrightarrow{rh} A - q$	The scenery was beautiful . (A. Marshall)
$N - s + be \xrightarrow{rh} D - p/t$	She is still at school . (J. Pettigrew) That was in March . (K. Amis)
There be $\xrightarrow{rh} N - s + D - p/t$	There was a bowl of water at the feet of St. Peter. (P. Abrahams)
$N - s - V - have + \xrightarrow{rh} N - o$	She has a pretty face and figure . (P. Abrahams)
$N - s + \xrightarrow{rh} V - go + \xrightarrow{D - p}$	I'll go to my room . (J. Galsworthy)
$N - s + \xrightarrow{rh} V - shine$	...the poor beast was starving . (H. Wells)
$N - s + \xrightarrow{rh} V - take + N - o$	I enclose a parrot's feather . (A. Marshall)
$N - s + \xrightarrow{rh} V - take + N - o$	I worshipped you . (O. Wilde)
$N - o + \xrightarrow{rh} V - take p. v.$	The thing was hushed up . (O. Wilde)
$N - o + V - take p. v. + \xrightarrow{rh} N - s$	The Opera was produced by a local schoolmaster . (J. Pettigrew)

При меч ани е. $N - s$ — субъект (агенс), $N - cl$ — классификатор, $N - id$ — идентификатор, $N - o$ — объект (пациенс), $A - q$ — квалификатор, $D - p/t$ — пространственно-временной конкретизатор, $D - p$ — пространственный конкретизатор, $V - have$ — обладание (выраженное одним из посессивных глаголов), $V - go$ — перемещение в пространстве (выраженное одним из глаголов активного движения), $V - shine$ — действие, не связанные с объектом (выраженное непереходным глаголом, не требующим никакого конкретизатора), $V - take$ — действие, переходящее на объект (выраженное переходным глаголом, требующим беспредложное дополнение), $p. v.$ — страдательный залог, rh — рема, $\xrightarrow{}$ — фразовое ударение.

В примерах выделена рема.

рех групп неосновных структурно-коммуникативных типов неосложненного простого предложения.

Таблица 2.

Семантика и коммуникативная функция
«факультативного» члена предложения

Типы «факультативного» члена	Примеры
Ситуативное обстоятельство как тематический элемент высказывания	Downstairs I found a loaf and some rank cheese. (H. Wells)
Ситуативное обстоятельство как рема (часть ремы) высказывания	But you left her in time. (G. Greene)
Обстоятельство внутренней характеристики действия как рема (часть ремы) высказывания	I know that perfectly well. (O. Wilde)
Вводный член предложения как тематический элемент высказывания	Perhaps you could help me with some technical vocabulary. (R. Hughes)

Примечание. Выделена рема.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр., *Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкоznания*. М.: Наука, 1982, с. 118—151. *Вардуль И. Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и суперсинтаксис)*. М.: Наука, 1977, с. 237—259. *Шевякова В. Е. Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация*. М.: Наука, 1980. *Шевякова В. Е. Актуальное членение предложения*. М.: Наука, 1976. *Ившин В. Д. Коммуникативный синтаксис английского языка/МГПИ им. В. И. Ленина*. М., 1982.

2. *Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка*. М.: Высшая школа, 1983, с. 243—250. *Иванова И. П. Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка*. М.: Высшая школа, 1981, с. 256—260. *Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис*. М.: Высшая школа, 1981, с. 159—166.

3. *Распопов И. П. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке*: Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 1964.

4. *Ильин Б. А. Стой современного английского языка (на английском языке)*. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1971, с. 254—263. *Иртеньева Н. Ф. Конструкции с инфинитивом, герундием и причастием в современном английском языке*.—ИЯШ, 1967, № 6, с. 16.

5. *Trnka B. On the Linguistic Sign and the Multileved Organization of Language*.—Travaux Linguistiques de Prague, 1964, 1, p. 37—39.

6. *Вардуль И. Ф. О двух синтаксических уровнях языка*.—В кн.: Исследования по японскому языку. М., 1967, с. 5—6.

7. *Trnka B. Указ. соч.*, с. 37—39. *Вардуль И. Ф. Основные понятия актуального синтаксиса*.—В кн.: Исследования по японскому языку. М., 1967, с. 22—23.

8. *Распопов И. П. Указ. соч.*, с. 12.

9. *Вардуль И. Ф. Там же*.

10. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969, с. 160, 434.
11. Pala K. О некоторых проблемах актуального членения. Prague Studies in Mathematical Linguistics, 1, Prague, 1966, p. 84.
12. Туранский И. И. Коммуникативно-сintаксические модели двусоставных безглагольных предложений в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук.— М., 1968, с. 7.
13. Пазухин Р. В. Целенаправленность высказывания/Уч. зап. ЛГУ. Л., 1961, № 301, вып. 60.
14. Ср.: Ахманова О. С. Указ. соч., с. 434.
15. Багрецов В. Н. Некоторые замечания о взаимодействии семантической структуры предложения и актуального членения высказывания (на материале английского языка).— В кн.: Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков/Уч. зап. Свердловского педин-та. Свердловск, 1970, с. 76—78.
16. Багрецов В. Н. К вопросу о семантической структуре предложения (на материале английского языка).— Там же, с. 64.
17. Там же.

Т. А. Знаменская
(Свердловск)

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ ВИДОВ
АНГЛИЙСКОГО СЛОЖНОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Способы реализации сложных предложений в речи очень разнообразны. Такие характерные для современной разговорной речи явления, как прерывистость синтаксических связей, сегментация предложений, парцелляция, эллипс и замещение, оказывают свое влияние и на специфику употребления сложных предложений. Выражается это в употреблении частей сложных предложений изолированно друг от друга, в замещении одним значимым элементом предложений, входящих в состав сложно-го, парцелляции и т. п. Эти явления достаточно широко освещены в лингвистической литературе и обосновываются законом речевой экономии.

Предмет настоящей статьи — мене описанное явление, а именно, употребление в диалогической речи сложноподчиненных предложений (СПП) в полном составе (на материале английского языка).

Хотя считается, что для диалога нехарактерны длинные и сложные построения, исследованный материал и ряд работ по теории СПП делают возможным вывод о достаточно широком употреблении цельнооформленных СПП в речи. Однако такие наблюдения носят, как правило, эмпирический характер и требуют более системного теоретического обоснования.

В статье рассматриваются грамматический, коммуникативный и номинативный аспекты СПП в разговорной речи. Системное исследование СПП в этих аспектах и их взаимообусловленность показывают зависимость синтаксической формы предло-

жения от его коммуникативной направленности, содержательных характеристик и степени сложности синтаксических отношений элементов внутри конструкции. Такое исследование позволяет также определить семантико-синтаксические типы СПП, которые преобладают при употреблении в речи.

Утверждение о том, что длинные и сложные предложения мало характерны для диалога, основывается на весьма распространенном критерии оценки сложности разговорных конструкций посредством измерения их длины в словах или наличии сложных предложений в сравнении с простыми. Мотивируется это, как правило, действием в речи закона экономии [1].

Действительно, одной из самых важных тенденций диалогической речи является тенденция к экономии языковых средств, поэтому тот факт, что диалог изобилует простыми и короткими предложениями, неоспорим. Однако это лишь одна сторона проблемы экономии в речи, так как простоту разговорных конструкций можно рассматривать не только в количественных рамках длины предложения. Иногда короткие и простые предложения включают сложные по глубине обороты, поэтому «еще неизвестно, чему следует приписывать трудности восприятия: длине предложения или синтаксической сложности» [2].

Объяснить употребление сложноподчиненных предложений в диалоге в коммуникативном аспекте позволяет несколько иной (не количественный, а скорее качественный) подход к закону речевой экономии в ряде работ последнего времени, связанных с разными видами экономии в разговорной речи [3]. Суть этого подхода заключается в следующем: применительно к спонтанной речи экономия языковых средств рассматривается не только как явление, связанное с ограничением длины предложения и наличием придаточных предложений (т. е. количественно), сколько как явление, связанное с простотой синтаксических связей (т. е. качественно). В этом свете более простыми, а следовательно, и более экономными будут предложения, требующие наименьшей затраты речевых усилий при их производстве. Подразумевается, что говорящему проще построить в спонтанной речи два или более простейших по модели ядерных предложения, соединив их сочинительной или подчинительной связью, чем употребить более лаконичную, но отличающуюся значительной сложностью синтаксических связей конструкцию.

Такое понимание закона экономии в речи справедливо и при сравнении простых предложений, содержащих обороты с усложненной синтаксической структурой (герундиальные, инфинитивные и другие предикативные обороты), и функционально синонимичных им сложноподчиненных предложений. Представляется, что именно качественным характером закона экономии в речи можно объяснить результаты грамматических исследований, в которых подтверждается употребимость отдельных типов сложноподчиненных предложений в диалоге вообще и большей

их употребимости по сравнению с простыми предложениями, которые содержат разного рода обороты, функционально соотносимые с придаточными предложениями.

Теоретически обосновать эти наблюдения позволяет тесно связанная с законом экономии как качественного явления гипотеза глубины В. Ингве. Она дает возможность рассмотреть эту проблему в *грамматическом аспекте*. Гипотеза глубины подтверждает качественный характер экономных построений в английском языке на примере сложноподчиненных предложений.

Вводя понятие прогрессивной и регрессивной структуры, В. Ингве демонстрирует их на примере дополнительных предложений как прогрессивной структуры и подлежащего предложения как структуры регрессивной. Дополнительные и определительные предложения могут распространять структуру вправо без ограничения, так как они повторяют одну и ту же простую синтаксическую связь и, следовательно, требуют минимальных усилий со стороны говорящего в оформлении своего высказывания, не увеличивая нагрузку на его память [4].

Напротив, регрессивные структуры (к которым относятся герундиальные, инфинитивные и другие предикативные обороты) разветвляют схему синтаксического дерева влево и тем самым увеличивают нагрузку на память говорящего и затрудняют процесс построения предложения. Такая глубина синтаксического построения, при которой говорящий при производстве фразы должен двигаться влево, а потом возвращаться к вершине дерева и оттуда двигаться вправо, удерживая в памяти весь левый блок, требует ограничений. Таким образом, сложное предложение типа *There's no reason ... why you should have to endure it* (A. Christie) обладает большей синтаксической простотой и, следовательно, более экономно, чем соответствующее ему простое предложение с герундиальным оборотом: *Your having to endure it is unreasonable*. Именно поэтому самым распространенным видом сложноподчиненных предложений в английском диалоге являются дополнительные предложения [5].

Совмещение коммуникативного и грамматического аспектов отражено и в точке зрения Б. И. Ильиша на дополнительные придаточные предложения. Считая придаточность более разговорным способом в отражении объектных отношений, к одной из причин их широкого употребления он относит большую легкость построения и восприятия этой конструкции [6].

Таким образом, *коммуникативный аспект* оказывает непосредственное влияние на грамматическое оформление предложений в речи через закон экономии в его качественном понимании. Проявляется это в довольно частом употреблении сложных предложений в диалоге.

Еще одна причина предпочтительного употребления придаточного предложения вместо предикативного оборота — необ-

ходимость эксплицитного описания ситуации с помощью предикативного выражения, в состав которого входит свой субъект и предикат. Действительно, коммуникативная целеустановка любого высказывания обнаруживает стремление говорящего к наиболее полной информативной насыщенности предложений, его намерение четко и последовательно передать содержание событий, ситуаций, описать факты и отношения между ними. Этой своей стороной коммуникативный аспект тесно связан с номинативным подходом к предложению. Такая связь двух аспектов позволяет проследить, каким образом исследования в области пропозиции подтверждают тезис об употребимости сложноподчиненного предложения в разговорной речи.

Истоки номинативного подхода к предложению в речи можно найти, обратившись к работам психолингвистического направления, выявляющих связь лингвистических форм с онтологией реальной действительности и отражение этой связи в речевой коммуникации. В работах таких видных ученых, как Л. Витгенштейн, Р. Якобсон, Дж. К. Ципф, Ф. Данеш [7] выражается точка зрения, согласно которой между языковыми структурами и структурой определенного отрезка ситуации, ими описываемой, существуют определенные отношения изоморфизма.

Проблему адекватного отражения синтаксической структурой предложения в речи элементов ситуации, а также связей между ними в свете общей теории семиотики (как отношение символов к внешним объектам) рассматривает в своих работах В. Г. Гак. В одной из своих статей [8] на материале описания экспериментальных данных он приходит к выводу о том, что в спонтанной речи носителей французского языка обнаруживается сходство между структурой высказывания и структурой ситуации. С психологической точки зрения такие элементы изоморфизма объясняются тем, что в диалогической речи, немаловажной характеристикой которой является темп, говорящий выбирает наиболее простые конструкции, соединяя их в той последовательности, в которой они происходили, и одновременно в целях наибольшей информативной полноты стремится эксплицитно представить отношения, в которых находятся или представляются ему явления, факты и события внешнего мира. В такой психолингвистической трактовке смыкаются два аспекта предложения — коммуникативный и номинативный, так как проблема соотношения лингвистической структуры и структуры ситуации смыкается с современным семиотическим подходом к предложению как к языковому знаку.

В работах этого актуального направления лингвистики рассматривается *номинативный* (или *пропозитивный*) аспект предложения, при этом считается, что предложение отражает события, факты или ситуации реальной действительности. Основные категории действительности — вещи, названия которых — слова —

имеют знаковый характер. Однако вещи существуют лишь в совокупности своих свойств и отношений. Свойства вещей и их отношения к другим предметам являются онтологической предпосылкой для существования ситуаций или событий, выражаемых в языке, в частности целыми предложениями. В иерархии знаков от слова к предложению знаки отношений и свойств вещей стоят выше, чем знаки самих вещей, выраженные в слове, потому что знаковый характер предложения заключается в том, что оно организует свойства вещей и устанавливает между ними предикатные отношения. Знаком таких предикатных отношений могут быть обороты, словосочетания и предложения. Поэтому О. И. Мосальская, например, называет предложение сложным, или полным, знаком, непосредственно соотносящимся с ситуацией, в отличие от частных знаков — слов, соотносимых с ситуацией только после включения в полный знак [9].

Знаковый характер сложного предложения, объединяющего в своем составе две или более предикативные единицы, соответственно связан со знаковостью простого предложения как предикативной единицы.

Между событиями и ситуациями внешнего мира устанавливаются или привносятся различные связи и отношения. Если предикативные единицы, входящие в состав сложного предложения, являются знаками некоторых ситуаций, то сложное предложение в целом выступает знаком связей и отношений между ситуациями объективной действительности. Оно отражает эти связи и отношения наиболее эксплицитно по сравнению с другими языковыми формами (например, словосочетаниями или предикативными оборотами). Происходит это благодаря наличию союза и четкому выражению видовременных и модальных соотношений в частях сложного предложения. Способностью эксплицировать эти отношения не обладают такие функциональные синонимы придаточных предложений, как слова, словосочетания и предикативные обороты.

Исходя из способности четко передавать характер связей и отношений между ситуациями и событиями внешнего мира, Т. А. Колосова, например, отводит именно сложному предложению роль доминанты в вариативном синтаксическом ряду событийных слов, оборотов и сложных предложений [10].

Итак, сложное предложение в его номинативном аспекте рассматривается как наиболее эксплицитный способ отражения в языке онтологических отношений между ситуациями или событиями реальной действительности.

Знаковый характер сложного предложения небезразличен вопросам синтаксиса спонтанной речи, так как он обнаруживает важную особенность этой конструкции — исчерпывающее, четкое и полное описание ею событий, явлений и фактов. Этот тезис подтверждается исследованиями лингвистов, которые занимались отдельными видами сложноподчиненных предложений.

ний в разговорной английской речи [11]. При этом факторами, обуславливающими предпочтение сложных предложений предикативным оборотам, являются:

- необходимость выразить все виды отнесенности высказывания к действительности (видовую, временную и модальную);
- желание выразить различные субъекты действия;
- потребность передать причинно-следственные отношения в развитии и динамике — свойства, характеризующие диалогическую речь в целом и передаваемые предложениями, в которых содержатся финитные формы глагола.

Итак, можно сделать следующие выводы.

Система языка располагает целым рядом вариативных синтаксических структур, которым свойственна функциональная синонимия. Выбор и реализация той или иной языковой конструкции в речи зависит как от цели высказывания, так и от способности этой конструкции выражать ее наиболее четко, кратко и динамично.

Употребимость, а иногда и предпочтительность сложноподчиненного предложения в диалоге определяется факторами, действующими на коммуникативном, номинативном и грамматическом уровнях его функционирования в речи.

Коммуникативный аспект предложения разными сторонами связан с двумя другими аспектами. Через характеристику закона экономии как качественного явления он связан с грамматическим аспектом, что отражается в простоте синтаксических связей сложного предложения по сравнению с простыми, но осложненными разного рода оборотами, предложениями. Коммуникативная целеустановка высказывания на эксплицитную и полную передачу информации устанавливает связь этого аспекта с номинативным, что выражается в использовании сложноподчиненного предложения в речи как конструкции, наиболее полно и четко отражающей описываемые им ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Святогор И. П.* О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке. Калуга, 1960; *Дюндик Б. П.* Компрессия придаточных предложений в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1971; *Сагал П. К* Программа лингвистики текста.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. VIII.

2. *Гохлернер М. М.* Зависимость смыслового восприятия от синтаксической структуры высказывания.— В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976, с. 88.

3. *Середина К. Г.* О компрессии синтаксической структуры в разговорном английском языке.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1966; *Долинин К. А.* Об одной черте синтаксиса спонтанной речи.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи. Горький, 1972; *Мацковский М. С.* Проблемы читабельности печатного материала.— В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976 и др.

4. *Ингве В.* Гипотеза глубины.— В кн.: Новое в лингвистике. М., 1965, вып. IV.

5. Глушкова К. А. Количественная характеристика сложноподчиненного предложения в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1969.

6. Hyish B. The Structure of Modern English. Л.: Просвещение, 1971. с. 280—284.

7. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. Jakobson R. Main Trends in the Science of Language. N. Y., 1974; Zipf G. K. The Psycho-Biology of Language. Boston, 1935; Данеш Ф., Гаузенблас К. К семантике основных синтаксических формаций.— В кн.: Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.

8. Гак В. Г. К проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации.— В кн.: Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969.

9. Мосальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М.: Высшая школа, 1974, с. 9—10.

10. Колосова Т. А. К вопросу о семантике сложных предложений.— В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977.

11. Кондаурова Л. Е. Выбор средств выражения логической последовательности действий в английской разговорной речи.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи. Горький, 1972.

Л. В. Ивкина
(Свердловск)

СЕМАНТИКО-СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОДНОРОДНОСТИ

Однородность большинством грамматистов признается категорией синтаксической. Мы предлагаем расширить понятие однородности, применив его к единицам межуровневого статуса, находящимся на периферии синтаксиса и морфологии. В качестве одной из таких единиц в статье рассматривается именное сказуемое современного французского языка, представленное совокупностью его «синтаксических форм» (А. Н. Степанова).

Для именного сказуемого современного французского языка наиболее характерна позиция однородности (термин Т. П. Ломтева) именных компонентов его синтаксической формы. Структурно-семантические свойства ряда однородных предикативов чрезвычайно разнообразны, а функциональная идентификация предикатива затруднительна. Таковы следствия из неполнозначности позиции предикатива в общей позиционной структуре предложения, и особенно отчетливо они проявляются в случае его однородного расширения.

Синтаксическую форму (СФ) именного сказуемого отличает фиксированное расположение именного компонента после глагольного. Тем самым предикатив оказывается в зоне третьего, постглагольного члена предложения. Именно поэтому предложения с именным сказуемым нельзя исчерпывающе описать в модели $S - P$: минимальным релевантным синтаксическим контекстом для именного сказуемого является трехкомпонентная структура $S - V - N$ [1]. Зону третьего, постглагольного члена можно представить в виде «парадигматической оси» (В. С. Юр-

ченко): предикатив (attr) — прямое дополнение (O_d) — косвенное дополнение (O_l) — обстоятельство (CC). По отношению к предикативному центру зона третьего члена периферийна, т. е. характеризуется постепенным ослаблением синтаксических связей по мере удаления от центра, с градацией убывания: attr — O_d — O_l — CC.

По мере убывания связи с центром усиливается позиционный синкретизм функций и синтаксическая омонимия форм. Поэтому предикатив как компонент СФ именного сказуемого часто затруднительно выделить по форме и по функции из остального состава зоны третьего члена. Так, статичность предицируемого признака недостаточно характеризует предикатив в функциональном отношении, так как такую же функцию можно приписать некоторым разрядам обстоятельств [2]. По своим формально-структурным признакам предикатив имеет максимум парадигматического варьирования: он соотносится как с прямой конструкцией (O_d), так и с предложной конструкцией (O_l , CC).

Первый тип конструкций неоднократно изучался с целью разграничения функций, но однозначного решения получить не удалось. Этот факт склоняет современных исследователей к выводу о существовании промежуточных синкретических функций в зоне третьего члена [3]. Для непрямых конструкций также отмечается возможность синкретических предикатов, совмещающих в себе семантико-синтаксические признаки предиката состояния с качественной характеристикой субъекта и признаки предиката действия/процесса [4] с экзистенциально-локативной его характеристикой. Синкретизм совмещённой модели определяется невозможностью однозначно установить функции компонентов модели, поэтому для таких компонентов предлагаются специальные термины, например объектный или обстоятельный предикатив, в зависимости от того, какие признаки преобладают.

Исследование совмещённых моделей возможно также с позиций концепции функционально-семантических категорий (ФСК). Тогда предикатив выступает как центр (ядро) ФСК качества и потому пересекается по структуре и по функции с обстоятельством образа действия, ядром ФСК образа действия с дополнительной спецификацией качество — способ [5].

Таким образом, статус предикатива как компонента синтаксической формы на периферии предложения ставит вопрос о возможности формальной и функциональной его идентификации. Проблема эта осложняется тем, что концепция синтаксического формообразования относительно нова и исследованию подвергались пока лишь отдельные типы СФ именного сказуемого [6]. Парадигму средств морфологического выражения предикатива нельзя поэтому считать закрытой и исчерпывающей описанной, особенно в нижнем ее пределе. Тем более не описаны совмещённые модели.

Проблема идентификации предикатива еще более осложняется в позиции однородности, так как возможность бессоюзного оформления однородного ряда ставит вопрос об отграничении предикатива от обособленных, аппозитивных, уточняющих, пояснительных (экспликативных, по определению В. Н. Перетрухина) конструкций. Но и наличие явно выраженной координативной связи не дает оснований сразу констатировать однородность предикативов. Необходимо учесть очевидные для большинства грамматистов ограничения на морфологическую форму сочиняемых единиц и установить предел возможной разнооформленности.

Приведем примеры, поясняющие сказанное выше о трудностях анализа: ...mais aujourd’hui elles seraient dans la noce des neiges, avec chapeau à claires et longs gants de chevreau (9, p. 150). Le nez est en place, dans l’asymétrie légère des narines (18, p. 138). Elle était sur la surveillance d’une garde-malade, avenue de Messine, refusant toute nourriture, toute visite toute parole (13, p. 266). ...l’homme est à terre et comme à genoux (9, p. 217). Подобных примеров весьма много у различных авторов.

Если принять возможность совмещения моделей и синкремизма функций, а это вытекает из синтаксического характера форм именного сказуемого, то предпосылкой такого совмещения в системно-генетическом плане следует считать расширение модели V—N локативного процессного предиката: Il était resté près de sa chaise, inquiet, en proie à un tremblement (17, p. 201). Il est chez lui, avec les siens, ramené à son destin (12, p. 31). ...et la journée était devant moi comme un désert calciné, sans horizon et sans surprises (8, p. 74). Elle était si loin, si parfaitement absente... (14, p. 128).

Переходной разновидностью модели является, по-видимому, тип La vie est là, simple et tranquille, рассматриваемый обычно в плане коммуникативного синтаксиса: Il était là, tête nue, devant la voiture, ses proches autour de lui (10, p. 196). Il restait là, le cœur battant (16, p. 62). Ils étaient là, vernis et un peu poussiéreux, les pointes tournées vers la pièce (7, p. 129). Cf. La chaleur était là, moins orageuse et moins suffocante (10, p. 200). Отметим частое употребление в такой конструкции предложного инфинитива.

Со существование и активное функционирование в языке совмещенных моделей и их генетических прототипов оказывает влияние также на структуру обычного ряда, заданного именным беспредложным предикативом: Odille était déjà debout, en robe de chambre, surveillant la cafetiére (11, p. 60). Arlette était étendue ... en maillot de bain ... penchée sur le dauphin Ivan, la main dans l’eau, les yeux rouges ... (15, p. 63). Or ils étaient réunis et chez eux (11, p. 170). Le commissaire, lui, était tout frais, en gris-perle, une fleur à la boutonnière (16, p. 116).

I'étais encore couché, en proie à la torpeur... (8, p. 105).

Генетическая связь видна в регулярном наличии обстоятельственных временных, локативных определителей: *Elle resta un moment immobile, massive et le menton levé...* (15, p. 18). *Lisbeth était droite, sur sa chaise, les épaules carrées, portant haut sa tête...* (15, p. 134). Однако налицо сдвиг в сторону семантики квалификативного предиката: инициальная постглагольная позиция занята беспредложным именем, а это определяет осмысление последующих, предложных и абсолютных, компонентов ряда.

Таковы лишь наиболее общие, предварительные замечания о структурном и семантическом разнообразии свойств ряда однородных предикативов, этого наиболее типичного проявления однородности именных сказуемых современного французского языка. Дальнейшее исследование однородности именных сказуемых должно исходить из комплексного характера данной проблемы.

Законченной теории синтаксической однородности пока не создано. Однородность до сих пор отождествляется либо с сочинением, либо синтаксическая специфика однородности как особого типа связи (однородного соподчинения) указывается лишь для отдельных, притом простых, морфологизированных членов предложения. Синтаксическая сущность именного сказуемого, как и составных членов предложения вообще, также пока не раскрыта. Не закончена поэтому типология именного сказуемого в современном французском языке, особенно в том, что касается предикатива. Нам представляется, во-первых, что СФ именного сказуемого постоянно стабилизируется, уточняется именно в позиции однородности его компонентов, во-вторых, однородность как синтаксическая категория значительно обогащается, будучи распространена на единицы периферийного, промежуточного статуса, к которым относится именное сказуемое в современном французском языке.

В заключение отметим некоторые интересные случаи совмещения, лежащие, по-видимому, на грани правильности: *Il resta et mourut pauvre. ... Beaucoup d'entre aux ayant été pris tout jeunes ... et connu le bâne des lycées parisiens ... Merci de vous être et pardon de vous avoir dérangé. Il voyait le soleil briller, la maison vide (Damourette et Pichon).*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Двойной набор терминов отражает отсутствие однозначного соответствия между членами предложения и частями речи: части речи есть результат морфологизации членов предложения, а для СФ именного сказуемого морфологизация не имеет места.

2. Коршунов В. С. Синтаксическая функция обстоятельства места, обособленного в начале предложения на основе представления о трехкомпонентной структуре предложения в современном французском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1976. Автор, правда, подчеркивает, что связь

‘S—CC принадлежит глубинному уровню, а на поверхностном CC формально зависит от V.

3. Например, синкетические функции *attir*—O в конструкции типа *former, constituer, composer+N*. Тем самым выявляется промежуточная группа глаголов с нейтрализованной оппозицией *связочность/переходность*. См.: Попов Н. А. Функциональное многообразие постглагольного субстантивного члена в современном французском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Киев, 1972. Видимо, по мере развития современного аналитизма потенциально связочные глаголы займут свое место в парадигме СФ именного сказуемого.

4. Например, *être en* N. См.: Ходькова А. П. Семантико-сintаксическая взаимозависимость глагола и постглагольного члена в структуре предложения в современном французском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1978.

5. Степанова А. Н. Структура и взаимодействие форм функционально-семантической категории обстоятельства образа действия в современном французском языке. Минск, 1973, с. 90—92.

6. Рыбкина Н. А. К проблеме синтаксической формы квалификативного сказуемого со значением меры и оценочной характеристики в современном французском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Минск, 1977.

7. Druon M. *La Chute des corps*. Р.: Julliard, 1964.

8. Simenon G. *Maigret et le corps sans tête*. М.: Progress, 1968.

9. Boulanger D. *L'ombre*. Р.: Les editions de minuit, 1959.

10. Duhamel G. *Le voyage de Patrice Périot*. Р.: Mercure de France, 1950.

11. Sagan F. *Un peu de soleil dans l'eau froide*. Р.: Flammarion, 1969.

12. Roumain J. *Gouverneurs de la rosée*. Р.: EFR, 1944.

13. Druon M. *Les grandes familles*. Р.: Juillard, 1948.

14. Monod M. *Le nuage*. Р.: Flammarion, 1965.

15. Merle R. *Un animal doué de raison*. Р.: Gallimard, 1968.

16. Simenon G. *La première enquête de Migret*. М.: Progress, 1968.

17. Simenon G. *L'affaire Saint—Fiacre*. Р.: Fayard, 1957.

18. Taslitski B. *Tambour battant*. Р.: Gallimard, 1956.

Н. Н. Лобанова

(Свердловск)

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(специализация общелитературной лексики)

В современной лингвистической литературе термину и терминологии отводится значительное место. Однако вопрос определения сущности термина и его соотношения со словом общелитературного языка не нашел еще однозначного решения. Некоторые лингвисты резко противопоставляют термины и обычные слова и указывают на ряд признаков, которым должны обладать термины: однозначность, нейтральность и др. [1]. Но наблюдение за конкретной терминологией показывает, что эти признаки никогда не реализуются полностью, поэтому некоторые ученые видят специфику термина в функции обозначения научного понятия [2]. Эта точка зрения представляется более убедительной, поскольку функция обозначения научного понятия рассматривается как важнейшее условие приобретения обычным словом терминологического значения. Под термином подразумевается тогда слово или словосочетание, выражающее научное понятие, содержание которого устанавливается дефи-

ницией [3]. Формой существования научного понятия является определение, которое может «сжиматься» в термин при последующих рассуждениях. Следовательно, термину свойственны как дефинитивная, так и номинативная функции.

Понимание термина как формы существования научного понятия и признание за ним номинативно-дефинитивной функции позволяют подойти к проблеме разграничения бытовых и научных определений понятия. В советской науке принято различать бытовые и научные определения на основе их функций. Функция бытового определения — дать представление о предмете или явлении, выделить его среди других. Функция научного определения состоит в указании наиболее существенных признаков предмета, установлении связей и места данного понятия в системе понятий.

Анализ определений в данной статье проводился с помощью компонентного анализа, который дал возможность представить содержание выраженного обычным словом или термином понятия совокупностью минимальных элементов значения — семами. Характер этих сем и есть один из признаков разграничения термина и общелитературного слова в зависимости от того, какие признаки понятия отражаются установленными семами.

Известно, что значение лексической единицы соотносится с соответствующей единицей действительности и одновременно со значением других слов при их функционировании в линейном ряду. Это вызывает необходимость изучения термина в парадигматическом и синтагматическом аспектах, так как «...именно эти отношения определяют значимость каждой единицы, к какому бы уровню она ни принадлежала» [4].

На семантику лексической единицы оказывают влияние и ее деривационные связи с другими единицами. Тот факт, что слова, связанные отношениями производности, оказываются в разных лексико-семантических парадигмах, может служить еще одним критерием разграничения общелитературного слова и термина. Выясним теперь, как данные положения реализуются при обращении к конкретным языковым фактам.

Слово *décision* употребляется в общелитературном французском языке и в сфере науки управления предприятием в значениях «решение», «выбор». Создается впечатление, что слово общелитературного языка используется в научной сфере без изменения его значения. Компонентный анализ определений, приведенных в толковом словаре [5], терминологических словарях и монографиях [6], позволяет обнаружить существенные различия.

Слово *decision* в словаре Petit Robert определяется следующим образом 1) *action de décider* (syn. *jugement*); 2) *jugement qui apporte une solution* (syn. *conclusion, ordonnance, résolution*); 3) *fin de la délibération dans un acte volontaire de faire ou de ne pas faire une chose* (syn. *choix, conclusion, détermina-*

tion, résolution) (P. Robert, 1971, p. 413). Слово общелитературного языка многозначно.

В терминологическом словаре слово *décision* имеет определения *C'est le choix entre plusieurs solutions en fonction des objectifs fixés et compte tenu des informations dont on peut disposer; Théorie suivant laquelle l'approche de la décision peut-être considérer comme la raison d'être le but final de la gestion de l'entreprise* (Cotta, 1968, p. 34). Употребляясь в сфере науки управления, слово имеет два терминологических значения.

Терминологическое употребление слова базируется на третьем общелитературном значении — «решение», «выбор». В результате переноса по смежности появилось еще одно терминологическое значение «теория принятия решений». В значении общелитературного слова выявляются признаки: «анализ альтернативы», т. е. взвешивание «за» и «против» (*...acte volontaire de faire ou de ne pas faire une chose*); «принятие решения в результате анализа» (*fin de la délibération*). Выделенным признакам соответствуют семы «выбор» — процесс и «выбор» — результат.

В терминологическом значении обнаруживаются следующие признаки: «выбор одного решения среди нескольких альтернативных» (*...le choix entre plusieurs solutions*); «в зависимости от поставленных целей» (*...en fonction des objectifs*); «на основе имеющейся информации» (*...compte tenu des informations dont on peut disposer*). Указанным признакам соответствуют семы «выбор», «условие», «способ». Значение «теория принятия решения» формируется из совокупности признаков: «теория, согласно которой выбор решения рассматривается как основание» (*...théorie suivant laquelle l'approche de la décision peut-être considérer comme la raison*); «конечная цель управления предприятием» (*...être le but final de l'entreprise, de la gestion*). Этим признакам соответствуют семы «теория управления», «цель управления».

Сравнение сем, формирующих значение общелитературного слова («выбор как результат» и «выбор как процесс»), с семами, выявленными в значении термина («выбор», «условие», «способ», «теория», «цель»), показывает, что объединяет и что разъединяет общелитературное и терминологическое значение. Общей является сема «выбор». Именно она то семантическое звено, которое связывает общелитературное и терминологическое значения. Сема «выбор» идентифицирует, а остальные семы, выявляемые в терминологическом значении и не обнаруженные в общелитературном, дифференцируют значения.

Семы, формирующие терминологическое значение, соотнесены с существенными признаками понятия, характеризуют его глубже, полнее, вскрывают связи и отношения этого понятия, определяют его место в системе понятий науки. Терминологи-

ческие значения «принятие решения» и «теория принятия решения» появились в семантической структуре слова в результате дальнейшего развития общелитературного значения «выбор».

Употребляясь в терминологическом значении, слово *décision* входит в ряд терминологических словосочетаний: *stratégie des décisions*, *arbre de décision*, *localisation des décisions*, *décision de vente*. Все эти словосочетания объединяются в одну терминологическую парадигму с обобщенным значением «способы управления». Обращение к контексту показывает эту соотнесенность: ...il faut coordonner la *décision de vente* avec la *décision de financement*. La *localisation des décisions* manifeste aussi le degré de *centralisation* d'une entreprise. *l'arbre de décision* peut éclairer les directions d'entreprise sur les choix, les risques, les besoins d'information impliqués dans une *décision d'investissement* (Management, 1973, p. 53).

Взятое в общелитературном значении, слово *décision* входит в словообразовательный ряд, связанный отношениями производности: *décider*, *décidé*, *e*, *décidément*, *décisif*, *décisoire*. Употребляясь в терминологическом значении, *décision* является членом другого словообразовательного ряда: *décider*, *décideur*, *codécideur*, *décidems*, *pl*, *décideur-expert*, *décisionnel*.

Отношения внутри словообразовательного ряда лексической единицы, взятой в общелитературном значении, характеризуются разнонаправленностью семантических связей между единицами и отсутствием четкой иерархии построения. В семантической структуре терминов выделяется только один семантический признак «принятие решения». Этот признак используется в качестве идентифицирующего для всех терминов, входящих в этот ряд, и последовательно воплощается в процессе (*décider*), результате (*décision*), деятеле (*décideur*), признаке (*décisionnel*). Семантической однонаправленности и четкой организации смыслового содержания научных понятий соответствует терминологическая парадигма, терминологическое поле, куда входят предельно мотивированные по отношению друг к другу термины.

Термин оказывается, таким образом, центром взаимодействия понятийных, структурных и семантических парадигм. Так, члены терминологической парадигмы *décideur*, *co-décideur*, *décidems* являются терминами науки управления не только потому, что обозначают специальные понятия, но еще и потому, что занимают строго определенное место в терминологической системе, обозначая лиц, принимающих решения, и соотносятся с целым рядом терминов, объединенных общей семой «руководитель»: *gérant*, *gestionnaire*, *directeur*, *responsable*, *administrateur*, *manager*.

Соотнесенность с научным понятием обусловила в значении общелитературного слова *décision* ряд новых семантических признаков, определила особые парадигматические и синтагматические связи, а также особое структурно-семантическое по-

строение терминологической словообразовательной парадигмы. Способность слова обозначать специальное понятие обусловила не только системность содержания слова в функции термина, но и системность плана выражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
2. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
3. Хорнуне В. К вопросу ограничения терминологической лексики от общеупотребительной.— В кн.: Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информации. М., 1971, с. 333—335.
4. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Высшая школа, 1973, с. 191.
5. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1973.
6. Cotta A. Dictionnaire des sciences économiques. Tours, 1968. Le Management. Montréal, 1973.

Л. В. Нефедова
(Свердловск)

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СМЫСЛОВЫХ БЛОКАХ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Одним из центральных вопросов изучения текста является вопрос о средствах связи между отдельными предложениями. Этот вопрос привлекает внимание как советских, так и зарубежных лингвистов. Так, например, французский лингвист Ж.-М. Адам утверждает, что предложение может быть понято только из контекста: „Chaque phrase prend appui sur l'une au moins des phrases précédentes — de sorte que la compréhension de ce qui suit exige celle de ce qui précède“ [1].

Лингвисты, изучающие средства связи между предложениями, большей частью обращают внимание на лексико-грамматические средства связи, такие как союзы, наречия, местоимения, повторы, порядок слов, соотнесенность видо-временных форм глаголов [2 3, 4].

Кроме лексико-грамматических связей существует другой тип связности — это связность логическая, смысловая, которая не всегда может быть выражена формально. Необходимость изучения смысловых связей и способов их выражения подчеркивает М. П. Кожина [5], указывая, что это имеет особенно большое значение для исследования специфики научной речи и что проблема таких средств совершенно не изучена. Специальный раздел, посвященный логико-сintаксическим связям на уровне текста, включен в книгу Н. Д. Арутюновой «Предложение и его смысл», где подчеркивается значение изучения таких связей [6]. Лингвисты, исследующие семантико-сintаксические связи, отмечают такие способы, как соположение, присоединение, цепные и параллельные связи.

Соположение. Соположенные предложения обычно не имеют, кроме пауз и интонации, никаких других признаков сцепления. Как отмечает Т. Д. Гринштейн [7], целостность соположенных предложений обуславливается прежде всего логическим и психологическим единством его частей и некоторыми формальными особенностями, такими, например, как анафорическое употребление местоимений и притяжательных прилагательных.

В изучение категории соположения большой вклад внесли многие романисты. Так, один из разделов «Синтаксиса современного французского языка» Е. А. Реферовской целиком посвящен решению многих вопросов, относящихся к области соположения. Автор признает соположение самостоятельным типом синтаксической связи и отмечает, что тип соположенного предложения определяется существующими между частями сверхфразового единства логическими отношениями.

Присоединение. Сущности присоединения дал психологическое обоснование Л. В. Щерба: «...при присоединении второй элемент проявляется в сознании говорящего только после первого или во время его высказывания» [8]. Значительно углубляется и расширяется вопрос о присоединительных связях в работах В. В. Виноградова. Вопросы присоединения продолжают интересовать современных исследователей. Так, Е. А. Реферовская считает присоединительные конструкции частным случаем способа оформления сверхфразовых единств, отмечая при этом их распространенность во французском языке. Автор дает логическое обоснование этой структуре: «В основной части высказывания помещается в форме предложения определенное сообщение. Когда оно уже оформлено, возникают какие-то добавления в виде пояснения или обобщения сказанного ранее, в виде его оценки или реакции на него самого сообщающего, в виде детализации, уточнения и т. д.» [9].

Однако в силу того, что присоединительные конструкции выражают добавочные суждения, их употребление в научном стиле ограничено.

Цепные связи. Это такой тип организации текста, когда все предложения последовательно связаны между собой так, что каждое данное предложение связано либо с одним предыдущим, либо с одним последующим предложением. Наличие цепной связи между самостоятельными предложениями, наглядно отражающей последовательное развитие мысли в тексте, отмечал Г. Я. Солганик: «Выделенное синтаксическим строением и логическим ударением, одно из звеньев предшествующего предложения становится источником развития последующего и т. д. В результате мы получаем цепь тесно связанных по смыслу (единным последовательным развитием мысли) и грамматически (структурной соотнесенностью предложений). Развитие осуществляется путем повторения в последующем одного из звеньев

предыдущего предложения» [10]. Этот способ наблюдается как в художественном, так и в научном стиле.

Параллельные связи. Это широко распространенный способ логико-синтаксического соединения предложений, который выражается в одинаковом (параллельном) строении предложений. Второе предложение (иногда несколько предложений) употребляется по своей структуре первому предложению и тем самым соединяется с ним.

Некоторые авторы подчеркивают ведущую роль смыслового параллелизма при возникновении однотипного синтаксического построения.

В наших исследованиях мы исходим из того, что способы связи в научном тексте имеют свою специфику. Основные способы выражения семантико-синтаксических отношений в тексте: перечисление, последовательность, пояснение, условие, вопросно-ответные отношения, причинно-следственные отношения, противопоставление,— которые устанавливаются в смысловых блоках текста.

Перечисление представляет собой подробное описание или повествование, предваряемое какой-нибудь общей мыслью, общим положением. Эта общая мысль формулируется обычно в тематической части смыслового блока. В тематической части дается описание ряда одновременно происходящих или сменяющихся явлений. Отдельные предложения следуют друг за другом в перечислительном порядке. Перечисление может происходить при помощи нумерации перечисляемых элементов, а может быть выражено порядковыми числительными в сочетании с повтором существительного.

В основе перечисления лежит *параллельная связь* (*структурный параллелизм*), сущность которой состоит в том, что последующие части строятся по модели предыдущей, повторяя ее основные конструктивные элементы. Структурный параллелизм играет важную роль в создании единства частей смысловых блоков, в сцеплении его рематических элементов, так как выражает структурное и экспрессивно-стилистическое взаимовлияние последовательных единиц.

Структурный параллелизм основан на однородности и повторе. В большинстве случаев он характеризуется повтором отдельных слов или словосочетаний. Повторяться может также синтаксический строй предложений. Один из самых четких признаков структурного параллелизма в рематических частях — порядок слов каждой ремы: одинаковое расположение актуализованных и, как правило, акцентированных членов предложения. Очень часто стоящие в начале каждой ремы предложения имеют одинаковые лексические выражения. В этом случае параллельная связь дополняется анафорой. Повтор одной и той же структуры в начале каждой ремы создает особый ритм, фиксирует внимание читателя на повторяющемся слове.

Анафорическим может быть любой член предложения. Но так как этот член предложения повторяется и в других предложениях, резко очерчивая контуры смыслового блока, то выступает своеобразным показателем его структуры.

Структурный параллелизм обусловлен закономерностями развития текста — коммуникативным заданием смыслового блока, он обладает большими стилистическими возможностями и зависит от семантики текста.

Последовательность в описании отличается от перечисления тем, что перечисление связывает мысли, действия, явления, однородные по смыслу, принадлежащие общей группе понятий, а последовательность определяет соотношение элементов, разнородных в смысловом отношении. При последовательных отношениях передача какого-либо процесса, изложение события, составление информационного или реферативного обзора производится так, что тема каждого последующего предложения логически вытекает из содержания предыдущего.

Последовательность может быть выражена с помощью вводных слов, которые предполагают наличие второго элемента пары в последующем тексте. Обычно они располагаются в начале предложения каждой ремы, создавая тем самым частичный параллелизм. Употребление вводных слов способствует более четкой ритмической организации смысловых блоков, более строгому логическому построению текста. Последовательность в изложении может передаваться такими вводными словами, как *en premier lieu*, *ensuite*, *généralemente*, *enfin*, каждое из которых начинают новую рему.

Вводные слова логического характера *le premier*, *le second*, *d'abord*, *ensuite* подчеркивают порядок следования мыслей и их взаимоотношение. Наречия с абстрактной семантикой типа *d'abord*, *ensuite* служат для временной последовательности описываемых явлений.

Вводные слова обладают сильным средством межфразовой связи, если ими начинается каждая рематическая часть. В этой функции от лексических полнозначных слов они отличаются тем, что в смысловом отношении не самостоятельны, без знаменательных слов не могут составить полнозначного зерна рематической части. Вводные слова обеспечивают строгую линейную последовательность предложений.

Пояснение можно определить как развитие основного состава смыслового блока путем его детализации. Между поясняемым и поясняющим компонентами в пояснительной конструкции складываются определенные семантические отношения (уточнения, мотивации и др.). Содержание всей первой, тематической части раскрывается многочленной второй, рематической частью. Рематическая часть поясняет, развивает, конкретизирует содержание тематической части.

Структурно-семантической особенностью конструкций дан-

ногого вида является наличие в составе тематической части поясняемого слова, выполняющего роль формального носителя смысловых и синтаксических отношений. Тематическая часть включает в себя слово, нуждающееся в пояснении, требующее уточнения во второй части. Например:

En effet, le four étant „continu”, la surveillance doit être permanente, ce qui exige la mise sur pied de trois équipes se relayant nuit et jour (La technique moderne, 1981, N 2).

De plus, l'analogie entre le four industriel et le four expérimental est fausse, car [T] (Les plastiques modernes et Elastomères, 1983, N 4):

— les pièces à traiter ne peuvent être commodément fabriquées en modèle réduit [P₁],

— leurs dimensions — l'épaisseur notamment — conditionnent largement la durée du cycle de cuisson; il ne saurait donc être question de les modifier [P₂],

— le gradient longitudinal de température est d'autant plus élevé que la longueur du four est plus réduite. A titre d'exemple, l'écart de température longitudinal [P₃] (Les Plastiques modernes et Elastomères, 1981, N 5).

В данном примере тематическая часть смыслового блока Т заканчивается союзом саг, который указывает на последующее пояснение в рематических частях [P₁, P₂, P₃].

Отношения условия. Между тематической и рематической частями может быть заключено условие. В таких случаях тематическая часть заканчивается условием, которое требует продолжения в рематических частях.

Вопросно-ответные отношения — довольно часто встречающийся вид логической связи, при котором последующие предложения дают ответ на поставленный вопрос. Тематическая часть содержит конкретный вопрос, требующий ответа. За вопросом следует развернутый ответ, который дается в последующих рематических частях. Такая связь способствует логическому расчленению СФЕ.

Причинно-следственные отношения. Рематические части могут не просто раскрывать смысл предшествующей информации, но одновременно указывать на причину или следствие того, о чем сообщается в первой части. Отличительной чертой смысловых блоков с причинно-следственными отношениями является обязательная взаимообусловленность двух планов содержания. В зависимости от коммуникативной задачи тематическая часть содержит причину, а рематическая — следствие или же данное соотношение имеет обратный следственно-причинный характер. Тематическая часть может заканчиваться предложением со значением следствия.

Противопоставление. Смысловые блоки могут строиться на принципе противопоставления, когда два противопоставляемых или сопоставляемых явления противополагаются одно другому.

Сообщение, заключенное в одной реме, сопоставляется с сообщением, заключенным в последующей реме (или противополагается ему). Для связей данного типа характерно наличие в рематических частях слов, противоположных или противоречащих друг другу по своему значению. Противительные отношения между рематическими частями могут выражаться вводными словами типа *d'une part, d'autre part, d'un côté, d'un autre côté*.

Если ремы в смысловом блоке связаны отношениями противопоставления, то при каждом из противопоставляемых членов могут употребляться взаимосоотнесенные слова *ou bien, ou bien, soit, soit*.

Насыщенность научного текста средствами связи самостоятельных предложений, соотнесенных между собой логически по смыслу, является моментом, подчеркивающим, усиливающим связанность самостоятельных предложений, направляющих мысль читателя в определенном аспекте.

Установление семантико-сintаксических связей является необходимым этапом на пути к полному пониманию содержания отдельного блока и всего текста в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Adam J.—M. Linguistique et discours littéraire.—Théorie des textes. Р., 1976, p. 197.
2. Лосева В. П. К изучению межфразовой связи.—Русский язык в школе, 1967, № 1, с. 89—94.
3. Лунева В. П. Функционирование наречий в сложных синтаксических целях.—В кн.: Русский синтаксис. Воронеж, 1977, т. 191, с. 88—96.
4. Папенкова Т. А. Текстуальное функционирование местоимений в современном русском литературном языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1973.
5. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими/Пермск. госун-т. Пермь, 1972, с. 326.
6. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
7. Гринштейн Т. Д. Категория соположения в современном французском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1973.
8. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Просвещение, 1957, с. 80.
9. Реферовская Е. А. Сверхфразовое единство.—В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. М., 1975, с. 195.
10. Солганик Г. Я. О способах объединения самостоятельных предложений в прозаические строфы: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1965, с. 59.

Т. В. Андреева
(Ленинград)

ВНУТРИУРОВНЕВЫЕ И МЕЖУРОВНЕВЫЕ СВЯЗИ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ КОНТРАСТА

Проблемы связности текста, взаимодействие единиц разных уровней, обеспечивающее эту связность, неоднократно привлекали внимание ученых. Еще в 1923 году Б. А. Ларин писал:

«Ни в какой момент работы в области стилистики нельзя упускать из виду взаимодействия элементов целостности художественного текста» [1].

Целостность текста обеспечивается как связями между единицами одного уровня, так и преодолением линейности текста. Задачей данной статьи является рассмотрение особенностей контекстуальной реализации понятия контраста через взаимодействие единиц разных уровней.

Характеристики текста как основы анализа и толкования были подробно даны в русле стилистики декодирования. И. В. Арнольд определяет текст как вербальное сообщение, служащее для передачи по каналу художественной литературы предметно-логической, эстетической, образной, эмоциональной и оценочной информации, объединенной в идеально-художественном содержании текста в одно сложное целое [2]. Текст характеризуется единством коммуникативного задания, информативностью, связностью. Для текста конституирующими уровнями являются уровни языка — фонемы, морфемы, слова, предложения и специфические для стилистики уровни стилистических приемов, образов, типов выдвижения. Сам текст — конечное звено в цепи и уровней языка, и уровней стилистического анализа.

В рамках единого художественного целого все эти уровни находятся в отношениях сложного взаимодействия, обусловленного спецификой прагматической установки. Контекст, в котором предполагается рассмотреть реализацию понятия контраста, — часть литературно-художественного текста, и, следовательно, на него распространяются все типологические показатели текста. Рассмотрим некоторые из них. Рабочее определение контекста в данной статье следующее: контрастный контекст (в дальнейшем — контраст) — отрывок литературно-художественного текста, необходимый и достаточный для реализации понятия противоположности.

В художественном произведении контраст может быть осуществлен путем восстановления реальных жизненных конфликтов и противоречий. Он может быть достигнут за счет субъективного подчеркивания самим художником тех или иных сторон изображаемых им явлений. Минимальный контрастный контекст представляет собой словосочетание, предложение. Максимальный контрастный контекст может представлять сверхфразовое единство, абзац или целостный текст.

Контраст можно рассматривать как тип выдвижения. Под выдвижением понимаются «способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между единицами одного или разных уровней» [3]. Формальная характеристика контрастного контекста — непрерывное наличие парных элементов.

Характер внутриуровневых и межуровневых связей в контрасте определяется единой семантической доминантой — понятием противоположности. Связи лексического типа в контрастном контексте могут быть антонимическими, гипо-, гиперонимическими, синонимическими и соотноситься с общим или различными референтами.

Синтаксические связи в контрасте представлены словосочетаниями, уравновешенными предложениями с союзной и бессоюзной связью. Существенную для синтаксической организации роль играет противительная семантика слов в предложениях. Если слова с закрепленным значением противоположности отсутствуют, то, как правило, налицаует адверсативная синтаксическая связь плюс-минус отрицание.

«Когда языковой знак, как компонент языка, становится строительным материалом, формирующим художественный текст как вторичную моделирующую систему, на его особенности накладываются новые свойства. Эти свойства порождены природой художественного текста» [4]. Природа контраста предполагает связность на уровне местоимений, глагольных форм, наречий времени, места, которые противопоставляются в контрастном контексте под влиянием общей семантической доминанты, структурного сходства позиций и pragматической установки. Такие же типы связей характерны для текста в целом.

Как часть литературно-художественного текста контраст и предполагает связность на специфических для стилистики уровнях стилистических приемов, образов, композиций и др. Неотъемлемыми слагаемыми контраста являются антитеза, оксюомон. Эти стилистические приемы представляют собой очевидную, ощущаемую констатацию контраста. Они актуализируют в тексте противопоставление контрастных понятий или понятий, воспринимаемых автором как контрастные. Антитеза и оксюомон создают в контрастном контексте своего рода полярное напряжение, так как представляют собой синтагмы с противопоставленными семантическими компонентами, занимающими эквивалентные позиции. На полюсах этой синтагматической оси могут находиться, и чаще всего находятся, слова, которые не являются языковыми антонимами и не имеют зафиксированного в словаре значения противоположности. Они воспринимаются как таковые только в силу внутренних связей в самом контексте. Интересным представляется мнение Н. А. Постоловской, автора одной из последних работ по контрасту, которая считает, что все стилистические приемы, основанные на противопоставлении, можно включить в группу контраста по качественному сходству и функциональной общности [5].

В организации контрастного контекста могут участвовать факультативно эпитет, метафора, образное сравнение, параллельные конструкции с повторяющимися элементами, фоногра-

фические средства. Появление сходных, но нетождественных элементов в сходных позициях называется сцеплением. Оно помогает раскрыть характер и суть единства формы и содержания в контрастном контексте. Сходство позиций в синтагматике — своего рода фон, на котором ярче всего обнаруживаются дифференциальные семы в значениях компонентов. Позиционная эквивалентность в контрасте обеспечивает знаковую противоположность даже у слов, не имеющих значения контрастности. Грамматические формы добавочно семантизируются в контрастном контексте и приобретают большой выразительный потенциал.

Рассмотрим внутриуровневые и межуровневые связи в контрасте на материале романа Э. М. Форстера «Хауэрдс Энд». Выбранный для анализа отрывок представляет собой авторское отступление. Семантической доминантой его является противопоставление природы, сельской местности и города.

Лексические связи контекста обнаруживаются на следующих уровнях.

1. В контексте две контрастирующие группы тематических слов. По вертикали они образуют две лексико-семантические парадигмы с обобщенным значением «связанный с природой, сельской местностью», «связанный с городом». Противопоставляемые группы лексических единиц являются образами контрастного контекста. Они связаны отношениями ситуативной синонимии по вертикали, а по горизонтали — отношениями антонимии языковой и речевой (ситуативной).

To speak against London is no longer fashionable. The earth as an artistic cult has had its day, and the literature of the near future will probably ignore the country and seek inspiration from the town. One can understand the reaction of Pan and the elemental forces the public has heard a little too much — they seem Victorian, while London is Georgian — and those who care for the earth with sincerity may wait long ere the pendulum swings back to her again. Certainly London fascinates. One visualizes it as a tract of quivering gray, intelligent without purpose, and excitable without love; as a spirit that has altered before it can be chronicled; as a heart that certainly beats, but with no pulsation of humanity. It lies beyond everything: Nature, with all her cruelty, comes nearer to us than do these crowds of men. A friend explains himself, the earth is explicable — from her we came, and we must return to her. But who can explain Westminster Bridge Road or Liverpool Street in the morning — the city inhaling — or the same thoroughfares in the evening — the city exhaling her exhausted air? We reach in desperation beyond the fog, beyond the very stars, the voids of the universe are ransacked to justify the monster, and stamped with a human face, London is religion's opportunity not the decorous religion of theologians, but anthropomorphic, crude (Forster. Howards End, p. 116).

Итак, мы имеем обобщенные образы природы, сельской местности и города:

the earth v. s. London

the country v. s. the town

Pan, elemental forces v. s. London

Nature v. s.

{ London
a tract, a spirit, a heart,
crowds of men

the fog, the stars,
the voids of universe

v. s.

{ Westminster Bridge Road
Liverpool Street
the city, the monster,
London

Образ города конкретизируется (the town, the city, London), предстает то непосредственно, то опосредованно через свои представители crowds of men, Westminster Bridge Road, Liverpool Street и, таким образом, сужается или расширяется, метафоризируется: a spirit, ... a heart that beats, ... the monster stamped with a human face. Аналогичные явления происходят с образом природы, выраженным рядом ситуативных синонимов, в которых присутствует гиперсема «связанный с природой, с явлениями природы».

2. Отношения антонимии представлены в контрастном контексте наиболее многогранно. Это и языковые префиксальные антонимы *inhaling* v. s. *exhaling*, разнонаправленные действия, выраженные глаголами *to come from* v. s. *to return to*, речевые антонимы *Victorian* v. s. *Georgian*, *to ignore* v. s. *to seek inspiration from*; *decorous* v. s. *crude*.

3. Слова третьей группы противопоставляются только в контрастном контексте. В системе языка они не являются антонимами. В ряде случаев они связаны общим подлежащим, например: *the literature of the future will probably ignore the country and seek inspiration from the town*; эквивалентностью позиций: *intelligent without purpose, and excitable without love*.

Оригинальное значение также играет важную роль в создании структурной модели контраста. В контексте викторианство противопоставляется георгианству в силу исторических ассоциаций. Это не просто контраст временных планов, но и противопоставление импликационадов: викторианский — романтический, георгианский — практический; викторианский — ориентированный на сельское хозяйство, связанный с прославлением природы; георгианский — на развитие промышленности, на город. В сущности, в оппозицию входят два исторических периода в жизни целого народа, преломляясь в мировоззрении самого писателя. Это, естественно, повышает эмоциональную и экспрессивную нагрузку противопоставления.

По мнению И. В. Арнольд, транспозиция в виде перехода

слова из разряда в разряд может дать как экспрессивные, оценочные, эмоциональные, так и функционально-стилистические коннотации [см. 2]. В рассматриваемом контрастном контексте хорошо представлено олицетворение, или персонификация, неодушевленных существительных. Образ города персонифицируется и метафоризируется через соотнесенность с местоимениями ... *the city exhaling her exhausted air* образным сравнением: ...*One visualizes it as a tract...*, *intelligent without purpose, and excitable without love; as a spirit ...; as a heart.*

В последнем сравнении интерес представляет функция адверсативного союза *but* и отрицания. С одной стороны, образ Лондона приравнивается автором к образу человеческого сердца, с другой — сам автор отрицает «человеческие качества» города: ... *with no pulsation of humanity ...*, чем и создает очередное противоречие. Персонификация города проявляется в лексико-грамматической сочетаемости с глаголами *to inhale v. s. to exhale* (свойство вдыхать и выдыхать присуще только живым существам). В свою очередь, природа также персонифицируется. Это подтверждается написанием с заглавной буквы *Nature*, употреблением местоимения *her* и неожиданно приписываемым автором свойства *g cruelty*.

Семантическая доминанта контраста обуславливает стилистический потенциал глагольных категорий, направленный на передачу понятия противоположности. Так, например, в контрастном контексте противопоставляются глагольные формы времени: *The earth ... has had its day* (Present Perfect) v. s. *the literature of the near future will probably ignore the country and seek inspiration from the town* (Future Indefinite Tense); глагольные формы с модальным значением и формы, не имеющие значения модальности: *they seem Victorian v. s. while London is Georgian; from her we came v. s. and we must return to her*; глагольные формы, противопоставляемые по принципу оппозиции структурных форм сказуемого с семантикой *active — passive*: *a friend explains himself v. s. the earth is explicable*.

На синтаксическом уровне связь в контексте контраста бывает союзной и бессоюзной. Чаще всего тема контраста может быть выражена использованием адверсативного союза *but*, который передает инвариантную идею противопоставления в самом общем виде. Однако и соединительные союзы *and*, *while*, уступительные союзы *although*, *yet* могут осуществлять синтаксические связи в контексте контраста. В данном контексте неоднократно употребляется союз *and*, один из самых употребительных связующих союзов в английском языке. В контрастном контексте он часто является средством связи двух противопоставляемых объектов, понятий, но может соединять части предложения, которые не несут контрастного фона. Ср.: *The earth as an artistic cult has had its day, and the literature of the near future will probably ignore the country and seek inspiration from*

The town или ...A friend explains himself, the earth is explicable — from her we came *and* we must return to her. Употребление соединительных союзов для связи противопоставленных членов предложения, целых предложений повышает эффект неожиданности, на их фоне ярче проявляется противопоставление лексических единиц.

Важная роль в структуре контраста отводится отрицанию. Отрицание — частный случай контрастности. Оно выполняет функцию маркированного члена оппозиции: ...intelligent *without* purpose, *and* excitable *without* love; a heart that certainly beats *but* with *no* pulsation of humanity. Следует обратить особое внимание на функцию отрицания в начальной позиции контекста. Первое предложение стоит в сильной позиции. Субъект выражен инфинитивной конструкцией с сопутствующими компонентами. Во второй части присутствует отрицание. Если восстановить пропущенные связи, мы получим следующее: «Когда-то было модно восхвалять природу и ругать город. Сейчас это уже немодно». Таким образом, в первом же предложении присутствует импликация: автор возражает тому, кто ранее обрушивал свою критику на Лондон. На контраст работает и семантика редко употребляемых слов. Например, слово *pendulum* определяется в словаре как ...an almost regular movement of public opinion from one extreme to the other. «Качания из стороны в сторону» и «изменение общественного мнения» запрограммированы семантикой слова и согласуются с контекстом.

Для реализации коммуникативного задания литературно-художественный текст мобилизует все возможные связи между единицами одного и нескольких уровней. То же самое происходит в рассматриваемых нами контрастных контекстах для выражения понятия контраста.

Внутриуровневые связи в контрасте создаются единицами одного уровня в линейном прочтении: морфемами, словами, словосочетаниями, предложениями. На этом должна быть основана методика исследования контраста.

В контрастном контексте единицы уровней языка используются как базисный материал уровней стилистического анализа. Например, в данном контексте слова *the country*, *Nature*, *the earth...* входят в систему образов и противопоставляются другой группе образов, представленной словами: *the town*, *the city*, *London etc.*

Наличие междууровневых связей объясняется самой природой языкового знака как дискретной единицы плана выражения. Однако не все единицы уровней языка релевантны для уровней стилистического анализа, а только те, которые в окружении других, связанных с ними единиц, приобретают добавочные приращения к смыслу, особую эмоциональную окраску, необычную грамматическую сочетаемость в контексте контраста.

Таким образом, мы можем говорить о глубинной обратной

связи в контрасте по типу смысл-форма. Семантика противоположности обуславливает форму, то есть непременное наличие двух структурных элементов (члена и противочлена). Форма, в свою очередь, оказывает влияние на семантику единиц контрастного контекста. Слова, оказавшиеся в позиции противочлена, приобретают ситуативно обусловленную контрастную семантическую окраску, дополнительную к основному смыслу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ларин Б. А.* О разновидностях художественной речи. Семантические этюды.— В кн.: *Б. А. Ларин. Эстетика слова и язык писателя.* Избранные статьи. Л., 1974.
2. *Арнольд И. В.* О понимании термина «текст» в стилистике декодирования.— В кн.: *Стилистика художественной речи.* Л., 1980.
3. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. Л., 1981.
4. *Тураева З. Р.* Время грамматическое и время художественное. М., 1979.
5. *Постоловская Н. А.* Использование контраста в авторских отступлениях в романах Т. Уайлдера.— В кн.: *Интерпретация художественного текста в языковом вузе.* Л., 1981.
6. Цит. по кн.: *Forster E. M. Howards End.* Penguin Books, 1977, р. 116.

М. А. Данкова
(Свердловск)

СЕМАНТИКО-СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ АНТОНИМИЧЕСКИХ ПАР

Одной из системных группировок парадигматики являются антонимы. При исследовании антонимов важно изучение их реального употребления в речи, что помогает анализу типовых контекстов, сочетаемости. Антонимами широко пользуются в публицистике, в устном общении. Довольно часто наблюдаем антонимические пары в языке художественной прозы.

В данной статье анализируются антонимические пары в пределах семантического поля «природа». Природа — объект познания и источник эмоций. Пейзаж может выражать гармонию персонажа с природой или их антагонизм [1]. Антонимия преимущественно распространена среди прилагательных и существительных именно такого плана, характеризует качества и состояния людей, отсюда представляется интересным проследить это явление на материале понятийного поля «природа».

Последнее десятилетие характеризуется развитием идеи «семантического» (понятийного) поля [2]. Под термином «семантическое поле» (СП) Р. Гинзбург [3, р. 51—53] понимает тесно переплетенные отрезки словаря, объединенные одним понятием (например, слова, обозначающие цвета, родство, прият-

ные эмоции и т. п.). Поля могут быть очень крупными и покрывать такие понятийные сферы, как space, matter, intellect (see Roget) [4]. Слова, составляющие такие поля, принадлежат к различным частям речи (например, СП space — это и прилагательные, и существительные, и глаголы: extent, to extend, spacious, roomy etc). Более мелкие группировки (тематические группы — e. g., floweres; fruit) используются для целей обучения. Один из наиболее эффективных способов выделения «поля» — семантико-логический. В его основе — принцип идентификации [5]. Отыскивается слово-идентификатор, выражающее понятие, идею в самой общей форме. Материалом для вычленения СП обычно служат тематические толковые словари. В основе семантико-логического способа лежит процесс ограничения понятия. Это логическая операция перехода от более общего к менее общему [6]. В ходе такого процесса общее понятие последовательно заменяется конкретным. Этот способ отражает реальные связи объективной действительности.

Обратимся к словарю-тезаурусу Роже [4], который дает общую классификацию слов-понятий. Среди приведенных там шести групп, сводящих в систему все многообразие мира, группа III называется matter (материя), а внутри нее — class III называется мир (world), иначе — nature (природа), universe (вселенная), heaven, sky, sun, moon, earth etc. Примем слово nature за идентификатор [5]. Затем, используя семантико-логический способ ограничения понятия, переходим от более общего к более частному и выделяем такие понятия (и соответствующие им слова), как earth (внутри него: mountain, valley, forest, grass, flower, tree, lake, river etc.); the sun, moon; day, night; summer, winter, rain, snow etc; man, woman, child, animal, bird etc. Таким образом, получается группа слов-понятий с общим значением «природа» (мир, вселенная). Выбор диктуется экстралингвистикой.

Рассмотрим, как в художественных произведениях при описании природы используются антонимические языковые ресурсы. Анализ проводился на основе произведений современных авторов общим объемом в 3 тыс. страниц.

Материал исследовался в следующем порядке: семантика антонимов, распределение по частям речи, стилистический эффект.

1. Антонимы характеризуют:

а) объекты живой и неживой природы (человек, горы, долины, цветы, деревья и т. д.):

It was a lovely landscape. It was idyllic, poetical and it inspired me. I felt *good* and *noble*. I felt I didn't want to be *sinful* and *wicked* any more [10, p. 76]. We are creatures of the sun, we *men* and *women*... In the sunlight — in the day — time, when nature is alive and busy all around us, we like the open hill — sides [Ibid, p. 67].

Your eyes smile peace.
The pasture gleams and glows.
'Neath billowing skies.
that *scatter* and *amass* [11, II, p. 50].

The Tuscany is a state of grace. The country,— side is so Lovingly designed that the eye sweeps the *mountains* and *valleys* without stumbling over a single stone [12, p. 374];

б) состояния, свойства, качества живой и неживой материи (цвет, запах и т. п.):

As the sun rose in the sky the campagne plains came to life in *pale* pinks and *tawny* browns. In the distance stood Rome, sparkling clear [12, p. 514].

First in the *dim twilight* and then in the *bright dawn* [13, p. 123]. ...there came through the open door the *heavy* scent of the lilac, or the more *delicate* perfume of the pink-flowering thorn [11, p. 21]. The silver of water, the dark shapes of yew and ilex trees... It was a landscape in *black* and *white* [14, p. 54]. The isolation of it (mountain's peak) reached to something in himself, the solid independent greyness beyond *heat* and *cold* [15, p. 22]. ...she stretched her arms out to the silent river that had known her *sorrows* and her *joys* [10, p. 189];

в) части суток, времена года, время и т. п. (day, night, summer, winter, early, late etc.):

A thick yellow fog had covered London all day, turning the *day* to *night* [16, p. 51]. The wooden wall of the yard... had an overhang under which the workman found protection from the beating *sun* in *summer* and the *rain* from the mountains in *winter* [12, p. 199]. It was a glorious morning, *late* spring or *early* summer ... when the dainty sheen of grass and leaf is blushing to a deeper green and the year seems like a fair young maid [10, p. 59];

г) пространственные отношения, движение материи (влево — вправо, вверх — вниз, север — юг, назад — вперед и т. п.):

Going on the *left* bank and ... on the *right* are ... either charming places to stay at for a few days [10, p. 189]. ...he stood on the beach watching the sky ...orange, yellow, green and bloody colours streaked like a horizontal water — fall over the hills, stretching *South* to *North* [15, p. 228]. The flower seemed to quiver and then swayed gently *to* and *fro* [13, p. 46].

Таким образом, видно, что антонимы называют все многообразие окружающей живой и неживой материи, воспринимаемой человеком, в покое и в движении. В основной массе это языковые антонимы: *good* — *wicked*; *man* — *woman*; *scatter* — *amass*; *mountains* — *valleys*; *dim* — *bright*; *heavy* — *delicate*; *sorrow* — *joy*; *black* — *white*; *to* — *fro*, *late* — *early* etc.

2. Рассмотрим употребительность антонимов по частям речи.

В проанализированном материале обнаружено антонимичных прилагательных 10 пар, существительных — 16 пар, глаголов — 3 пары, наречий — 4, например: *good* — *wicked*, *dim* — *bright*, *heavy* — *delicate*, *black* — *white*, *pale* — *tawny*, *late* — *early* etc; *man* — *woman*, *joy* — *sorrow*, *mountains* — *valleys*, *dawn* — *twilight*, *south* — *North* etc; *to* — *fro*, *up* — *down*.

Все антонимы содержат в своем значении указание на качество, независимо от принадлежности к части речи. Все рассмотренные антонимы разнокорневые. Как установлено В. Н. Комиссаровым [7], наличие антонимичной характеристики в значениях корневых слов-антонимов лингвистически обнаруживается в следующих особенностях: а) в регулярном употреблении в составе антонимичных контекстов, б) в общности их лексической сочетаемости. Все обнаруженные нами антонимы отвечают этим требованиям.

3. Каков же стилистический эффект использования антонимов в рассмотренных примерах?

В нормативных учебниках по лексикологии и стилистике говорится об антонимии как базе для создания антитез, оксюморонов [8], помогающих характеризовать явления наиболее контрастно. Впервые выделены виды стилистического эффекта (функций), который может достигаться при использовании антонимов, в работе Н. Л. Соколовой [9]. На основе большого фактического материала были показаны функции антонимов: от резкого контраста до парадоксальности. Использование антонимов признано важным стилистическим фактором. Рассмотрим наши примеры: *We are creatures of the sun, we men and women. We love light and life. That is why we crowd into the towns and cities, and the country grows more and more deserted every year. In the sunlight — in the daytime, when nature is alive and busy all around us, we like the open hillsides...*, but *in the night* when our mother *Earth* has gone to sleep ... Oh! the *world* seems so lonesome and we get frightened... Then we sit and sob... We feel so helpless and so little in the great stillness [10, p. 67].

Отрывок содержит развернутую антитезу, где стилистически противопоставлены: *men* — *women*; *town* — *country*; *in the daytime* — *in the night*. Кроме того, в параллельной конструкции (характерном признаке антитезы) с союзом *but* дана развернутая характеристика двух противопоставляемых состояний человека на лоне природы: ...*in the daytime* when nature is alive and busy all around us, we like the open hillsides — *in the night* when our mother *Earth* has gone to sleep ... Oh! the *world* seems so lonesome and we get frightened ... Then we sit and sob ... we feel so helpless and so little in the great stillness. Состояние света соотносится с душевным покоем человека, и, наоборот, состояние темноты — с чувством страха, одиночества, беспомощности. Отрывок, кроме того, содержит слова *Nature*, *earth*, *world*, которые подтверждают правильность выбранного

отрывка, иллюстрирующего семантическое поле «природа» (см. словарь Роже). Джером, традиционно считающийся легким юмористом, дает по временам очень тонкие характеристики и зарисовки природы в сочетании с глубоким психологическим анализом. В следующем примере противопоставление *day — night* связывается с другой характеристикой: день ассоциируется с заботой, а ночь — с покоем. По аналогии с противопоставленностью дня и ночи более живо предстает эмоциональное состояние человека во время сна и бодрствования. Достигается это с помощью антонимического контраста: *The day has been so full of fret and care and our hearts have been so full of evil and of bitter thoughts ... Then Night like some great loving mother, gently lays her hand upon our fevered head ... and the pain is gone* [10, p. 144]. Общий стилистический эффект усиливается за счет сравнения: *like some great loving mother*.

Объем статьи не позволяет рассмотреть все имеющиеся в нашем распоряжении случаи стилистического использования антонимов, однако проанализированный материал показывает, что художники слова довольно часто прибегают к помощи антонимического противопоставления как средства выразительного описания природы, а на ее фоне — выражений человека.

Анализ семантики антонимических пар в пределах одного поля помогает вскрыть системную природу такого явления плана парадигматики как антонимия, а также тесную зависимость этого явления от реальной действительности во всей ее противоречивости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1979.
2. Шубова Н. А. Об исследовании лексических подсистем языка. М.: Изд-во МГУ, 1969.
3. Ginsburg R. S. A course in Modern English Lexicology. М.: Higher School, 1973.
4. Roget's Thesaurus of English Words and phrases. L.: Penguin Books, 1973.
5. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
6. Долгих Н. Г. Семантическое поле глаголов эмоций в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Тбилиси, 1970.
7. Комиссаров В. Н. Словарь антонимов современного английского языка. М.: Просвещение, 1964.
8. Galperin I. B. Stylistics.— M.: Higher School, 1977.
9. Соколова Н. Л. Стилистическое использование антонимов в английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1978.
10. Jerome K. J. Three Men in a Boat. M.: Foreign Languages publishing House, 1959.
11. Поэзия Европы: В 3-х т. М.: Худож. лит., 1977.
12. Stone I. The Agony and the Ecstasy.— N. Y.: Bantam book, 1961.
13. Widde O. The picture of Dorain Gray.— M.: Foreign Languages Publishing House, 1958.
14. Huxley A. Crome Yellow. M.: Progress publishers, 1976.
15. Sillitoe A. Key to the Door. M.: Progress publishers, 1969.
16. Murdock J. A Severed Head. L: A Tiard panther Book, 1978.

Глагольная флексия 2 л. мн. ч. всех парадигм, кроме перфектной, или иначе общая флексия 5-й формы, встречается в старофранцузских текстах в нескольких написаниях: -z, -tz, -s, -Ø, -tes, -tez, -des, -te или даже -ts, -st, -tst, -ds, как, например, в «Проповеди о пророке Ионе». Но рядом с ними появляется еще один, как это ни странно звучит, малоизвестный и непризнанный романистами показатель, передаваемый в рукописях знаками -t, -d, -th или в сокращении -& (-et), который для краткости будет называться дальше флексией -t, или асигматической флексией.

Существование французской флексии -t, по-видимому, признавал К. Хоффман, если судить по его исправлениям стихов 134 и 403 «Страстей Христовых» [1]. После публикации «Жениха», осуществленной В. Клоэтта [2] и содержащей достаточно подробное обсуждение употреблений -t вместо -z, большинство издателей текстов сохраняют рукописные -t, давая им различные толкования. Грамматисты же вначале уделяли этому явлению некоторое внимание, а затем потеряли его из виду. А. Беренс, собрав значительное число французских примеров, допускал возможность формального сохранения латинских императивов [3]. В. Мейер-Любке колебался в определении статуса форм на -t; он называл их, с одной стороны, графической особенностью, а с другой, ввел в парадигму императива и допускал их этимологическое сохранение в окситанском и ретороманском, но позднее не включил их в свою «Историческую грамматику французского языка» [4].

Другие исследователи, не замечая работ своих предшественников, время от времени с удивлением обнаруживают формы на -t в старофранцузских текстах. В начале века К. Нюороп, найдя всего два примера в «Послании св. Стефана», естественно, усомнился в их доказательной силе [5]. В 50-е годы на те же примеры с похожим комментарием указал В. Ф. Шишмарев [6]. Десятилетие спустя на существование флексии -t во 2 л. мн. ч. в «Женихе», «Послании св. Стефана» и «Страстях Христовых» в связи с асигматическими формами 1 л. мн. ч. обратил внимание Г. де Пурк [7]. В 70-е годы одну форму на -t в тексте «Страстей Христовых» вновь открыл Ж. Муанье [8]. Авторы других исследований и пособий по истории французского языка формы на -t вообще не рассматривают.

Французские тексты X—XIV вв. дают значительное число примеров 2 л. мн. ч. на -t. Приводим эти формы в рукописных чтениях, по возможности без исправлений или с минимальными исправлениями [9].

Passion. Ms. de Clermont — Ferrand n°240 (апс. n° 189), ко-

нец X — начало XI в., Лимож или Клермон — Ферран: querent 134, prendet 144, crement 403, requeret 404.

Sponsus. Ms. Paris, B. N. lat. 1139, конец XI в., северный Лимузен: oiet 11, eiset (ms.: aisex ou ais&) 12, atend& 13, 15, 26, dormet 14, 19, 23, 27, queret 63, 69, 70, auret 64, alet 64, 71, veet 65, preiat 72, al& 85, 85, ser& 87.

Poèmes farcis. Рукопись та же, что и в предыдущем случае: Poème II: laissat 6, aprendet 7, diiat 74, sabiat 21.

Epître de St. Etienne. Ms. du Petit Séminaire de Tours. Текст скопирован около 1130 г. в окрестностях Тура (в Авоне или Мармутье): seet 2, escotet 2,4, avet 57.

Sermons de St. Bernard. Текст сохранился в трех списках; наши формы обнаруживаются в рукописи Paris, B. N., fr 24768, конец XII в., Лотарингия: aemplisset 30.14, sovignet 147.10, ge-paisset 147.99.

Psautier de Cambridge. Кембриджская рукопись переписана в Канторбери в середине или второй половине XII в.: seied 61.10, corned 80.3, esfowed 136.7, 136.7, vuillied 145.2, chanted 146.7, loed 148.2, 3, 4, 7.

Philippe de Thaun, Comput. Текст сохранился в англо-нормандских списках середины XII — начала XIII в., обозначаемых буквами A, C, L, S, V: suvienget 163 A=suvenget C, sovenge L; seiet 1530 C=seiez S; sacet 2061 A=sace S, sacez CL; verreit 2659 A=verrez C, verriez S; poset 2792 CAS=posez L; joinnet 2995 L=juinet V, juineth A, juigniez C; cuntet 3408 A=cuntez CLS.

Benedeit, Voyage de St. Brandan. Текст сохранился в четырех англо-нормандских рукописях (А, В, С, Д) и одном пикардском списке (Е) XIII в.: mettet 225 D; prenget 296 A=prennez B, pernez CDE; mentet 298 A=mentez CD; seet 359 A; streit 863 A=estrez B; clamet 1060 B; target 1659 B; chargiet 1660 B.

Benoit de Sainte — Maure, Chronique des ducs de Normandie. Т — Bibliothèque municipale de Tours, n° 903, конец XII в., юго-запад; В — British Museum, Harleian Library, n° 1717, середина XIII в., Англия: dotet I 122 B=dotez 122 T; aparilliet II 361 B=apareillez 2525 T; sachiet II 9404 B=sachiez 11573 T; voudreit 5503 T.

Pèlerinage de Charlemagne. Ms. British Museum, Royal 16 E VIII конец XIII — начало XIV в., Англия: donet 216, 844, gardet 224, chevalchet 280, conuset 305, atendet 397, gardet 509, verret 523, comandet 580, gabaret 661, larred 704, huniset 721, lasset 841.

Chardry, Petit Plet. Текст сохранился в трех англо-нормандских рукописях XIII в. L, O, V: bainet 103 L=baynez O, baygnez V.

Documents anglo-normands du XIVe s.: mostrit=mostrez, poyet [10].

Перечисленные формы за редкими исключениями никак не

закреплены в тексте. В таких условиях более осмотрительно отнести их на счет переписчиков. Сопоставление датировок и локализаций показывает, что асигматические формы были известны, по крайней мере, с X по XIV вв. на юге, юго-западе, востоке Франции и в Англии. На континенте зарегистрирована меньшая часть форм; они относятся к началу X — концу XII в. и встречаются только в написаниях *-t* и *-&*. На Англию приходится большая часть форм (47 из 82), которые датируются более поздним периодом и представлены написаниями *-t* (*-&*), *-d*, *-th*. Распределение рассматриваемых форм по отдельным глаголам и типам спряжения носит случайный характер: от 1 до 5 форм на данный инфинитив. Численное распределение форм по текстам и парадигмам выглядит следующим образом:

	Всего	Императив	Презенс индикатива	Презенс конъюнктива	Футу- рум
Passion	4	1	2	1	—
Sponsus	19 (+ 1?)	13 (+ 1?)	4	—	2
Poëmes farcis	4	2	—	2	—
Epître	4	3	1	—	—
St. Bernard	3	3	—	—	—
Ps. de Cambr.	10	10	—	—	—
Comput	10 (+ 1?)	5 (+ 1?)	4	—	1
Brendan	8	6	—	1	1
Benoit	4	2	—	1	1
Pèlerinage	13	7	3	—	3
Chardry	1	—	—	1	—
Doc. a.-norm.	2	2	—	—	—
Всего	82 (+ 2?)	54 (+ 2?)	14	6	8

Что же такое эти написания? Реальные старофранцузские флексии или морфологический мираж?

Прежде всего сразу же отклоним предположения об ошибке в результате смешения буквенных знаков или неправильной этимологизации. Они, казалось бы, подтверждаются некоторыми примерами, но существенные соображения заставляют от них отказаться: а) взаимозамены *-t*, *-d*, *-z* встречаются только в конечном положении, но не отмечаются в начале или середине слова; б) в рукописях возможно смешение *-z* с *-t*, но менее вероятна регулярная контаминация *-z* с *-&*, *-d*, *-th*; в) можно говорить об ошибке в тех текстах, где более распространены обычные написания, но употребление *-t* во всех 5-х формах «Жениха», «Латино-французских поэм», «Послания св. Стефана» указывают на то, что эти написания вполне осмыслены; г) наконец, число асигматических форм значительно.

Если рассматриваемые написания не ошибочны, то, может быть, они употребляются по условиям фразовой фонетики или являются графическими вариантами, передавая общую флексию.

/-ts/? Пересмотр контекстов позволил отклонить первую догадку, а два соображения заставляют отказаться и от второй: а) преобладание императивов среди форм на -t показывает, что это окончание не случайно, а осмысленно; б) рассматриваемые написания поддерживаются соответствующими употреблениями в других романских языках. В староокситанском асигматической флексии отмечается в целом ряде текстов [9]:

Traduction prv. du IVe Evangile. Ms. British Museum, Harley 2928, XII в., Лимузен;

Sermons du XIIe s. en vieux prv. Ms. Paris, B. N., lat. 3548, XII в., Лимузен;

Daurel et Beton. Ms. Didot, середина XIV в., Верхняя Гаронна и Тари;

Passion prv. du ms. Didot. Та же рукопись;

Le Débat de la Vierge et de la Croix. Та же рукопись;

Girart de Roussillon. Ms. O — Oxford, Bodleian, Canonici misc. 63, XIII в., Италия; Ms. P — Paris, B. N., fr. 2180 (anc. 7991), XIII в., Перигор;

Jaufré. Ms. Paris, B. N., fr. 2164 (anc. 7988), XIV в., окрестности Нима;

Traité prv. de pénitence. Ms. Biblioteca comunale di Todi, № 128, XIV в., Керси;

La Vie de Ste. Enime. Ms. Paris, Bibliothèque de l'Arsenal 6355 (anc. Belles — Lettres fr. 55 A), XIV в., Жеводан;

Bède le Vénérable. Liber scintillarum, traduction prv. Ms. Paris, B. N., fr. 1747 (anc. 7694), XIV в., Дофине.

В современных окситанских диалектах -t встречается как в качестве общей флексии 2 л. мн. ч., так и только в императиве. В ретороманских диалектах -t также употребляется как в виде общей, так и императивной флексии. Общая флексия отмечается в нижнеэнгадинском, где она противопоставлена императивному показателю -Ø; императивная флексия -t в от-

личие от общей /-s/-s/ сохранилась во фриульских говорах. За пределами галлороманских и ретороманских областей формы на -t появляются в Иберии и в небольшом архаическом ареале на юге Италии.

Приведенные выше факты и аргументы позволяют считать, что -t (-&), -d, -th передают особую флексию. В таком случае, каково ее происхождение? Может ли она быть первичной или же она развивается вторично в результате перестройки показателя /-ts/?

Некоторые романисты высказывают догадку, что рассматриваемое образование возникло в результате системной перестройки 5-й формы на /-ts/ [11], но не приводят в подтверждение никаких данных, считая, очевидно, что молчаливого допущения о возможности перестройки 5-й формы по 2-й или 4-й, или по другому образцу вполне достаточно.

Другие предполагают развитие -t из /-ts/ фонетическим пу-

тем в результате утраты сибилянтного придатка в конце слова; этому предположению отыскивают опору в текстах, а потому оно собрало наибольшее число голосов [12]. В самом деле, если 5-т образуется фонетическим путем, то это упрощение должно затрагивать и другие словоформы с /-ts/ в исходе; так оно и происходит во многих текстах. Но предположение о фонетическом упрощении наталкивается на ряд трудностей, которые можно преодолеть только за счет достаточно сильных дополнительных допущений: а) как объяснить встречающиеся в текстах взаимозамены -t, -d, -th, -z [13]? б) кроме 2 л. мн. ч., замены имеют место в именных формах, а стало быть, речь может идти не о фонетическом развитии, а об ослаблении падежной флексии, которое вместе с сохранением 5-т создает впечатление фонетического развития; в) если имело место развитие /-ts>-t/, то как объяснить сохранение оппозиции «общая флексия /-ts/-s/ ~ императивная флексия /-t/» (Орийак, Юсту, Беарн)?

Эти трудности ограничивают второе предположение и повышают вероятность третьего, в соответствии с которым флексия -t является рефлексом латино-романского /-te/ [14]. Основной довод в пользу этого предположения — распространение показателя -t в ряде романских диалектов в качестве как императивного, так и общего показателя. Кроме того, асигматическая флексия хорошо вписывается в предполагаемую историю романских окончаний 2 л. мн. ч.

Исследование достаточно полного романского материала показывает, что первоначально в общероманском существовало противопоставление общей флексии /-tes/ и императивной /-te/, которое сохранилось в Сардинии, южной Лукании — северной Калабрии, а также, может быть, в Иберии, в отдельных окситанских говорах и во фриульском. К I в. н. э. произошло распространение общей флексии на парадигму императива; противопоставление ослабло и приняло вид /-tes/ ~ /-te(s)/. Возникли предпосылки для обобщения флексии 5-й формы, что и произошло в большинстве романских языков.

На западе Романии в результате озвончения интервокальных противопоставление приняло вид /-des/ ~ /-de(s)/. В Галлоромании после падения заударных с VIII в. образовалось соотношение /-ts/ ~ /-t(s)/, которое получало различное развитие в разных областях: а) эволюция во взаимозаменяемые варианты /-ts/-t/ с преобладанием первого в старофранцузском и староокситанском; б) обобщение одного из вариантов: /-t/ в современных южных, юго-западных и некоторых других окситанских говорах; /-ts>-u/ в старокаталанском, /-ts>-s/ во французском и окситанском; в) сохранение противопоставления общей флексии императиву: /-s/ ~ /-t/ в современных окситанских говорах Орийака, Юсту, Беарна, /-s/-s/ ~ /-t/ во фриульском, /-s/ ~ /-Ø/ в сельвском и верхнеэнгадинском, /-t/ ~ /-Ø/ в нижнеэнгадинском.

Закономерности развития старофранцузского консонантизма позволяют предварительно предположить, что написания *-t*, *(-&)*, *-d*, *-th* передавали зубной или межзубный варианты фонемы */-t/*, а возможно и сохранялись некоторое время после его утраты. Полное исчезновение асигматических форм во французском, в отличие от окситанского, произошло, вероятно, из-за морфологической неясности и совпадения с формами пассивного причастия, а в написании и с формами 3 л. ед. ч.

Итоги: а) независимо от того, насколько убедительны сделанные нами выводы, романисту необходимо считаться с существованием в старофранцузский период флексии 2 л. мн. ч., передаваемой в написаниях *-t* *(-&)*, *-d*, *-th* и соответствующей окситанскому показателю */-t/*, а сама флексия заслуживает упоминания в пособиях по истории французского языка; б) предварительно можно утверждать, что написания не являются ни результатом описки, ни графическими разновидностями обще-распространенной флексии */-ts/*, а обозначают самостоятельный показатель */-t/* с возможными вариантами фонетической реализации; в) наши предположения о распространении этого показателя (юг, юго-запад, восток Франции, Англия, X—XIV вв.) и его происхождении (рефлекс общероманского */-te/*) требуют уточнения, которое возможно на основе обследования более широкого круга старофранцузских текстов и путем дальнейшего изучения флексии в романской перспективе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Hofmann C.* Über zwei altromanische Denkmäler des X. Jahrhunderts.— In: *Gelehrte Anzeigen der k. bayer. Akademie der Wissenschaften. Bulletins der drei Klassen*, 1855, Bd. 40, № 5—6, S. 42—45.
2. *Cloetta W.* Le Mystère de l'Epoux.— In: *Romania*, XXII, 1893, p. 177—229.
3. *Behrens A.* Die Endung der 2. Pers. Pl. des altfranzösischen Verbums. Diss. Greifswald, 1890.
4. *Myer-Lübke W.* Grammatik der romanischen Sprachen. Leipzig, 1890—1902, Bd. 11, S. 177, 192; Historische Grammatik der französischen Sprache. Heidelberg, 1934, S. 217—220.
5. *Nyrop K.* Grammaire historique de la langue française. Copenhague, 1899—1930, Vol. II, p. 119.
6. *Шишмарев В. Ф.* Историческая морфология французского языка. М.; Л., 1952, с. 162.
7. *Poerck G. de.* Les plus anciens textes de la langue française comme témoins de l'époque.— In: *Revue de Linguistique Române*, XXVII, 1963, № 105—106, p. 24—26.
8. *Moignet G.* Grammaire de l'ancien français. Paris, 1973¹; 1976², p. 62.
9. Для каждого текста указывается время и место переписки рукописей, содержащих асигматические формы; такие данные относительно оригиналов не приводятся.
10. *Busch E.* Laut- und Formenlehre der anglonorm. Sprache des XIV. Jahrhunderts. Diss. Greifswald, 1887, S. 61, 63.
11. *Ulrich J.* Die S-lose Form der 1. Pluralis.— In: *Zeitschrift für romanische Philologie*, XIX, 1898, S. 463—465; *Ronjat J.* Grammaire historique des parlers provençaux modernes. Montpellier, 1930—1937, Vol. III, p. 158—159, 168—169; *Rohlf G.* Le Gascon. Paris, 1935¹; 1970², p. 213; *Poerck G. de.* Loc. cit.

12. *Avalle D'A. S. Cultura e lingua francese delle origini nella «Passion» di Clermont-Ferrand. Milano; Napoli, 1962, p. 73—74; Drama delle vergini prudenti e delle vergini stolti. Milano; Napoli, 1965, p. 28, 59—60.*

13. Может быть, имеет место иное фонетическое явление, а именно нейтрализация конечных (-t, -d, -ts, -dz, [†]-t, [†]-d) и их совпадение в звуке типа [t^g/d^g], т. е. в зубном с сибилянтным признаком. Для уточнения этого вопроса требуется дополнительное изучение конечных с учетом истории системы склонения, 5-й, 3-й и 6-й глагольных форм.

14. Сохранение императивного /-te/ с последующим распространением на другие парадигмы в старофранцузском допускал А. Беренс, в окситанском и ретороманском под влиянием 4-й асигматической формы предполагал В. Мейер-Любке и в окситанском среди прочих возможностей не отрицал Ж. Ронжа; см.: *Behrens A. Op. cit., S. 47; Meyer-Lübke W. Grammatik..., Bd. II, S. 177; Ronjat J. Op. cit., p. 168—169.*

В. А. Якимов
(Пермь)

ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИКО-СИСТЕМНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЛОВАРНОГО ГНЕЗДА

Семантический анализ лексических единиц, образующих определенную лексико-семантическую группу (ЛСГ), представляет собой актуальную задачу современной лингвистики и, в частности, исторической лексикологии и семасиологии. Предметом настоящего исследования является группа существительных с основой на ог-, входивших в ЛСГ «берег» старофранцузского языка.

Обращение к письменным памятникам старо- и средненефранцузского языка, этимологическим и историческим словарям показывает, что одним из источников географической лексики старофранцузского языка является латынь. В классической латыни было три слова (*litus, ога, гира*), которые в своей смысловой структуре имели значение «берег» и были поэтому частичными синонимами. Все три существительных в разные периоды вошли в лексику французского языка.

В старофранцузский период мы находим только два бывших латинских существительных в новой форме: ог (оге, огé и др.) и *rive*. Если *rive* в значении «берег» было широко известно в старофранцузском, то производные от ога в этом же значении не получили большого распространения. По-видимому, это связано с тем, что значение «берег» — не основное у латинского этимона — оставалось таковым и в старофранцузский период и что бытовало уже несколько слов с этим значением, а потому производные от ога могли испытывать давление системы. Кроме того, всему ряду производных от ога была свойственна необычайно богатая и разнообразная этимологическая омонимия. Закон Шпербера и закон «иррадиации синонимов», чрезвычайно характерные для старофранцузского языка, оказались не в состоянии противостоять и давлению омогруппы. В результате производные от ога в значении «берег» впоследствии полностью утратили это значение в литературном языке и, следовательно,

совершенно неизвестны в современном. В то же время они продолжают жить в романском ареале; например, в современном испанском встречается форма *orilla*.

Из весьма многочисленной группы производных от *ога* мы рассмотрим только три деривата *ог*, *оге*, *огé*, которые в старофранцузском языке имели значение «берег».

Or. Слово *ог* (1160 г., по данным словаря Гремаса) в значении «край, бок» с многочисленными графическими и фонетическими вариантами *оиг*, *иг*, *иег*, *оег*, *еиг* восходит к народно-латинскому *огит*, которое, в свою очередь, образовалось из классического латинского *ога*. В отличие от других производных форм *ог* образовалась, по-видимому, по аналогии со словами, имевшими в народной латыни окончание *-и(m)*; ср. латинское *augi(m)*, давшее в старофранцузском *ог* «золото». Анализ материала словарей старофранцузского языка показывает, что этимологическое значение «край, бок» в семантической структуре слова *ог* было весьма широким и, вероятно, основным. Обращение к контекстам подтверждает предположение:

Ele le fier^t par grant vertu
desor la bocle de l'escu,
d'or en autre li a brisié
l'alberg tresli et desmaillié (Enéas, 7113).

В этом примере, как и в большинстве других, значение «край, кромка» реализуется при помощи ключевого слова *escu* (в других примерах — *targe*) «щит». Слово *ог* встречается и в сочетании с *fossé* «ров»: *l'or del fossé* (Enéas, 8837). На русский язык такая синтагма переводится как «край рва».

Если словари не отмечают значения «берег» у слова *ог*, то единичные примеры из памятников свидетельствуют о том, что это значение все же было известно в старофранцузском языке; ср.: *il est venus tot droit sor l'eur d'une riviere* (Tobler — Lommatszs). Здесь указательным минимумом, достаточным для разграничения и реализации значения «берег», является ключевое слово *riviere* (метафорический перенос).

Итак, анализ материала старофранцузских памятников позволяет сделать вывод, что слово *ог* в исследуемый период было двузначным. Его смысловая структура состояла из собственного значения «край, кромка» в качестве основного и производного, неосновного значения «берег реки». Слово было весьма широко известно только в первом значении. В исследуемой ЛСГ оно выступало частичным синонимом по отношению к другим словам в значении «берег».

Анализ словарей и памятников старофранцузского языка показывает, что в семантическую амплитуду колебания (термин Н. И. Толстого) лексемы *ог*, кроме уже вышеназванных семем «край» и «берег», входили также этимологические омонимы: существительные «золото» и «время, час», наречие «теперь», союз «итак». Какова же основная причина их появления в омо-

группе данной лексемы? По мнению С. Ульмана, особенно большой омонимией могут обладать немногосложные лексемы [1]. Лексема *ог*, так же как *оге*, *огé* и их варианты, немногосложна; именно отсюда ее семантическая перегруженность в старофранцузском языке. В дальнейшем давление некоторых семем оказалось настолько сильным (об этом свидетельствуют многочисленные примеры их употребления в старофранцузских памятниках), что они сохранились в семантической амплитуде лексемы *ог* и в современном языке. К ним относятся омонимы *ог*: существительное «золото» и союз «итак».

Ore. Слово *оге* (около 1180 г., по данным словаря Вартбурга) восходит к латинскому *ога* «край», «берег». Что касается конечного *-е*, то оно закономерно, поскольку латинское конечное *-а* давало обычно в старофранцузском *-е*; ср. латинское *has нога* и старофранцузское *оге*. Как и *ог*, слово *оге* имело значения «край» и «берег», причем основным, исходя из этимологии, было первое. Реализацию данного значения мы находим в памятниках:

Li vait doner par mi l'escu,

Que d'*ore* en autre l'a fenu (Benoit, Troie, 14004).

Ключевым словом, служащим для разграничения и актуализации значения «край», вновь выступает слово *escu* «щит».

Если слово *ог* («край») употреблялось в памятниках старофранцузского языка весьма широко, то слово *оге* в том же значении не получило большого распространения. Материалы словарей показывают, что оно имело также и значение «берег моря»; ср.:

L'os...se loja joste l'aigue tout selonc la falise.

Cel jor ne venta pas ne galerne ne bise;

De l'ardor dou soleil fu toute l'*ore* esprise

(Tobler — Lominatzsch; Godefroy).

Реализация значения «берег» подтверждается ключевым словом *l'aigue* («вода»), которое здесь может толковаться как «водное пространство», и тем, что в данном контексте *оге* выступает как синоним по отношению к слову *falise* («крутой обрывистый берег»), вследствие синтагматических условий своего употребления. Кроме того, слово *тег*, стоящее в широком контексте, показывает, что речь идет о морском побережье. Отсутствие большого количества примеров реализации значения «берег моря» свидетельствует о том, что оно имело ограниченное употребление в старофранцузском языке.

Таким образом, семантическая структура *оге* в старофранцузском состояла из основного значения «край, кромка» и неосновного, производного «берег моря». Слово *оге* являлось частичным синонимом по отношению к другим членам ЛСГ, которые в своей семантической структуре имели значение «берег моря».

Обращение к следующему периоду эволюции данного слова

показывает, что впоследствии оно, как и ог, постепенно утратилось и в основном, и в неосновном значениях, т. е. выпало из ЛСГ «край» и ЛСГ «берег». Главная причина, по-видимому, давление систем ЛСГ. Если группа «берег» была невелика, то группа «край» в старофранцузском языке насчитывала очень большое число членов. Достаточно сказать, что только производные от латинского ога образовывали целый ряд лексических единиц, среди которых огée, огierc, огie, огaille, огел, огет. Другой причиной исчезновения оге из ЛСГ «берег» и ЛСГ «край» является давление системы омогруппы. Исследование показывает, что в старофранцузском языке в омогруппу лексемы оге входили значения «час, время»; «ветер»; «теперь» (наречие); «итак» (союз). Из всей семантической амплитуды лексемы оге в современном языке сохранилось только значение «час», закрепленное за одним из вариантов лексемы оге — heuge. В значении «ветер» оге утратилось из языка, а понятие «ветер» закрепилось за другими членами соответствующей ЛСГ [2]. В старофранцузском в указанную группу входили слова оге, огé, огée, tempeste, orage, огine, fortune и др. Функцию наречия «теперь», утраченную в современном языке, в старофранцузский период выполняли формы ог и оге, а функция союза была закреплена только за формой ог.

Итак, слово оге, бытовавшее в старофранцузском языке, прожило короткую жизнь и в дальнейшем исчезло из словарного состава, но, как заметил Б. А. Ларин, «слова с хронологически ограниченной историей представляют большой интерес», так как они «сигнализируют какие-то пороги, перепады в истории словарного состава. Собрать больше материала такого рода — и появится возможность ближе характеризовать и установить эти перепады» [3].

Oré. В старофранцузском это слово выступало в значениях «край» и «берег реки»; оно впервые засвидетельствовано в памятниках XIII в. Происхождение формы не вполне ясно. По-видимому, в народной латыни существовала еще какая-то промежуточная форма. Анализ памятников показывает, что огé имело смысловую структуру, сходную с семантикой ранее описанного ог, но в отличие от него не получило большого распространения ни в основном, ни во вторичном значении. Позднее огé выпало из словарного состава. Одной из причин его исчезновения является, вероятно, наличие этимологического омонима в значении «ветер, гроза, буря», который употреблялся весьма широко. Важную роль в выпадении огé из ЛСГ «берег» сыграла и сама система ЛСГ. Давление ее членов было, видимо, настолько существенным, что не могло не отразиться на роли и месте огé, как и в случае с ог и оге. Есть, наверное, какая-то закономерность, противоположная действию закона иррадиации синонимов, которую можно сформулировать следующим образом: выпадение из синонимической группы или

ряда дублетов какого-либо члена или отдельного значения может привести к выпадению и других членов или отдельных значений этой группы из лексико-семантической системы языка. Таким образом, даже так называемая «обратная картина» развития лексики, т. е. сигнал какого-либо изменения в истории словарного состава, свидетельствует о системности лексики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ullmann St.* *Précis de sémantique française.* Bern, 1975, p. 220.
2. *Alleyne M.* *Les noms des vents en gallo-romain.* — In: *Revue de linguistique romane.* Paris, 1961, № 97—98, p. 75—136; № 99—100, p. 391—445.
3. *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 21.

М. П. Мещерякова

(Свердловск)

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ ТИПА «ГЛАГОЛ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В течение последних десятилетий проблемы фразеологии вообще и английской фразеологии в частности привлекают внимание советских лингвистов. Ими рассматривались различные аспекты теории фразеологии: структурно-семантические особенности, проблемы классификации, стилистическое своеобразие, вопросы синонимии и антонимии.

Проблема образования фразеологических единиц в литературе исследована недостаточно. Вопрос об образовании фразеологических единиц, несомненно, важен и актуален, так как его решение неразрывно связано с разработкой и определением границ между свободным словосочетанием и фразеологическими единицами, а также с семантическим развитием слов, входящих в состав того или иного выражения. Самой значительной работой в этом плане, на наш взгляд, является статья Н. Н. Амосовой, где отмечается, что «фразеологическая единица никогда не возникает сразу, в первый же момент создания и употребления ее материального состава; она всегда — результат постепенного становления» [1]. Выводы Н. Н. Амосовой совершенно верны: действительно, особенно трудно определить тот хронологический момент, когда исходное словосочетание переходит в новое, фразеологическое качество.

Чтобы глубже понять природу того или иного фразеологизма, необходимо проследить историю его развития, процесс становления фразеологизма как единицы языка. Тогда станут зрины те невидимые нити, которые связывают все сочетание в единую неразложимую лексико-грамматическую единицу. Среди

источников происхождения фразеологических единиц можно назвать разные отрасли хозяйственной и культурной жизни того или иного народа, произведения художественной литературы, калькирование иноязычных идиом и др.

Изучение литературы прошлых веков возродило не только много слов, считавшихся устаревшими, но и много полузабытых фразеологических оборотов и конструкций. Именно в XIX столетии вошли в повседневный обиход шекспировские выражения. Романы В. Скотта познакомили нас со многими шотландскими поговорками. Из Америки с ее лингвистической свободой пришло много новых колоритных идиом. В целом фразеологизм в английском языке — это создание народа, проявление его мудрости, лингвистического чутья. Во многих фразеологизмах отражаются традиции, обычаи и поверья англичан, факты английской истории, различные реалии.

Говоря о возникновении устойчивых словосочетаний, следует дифференцировать отдельные структурные и семантические их разновидности. Пути образования устойчивых словосочетаний тесно сплетены с закономерностями грамматического строя, с характером синтаксической связи между членами словосочетания и свойствами тех частей речи, которые объединяются между собой.

Превращение свободного словосочетания в устойчивую единицу происходит одновременно с изменением средств выражения синтаксической связи глагола-сказуемого и дополнения. Намечаются два основных пути, по которым может идти эволюция словосочетания: грамматизация — превращение словосочетания в аналитическую конструкцию и лексикализация — превращение словосочетания во фразеологическую единицу. Но эти изменения не являются просто изменениями внутри словосочетания, затрагивающими только данную синтаксическую единицу. В результате названных процессов происходит переразложение предложения. Вместо словосочетаний, состоящих из двух членов предложения, при лексикализации и грамматизации на их основе возникает один член предложения, выраженный фразеологической единицей или аналитической конструкцией.

Остановимся на лингвистических путях становления устойчивых словосочетаний типа «глагол+существительное».

Первые устойчивые словосочетания с глаголом to take с. а. taken обнаружены в памятниках среднеанглийского периода, поскольку сам глагол to take появился в английском языке в результате заимствования из скандинавских говоров и зафиксирован в 1054 году. В языке древнеанглийского периода функции глагола taken выполнял английский глагол *pītan*, который имел развитую смысловую структуру. Одним из основных значений этого глагола было значение «брать», которое реализовалось в конструкции с последующим прямым дополнением.

В качестве дополнения-объекта выступали конкретные существительные, такие как *sweord*, *wæron*, *helm*, *stan* и др. Круг сочетавшихся с глаголом *pītan* существительных, составлявших семантический контекст его значения «брать», определялся только реальными или логическими отношениями. Все предметные существительные, с которыми сочетался глагол *pītan*, выступали в качестве прямого объекта к нему и не меняли основы понятия, выражаемого глаголом *pītan*, образуя вместе с ним переменные словосочетания.

В ранних письменных памятниках встречаются примеры употребления глагола *pītan* с существительными, значения которых исключали для них возможность выступать в функции прямого объекта,— *andan*, *graman*, *unlead*. Эти существительные выполняли иную функцию, чем существительные *sweord*, *helm* и др. Они конкретизировали понятие, выражаемое глаголом *pītan*, и тяготели к единству с ним.

В сочетании с подобными существительными глагол *pītan* приобретал абстрактное значение, и это способствовало появлению устойчивости у образуемых сочетаний. В некоторых случаях наблюдалось варьирование глагольного или именного компонента при сохранении значения всего словосочетания. Морфологическим изменениям подвергался, как правило, только глагольный компонент. Порядок следования компонентов в древнеанглийский период был нефиксированным и зависел от общей структурной организации, однако уже тогда контактное положение компонентов превалировало над дистантным.

Памятники среднеанглийского периода, по сравнению с древнеанглийским, дают более обширный материал как по количеству рукописей, так и по разнообразию жанров произведений. Хотя в них мы находим ряд черт, которые были характерны для языка древнеанглийского периода, в целом определенные изменения и новые тенденции демонстрируют более высокий этап в развитии системы языка вообще и устойчивых словосочетаний в частности.

Большинство словосочетаний с глаголом *pītan*, употреблявшихся в языке памятников древнеанглийского периода, получило развитие в средний период (*pītan wey*, *pītan ræd*, *pītan bisne*, *pītan fleme*, *pītan unlæd*). На протяжении среднеанглийского периода глагол *pītan* постепенно вытеснялся глаголом *taken* из всех этих словосочетаний.

В сочетаниях *pītan ræd*, *pītan bisne*, *pītan unlæd* произошла замена именных компонентов заимствованными из французского языка существительными *conseil*, *ensample*, *cours*.

В среднеанглийский период количество устойчивых словосочетаний возрастает. Хотя глагол *taken* занял господствующее положение, отмечаются случаи параллельного употребления глагола *pītan* в некоторых исследуемых словосочетаниях. В письменных памятниках XII—XIII вв. впервые зафиксиро-

ваны следующие словосочетания: *taken (niman) leve*, *niman zelcafan*, *niman se*.

В XIV веке расширяется диапазон сочетаемости глагола *taken* как с исконными существительными, так и с существительными, заимствованными из французского языка. В качестве устойчивых словосочетаний в этот период начинают употребляться *taken hede*, *taken root*, *taken ground*, *taken comfort*, *taken air*, *taken labor*, *taken charge*.

Наряду с формированием новых устойчивых словосочетаний, в языке среднего периода происходит и обратный процесс — исчезновение части словосочетаний, бытовавших в древнеанглийский период. Утрата словосочетаний происходила в одних случаях в связи с выходом из употребления составляющих их лексем (*niman zelcafan*, *niman grīð*), а в других — с исчезновением соответствующего значения производящей основы субстантивного компонента или самой основы (*taken zeime*, *taken ker*).

К концу среднеанглийского периода отмечается закрепление и строгая фиксация лексического состава части словосочетаний (*taken flyht*, *taken ensample*, *taken corage*). Основные компоненты подавляющего большинства словосочетаний не подвергались варьированию, и только в двух словосочетаниях *taken comfort — do comfort* и *taken pein — do pein*) отмечена варианность глагольного компонента.

Именные компоненты в исследуемых словосочетаниях употреблялись, как правило, в фиксированной форме числа, чаще всего единственного. Но в словосочетаниях *taken (niman) wey* и *taken cours* возможно было употребление существительного в форме как единственного, так и множественного числа. В данном случае можно констатировать факт зависимости морфологических изменений от внешних семантико-синтаксических связей словосочетаний, которые стремятся к согласованию с подлежащим в категории числа.

Вклинивание слов, относящихся к структуре, было распространенным явлением и чаще всего наблюдалось в словосочетаниях, имевших в своем составе определенный и неопределенный артикли.

Общеязыковая тенденция к установлению твердого порядка слов в предложении сказалась на синтаксической организации исследуемых словосочетаний, и в них к концу среднеанглийского периода постпозитивная постановка субстантивного компонента превалировала над его препозитивным положением. Но в некоторых словосочетаниях (*taken lēve*, *taken wey*, *taken conseil*, *taken pein* и др.) порядок следования компонентов не стабилизировался. Глагол *ziefan*, как и глагол *niman*, имел тенденцию к образованию не только переменных словосочетаний, основанных на предметно-логических связях слов, входящих в них, но и словосочетаний, лишенных подобных связей, т. е. устойчивых

словосочетаний. Устойчивость их поддерживалась абстрагированным значением глагольного компонента. Наиболее распространенными устойчивыми словосочетаниями с глаголом *ziefan* в древнеанглийский период были следующие: *ziefan ende*, *ziefan blæd*, *ziefan and swaru*, *ziefan herespēd*. Они отличались устойчивостью употребления в одном и том же составе в разных памятниках.

В результате взаимодействия глаголов *ziefan* и *sellan* и утраты глаголом *sellan* значения «давать» часть существительных, сочетавшихся с этим глаголом, вступила в семантические связи с глаголом *ziefan* (*bisne*, *leve*). Некоторые словосочетания с глаголом *ziefan*, бытовавшие в языке древнеанглийского периода, исчезли к началу XII века (*ziefan blæd*, *ziefan herespēd*, *ziefan symbel*). Причины их исчезновения можно усмотреть в архаизации существительных *blæd*, *herespēd*, *symbel*.

В процессе развития словосочетаний в среднеанглийский период происходит вытеснение субстантивных компонентов в словосочетаниях *ziven bisne*, *ziven ræd* заимствованными из французского языка существительными *ensample* и *conseil*. Аналогичный процесс происходит в словосочетаниях, состоящих из глагола *taken* с названными существительными. Заимствование французских существительных способствовало количественному росту устойчивых словосочетаний с глаголом *ziven*. Среди вновь образованных словосочетаний наиболее употребительными в средний период были *ziven comfort*, *ziven bataile*, *ziven rein*, *ziven ordre*, *ziven occasion*.

Лексический состав большинства словосочетаний стабилизировался к концу среднеанглийского периода. В отличие от словосочетаний, образованных глаголом *taken*, в словосочетаниях с глаголом *ziven* употребление детерминантов перед субстантивным компонентом было редким явлением; вклинивание дополнительных слов, не принадлежащих структуре, наблюдалось во многих словосочетаниях. Субстантивные компоненты словосочетаний не подвергались морфологическим изменениям. Взаиморасположение сочетающихся слов было не всегда фиксированным; возможны были случаи пассивной конструкции (в словосочетаниях *ziven conseil* и *ziven comfort*).

Отмечены случаи, когда слово в конкретном значении в процессе развития приобретает абстрактное значение, тогда в сочетании с глаголом оно может образовать фразеологическую единицу. Например: *I made my way ... into Rome* (N.E.D. Way, 1400). Такое сочетание, отличающееся тесной семантической спаянностью компонентов, стало возможным благодаря приобретению словом *way* абстрактного значения «путь». По данным New English Dictionary, слово отмечается в древнеанглийских памятниках с X века в значении «дорога», «улица», «тропа». Начиная с XIII века *way* встречается в значении «место» или «проход через толпу», с XIV века — в значении «путь», «дорога».

га». Например: *And with that word we ride forth our weye; and he began with right a mery chere. His tale anon, and seyde in this manere* (Chaucer. C. Tales). В таком значении с *make* и образовался фразеологизм *to make way*. В новоанглийском языке сочетание *make way* также сохраняет значение «направляться». Например: *Lanny crushed out his cigarette, turned and slowly made his way down to the solitary fire of Stilleveld* (Abrahams P. *The Path of Thunder*, p. 34).

У словосочетаний *to take one's way*, *to take the plunge*, *to take the floor* появляются переносные значения. Это дает основание считать, что они перешли в разряд фразеологических единиц. Происходит расширение смыслового объема словосочетаний *to take effect* и *to take office*; в словосочетаниях *to take care* и *to take a turn* развивается многозначность в результате существующей многозначности субстантивных компонентов.

Итак, в процессе исторического развития языка отношения внутри словосочетания могут изменяться. Источником этих преобразований являются процессы, происходящие в пределах словосочетаний.

Ослабление логико-семантической функции синтаксических отношений между компонентами словосочетаний способствует приобретению словосочетаниями синтаксической нерасчлененности. Основным семантическим процессом было расширение смыслового объема словосочетаний в результате: а) существующей многозначности субстантивного компонента, б) приобретения субстантивным компонентом нового значения, в) пересмыслиния всего словосочетания.

Изменение синтаксической роли членов предложения в связи с их вхождением в постоянные словосочетания приводит не только к изменению структуры словосочетания и его внутреннего членения, но и к изменению синтаксической структуры всего предложения в целом. «Исторический подход к структуре словосочетания дает возможность не только ограничить фразеологические единицы от свободных синтаксических единиц и, таким образом, разграничить области синтаксиса и фразеологии, но и объяснить изменения, происходящие в структуре предложения и его членов, тесно связанные с историей словосочетания в данном языке. Чем менее словосочетание оказывается свободным, тем более оно удаляется из сферы синтаксиса и приближается к сфере лексики. Граница этого движения — идиома, которая оказывается уже полностью в области лексики, точнее — в области фразеологии» [2]. Поэтому исторически такие единицы современного английского языка, как *to take part*, *to take care* в начальный период своего развития входят в область синтаксиса, а на современном этапе развития языка принадлежат к области фразеологии.

Рассмотрев сдвиги в строении словосочетания в непосредственной связи с развитием строя предложения, считаем, что из-

менение системных отношений и превращение свободного словосочетания в устойчивую фразеологическую единицу зависит от синтаксической связи глагола и дополнения. В этом мы видим системное соотношение двух уровней языковых единиц: уровня предложения и уровня словосочетания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Амосова Н. Н. О диахроническом анализе фразеологических единиц.— В кн.: Исследования по английской филологии. Л., 1965.
2. Мещерякова М. П. Устойчивые словосочетания типа *to give a laugh* и их этимологическая характеристика.— В кн.: Фразеологическая система немецкого и английского языков. Челябинск, 1979.

О. Г. Путырская

(Свердловск)

ПОНЯТИЕ СУППЛЕТИВИЗМА НА УРОВНЯХ ГРАММАТИКИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

(на материале современного французского языка)

Системный подход к изучению словообразования предполагает рассмотрение лексических единиц как элементов словообразовательных рядов и гнезд, в пределах которых существует вполне определенная связь формы и содержания.

Система словообразования обладает центром и периферией. В центре все закономерности словообразования данного языка (как фономорфологические, так и семантические) проявляются с наибольшей регулярностью. В значительной мере это относится к фономорфологическому облику производящих основ. Вблизи центра системы фономорфологические изменения основ носят регулярный характер, относительно частотны. Закономерности проявляются с меньшей регулярностью по мере перехода к периферии системы словообразования. На периферии многие фономорфологические изменения основ уникальны. Здесь существуют словообразовательные ряды, содержащие связанные корни и основы. Звуковая и графическая вариативность основ настолько значительна, что само отождествление основ и корней и объединение их в ряды затруднено. Например, в ряду *recevoir*, *receveur*, *recevable*, *récepteur*, *réceptif*, *réceptacle*, *réception*, *récipient* во всех равнопроизводных представлен формально варьирующий связанный корень с графическими и фонетическими вариантами: *récept* — [resɛpt], [resɛps], *recev* — [resɛv], *récip* — [resip].

В подобных случаях отождествление словообразующих морф базируется на понятии о словообразовательной вариативности. Понятие вариативности, определение ее видов представляется очень важным для синхронного словообразования, так как оно позволяет классифицировать словообразующие основы, объединить их в ряды, выявить семантические связи между

членами рядов. В данной работе под вариативностью понимается изменчивость формы словообразующих единиц при сохранении тождества их словообразовательного значения.

Формальная вариативность основ имеет двоякие последствия для словообразовательных рядов. Она ведет, во-первых, к образованию алломорфов словообразующих морфем, а во-вторых, к возникновению словообразовательных супплетивов. Алломорфы словообразующих морфем современного французского языка представляют собой малоизученную область в теории словообразования. Еще менее изучены словообразовательные супплетивы, их природа и условия существования.

Варьирование основ проявляется в виде следующих фономорфологических изменений: звуковые изменения на границе основы и префикса или в абсолютном начале слова; звуковые изменения на границе основы и суффикса; звуковые изменения внутри основы; комбинированные изменения (внутри основы и суффикса). Французскому языку в большей степени свойственны чередования гласных в середине основы и согласных на границе основы и суффикса. В результате сопоставления в парах производящее/производное или в равнопроизводных выясняется наличие чередований гласных и согласных регулярного и нерегулярного характера.

Регулярные чередования имеют следующие особенности: а) повторяемость в аналогичных условиях, принимающая характер закономерности; б) тождество значения варьирующих форм и возникновение неэтиологической рефлексии на варьирующие формы. (Семантическая связь между алломорфами варьирующей основы, как правило, прямая.)

Характерной чертой регулярных чередований является сохранение одной группы, либо консонантной, либо вокальной, в неизменном виде при варьировании другой. К наиболее регулярным чередованиям гласных можно отнести чередования [ə — ε]: *braise* — *embraser*, *bas* — *baisser*, *salaire* — *salariat*, *adversaire* — *adversatif*. Довольно частотны чередования вокальной группы с единичной гласной: [ai — ε], [e — ae]: *hair* — *haine*, *traître* — *trahir*, *ébahir* — *bé,e air* — *aéger*. Такие чередования немногочисленны, однако лексические единицы, в которых они встречаются, весьма частотны. Некоторые из членов названных словообразовательных пар имеют свои производные: *hair* — *haïssable*, *haine* — *haineux*, *haineusement*, *trahir* — *trahison*.

Сочетание [wa] в производных, как правило, переходит в гласный, однако выявить какую-либо закономерность чередования с определенным звуком не удается — языковые примеры многообразны. Происходит не только чередование [wa] с гласным. Основа осложняется еще и согласным: *loi* — *légal*, [lwa — leg], *trois* — *tripler*, [trwa — triple], *adroit* — *adresse* [adrw — adres]. Редки случаи, когда согласный к основе не прибавляется:

foire — forrain, memoire, memorial. Низкая частотность фонетического преобразования в производных позволяет сделать вывод о его неустойчивости и тенденции к распаду. В производных сочетание [je] переходит в гласный: *ciel* — *céleste*, *pied* — *rédestre*, *papier* — *paperasse*. В этом случае основа осложняется согласным. Как правило, чередуются [oe — ɔ], [oe — u]: *peuple* — *populaire*, *preuve* — *prouver*, *seul* — *solitaire*, *poeud* — *pouer*. В современном французском языке нерегулярные чередования гласных немногочисленны. Среди них можно назвать [a — i]: *apparaitre* — *apparition*. Этот словообразовательный ряд содержит много производных, но вне ряда чередования встречаются редко. Реликтовыми можно считать чередования [ə — i], [ɔ — u], [i — e], [ə — e]: (s') *abstenir* — *abstinence*, *homme* — *humain*, *pier* — *négation*, *secour* — *sécurité*.

Периферии системы словообразования свойственно осложнение основы в производных. Основа может осложняться как согласным *gérer* — *gestion*, так и гласным. «Разбиваются» консонантные группы: -ble, -gle, -bre, -dre, -tre: *angle* — *angulaire*, *règle* — *régulier*, *table* — *tabulaire*, *arbre* — *arborisation*, *ordre* — *ordonner*, *titre* — *titulaire*. При нерегулярном чередовании [u — y] основы также осложняются: *poumon* — *pulmonaire*, *couvable* — *culpabilite*. На периферии системы словообразования основы осложняются и без чередования гласных *fête* — *festin*, *été* — *estival*, *bâtir* — *bastion*. Наблюдается удлинение основ *temps* — *temporel*, *herbe* — *herbacé*. Группы [iʒ, ɛdʁ, ɥi, wɛdʁ] осложняются, и основы принимают вид: [ikt, ykt, oks, akt]: *rédiger* — *rédaction*, *affliger* — *affliction*, *restreindre* — *restriction*, *réduire* — *réduction*, *joindre* — *junction*. Таким образом, основы осложняются и качественно и количественно. В историческом словообразовании подобные случаи относят к этимологическим дублетам, в синхронии возможно их объединение в словообразовательные ряды с варьирующими основами.

Чередования согласных происходят, как правило, на границе основы и суффикса. Регулярны чередования [kt — ks]: *tracteur* — *traction*, *fictif* — *fiction*, *défectif* — *défection*, *facteur* — *faction*, *rotation* — *rotatif*, *ve*. Позиционные чередования не выражены графически. Однако словообразование реализуется в речи, и фонетический облик основы немаловажен. Регулярны чередования [g — k, ʁ — s, k — s]: *obliger* — *obligation*, *lire* — *lisible*, *bacalaureat* — *bachelier*, *cohéger* — *cohésion*, *sac* — *sachet*. Менее частотны чередования [k — s, d — s]: *vincre* — *invincible*. Единичными можно считать чередования *poule* — *poussin*, *abréger* — *abréviation*.

Нерегулярные варьирующие основы любого типа, чаще вокального, обнаруживают одновременные изменения обеих групп: и консонантной, и вокальной. В этих случаях возможны следующие явления:

1. Оба изменения регулярны. Например, (*se*) *taire* — *tacet*, т. где чередование гласного и чередование согласного регулярны. Такое совпадение редко.

2. Одно из изменений (гласного или согласного) регулярно: *aigu* — *acuité*, *acré* — *aigre*.

3. Оба изменения нерегулярны для синхронного словообразования. При этом возможны различные колебания вариативности, не поддающиеся какой бы то ни было классификации: *humide* — *humecter*, *réfraction* — *réfringence*, *oreille* — *auriculaire*, *mûr* — *maturité*, *lieu* — *localité*, *rouge* — *rubéfier*.

Нерегулярность чередований позволяет считать подобные лексические единицы с варьирующими основами, расположеными на границе между подсистемой варьирующих основ и словообразовательными супплетивами. Следует особо остановиться на понятии словообразовательного супплетива. Под супплетивизмом обычно понимается «различие звуковой материи корней или основ при их лексическом тождестве» [1]. Таков случай *homme* — *gens*, *pl.*, где два слова — разное выражение одного содержания. Этот и ему подобные случаи правомерно считать грамматическими супплетивами.

Совершенно иное явление представляют собой пары *aveugle* — *cécité*, *cheval* — *equestre*. В этом случае формальной связи между лексическими единицами нет. Семантическая связь, напротив, очень тесная и идентична связи любой пары существительное — прилагательное. Здесь, скорее, словообразование, ориентированное на содержание, или лексический супплетивизм. Между супплетивизмом грамматическим и супплетивизмом лексическим есть общая черта — полное различие объединенных в пары форм. Однако семантически это явления принципиально разные.

Определение супплетивизма на уровне словообразования разработано Ю. Д. Апресяном [2]. В свете его определения классические примеры супплетивов *ville* — *urbain*, *frapper* — *coquer* и им подобные находятся в отношении дополнительной дистрибуции к какому-либо смысловому различию.

В современном французском языке одно и то же производящее может иметь одновременно и однокоренной дериват, и супплетивную пару. Например, в ряде *nuire* — *nuisance* — *nuisible* содержится варьирующая основа, а члены ряда находятся в отношениях синтаксической деривации, обозначая действие и признак.

Прилагательное *nocif* также соотносимо с этим словообразовательным рядом. При определении соотношения *nuisance* — *nocif* решение может быть двояким. Если принимать во внимание наличие чередования [н — з — с], которое повторяется относительно регулярно, то можно считать, что *nuis-* и *pos-* [ноз-] — варьирующая основа. Однако чередование [н — з] нерегулярно, и вывести форму *nocif* из *nuis-*, следуя закономер-

ностям морфологии французского языка, невозможно, что вполне удовлетворяет определению супплетивизма.

Nuisance в одинаковой степени соотносится с обоими прилагательными. Словарные определения прилагательных очень схожи. Сочетаемость же их разнится: *climat, temps nuisible à la santé, théories, influences, nocives*. Значение *nuisible* несколько усилено: *nuisible* — *qui nuit, nocif* — *qui peut nuire*. О большей интенсивности значения *nuisible* свидетельствуют и его антонимические связи: *favorable, avantageux, bienfaisant, inoffensif, utile*, — тогда как антонимы — *nocif* — *anodin* — *innocent*. Этот семантический оттенок служит для различия прилагательных и одновременно является условием их параллельного существования в языке. Таким образом, прилагательные находятся в отношении дополнительной дистрибуции к понятию «вредный, вредоносный», что позволяет считать одно из них, а именно *nocif*, супплетивом *nuire*.

Своеобразно соотношение единиц в словообразовательном гнезде *froid, refroidir, frigide, réfrigéger*. Глагол *réfrigéger* скорее соотносится с *froid — refroidir*, чем с прилагательным *frigide*, с которым его объединяет лишь общее понятие «холод». Чертежования [a — wa — ɜ — i] не относятся к регулярным. Соответствие по одному слогу (даже не корню) формально не позволяет отнести искомые слова к содержащим варьирующую основу. Однако слова не выходят из границ одного понятия, обозначая оттенки значения. Это позволяет считать, что *refroidir* — синтаксический дериват *froid*, а *réfrigéger* и *froid* — супплетивы.

В подобных отношениях находятся и лексические единицы *jour, journalier, diurnal, quotidien*. Прилагательные объединены определенным внутрирядовым значением. Конкретные лексические значения разнятся: *Journalier* — *qui se fait chaque jour, diurnal* — *qui se montre le jour*. Таким образом, все прилагательные находятся в дополнительной дистрибуции по отношению к обобщенному значению. *Jour — journalier* можно определить как синтаксические дериваты, а *jour — quotidien* — как супплетивные пары. Аналогичный пример: *espérer, espérance, espoir. Espoir* — *le fait d'espérer, d'attendre avec confiance. Assurance, certitude, confiance, conviction. Espérance — assurance, certitude, confiance, conviction, croyance, aspiration, désir, promesse, attente, illusion*. Значение последнего шире значения предыдущего прилагательного.

Слова не могут быть взаимозаменяемыми в одном контексте. Так, прилагательные лексически дифференцированы и дополняют понятие, которое обычно выражает одно отглагольное существительное. *Espérer — espérance* объединяют отношения синтаксической деривации, *espérer — espoir* близки к супплетивам. На границе между супплетивизмом и вариативностью находятся и *lieu, local, disloquer*. Эти единицы объединены некоторым внутрирядовым значением. Сходство только в одной началь-

ной фонеме не позволяет проследить пути вариативности loc- в синхронии.

Характерны отношения супплетивизма в условиях, когда лексические единицы принадлежат к одной части речи. Например, *frêle* — *fragile*, [e — a] — чередование регулярное. Совпадают и две первые фонемы. Однако элемент *gi* в синхронии необъясним. Хотя эти прилагательные не имеют исходного слова, семантическим их источником служит обобщенное инвариантное значение, а оттенки его передаются прилагательными. Таким образом, искомые прилагательные состоят с обобщенным значением в отношениях дополнительной дистрибуции. Формальная разница между ними позволяет считать их супплетивами. Аналогичное соотношение возникло между прилагательными *vénépeux*, *se* — *vénimeux*, *se*, которые также можно считать словообразовательными супплетивами, [i — т — п] — нерегулярные чередования. Оба прилагательных семантически соотносимы с существительным *vépin*, т. Некоторая разница в сочетаемости дифференцирует значения: *vénépeux* — ядовитый для человека, вредный, *vénimeux* — ядовитый, содержащий яд вообще.

Для периферии синхронного словообразования французского языка характерно наличие словообразовательных рядов и гнезд с варьирующими словообразующими основами.

Варьирующими основами правомерно считать лишь основы с регулярными чередованиями фонем. Регулярность чередования устанавливается по двум признакам: повторяемости и тождеству значения.

Производные единицы с нерегулярными чередованиями лежат на границе между словообразовательной вариативностью и супплетивизмом. Лексические единицы с реликтовыми чередованиями относятся к супплетивам.

Современному французскому языку свойственны ряды и гнезда, в которых одно и то же производящее может иметь и синтаксический дериват, и супплетивную пару.

Существуют супплетивы, которые не имеют исходного слова, относятся к одной части речи и состоят в отношении дополнительной дистрибуции к объединяющему их обобщенному инвариантному значению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1959, с. 55—57.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974, с. 164—173.

Весь понятийный мир человека изначально разделен на две главные сферы — сферу глагола, охватывающую состояния и события, и сферу существительного, охватывающую «предметы» (как физические объекты, так и овеществленные абстракции) [1]. Данное положение определяет интерес к изучению существительного как в плане формы, так и семантики, ибо функции, выполняемые существительным в процессе коммуникации, играют важную роль для связи высказывания с реальной действительностью.

В лингвистической литературе имеется ряд работ (А. И. Смирницкий, Г. Суит, О. Есперсен, Х. Сёренсен, Н. Ф. Иртеньева, И. В. Арнольд, П. Ф. Шанин и др.), описывающих морфологические свойства и классификаторские способности данного класса, но нет детального описания семантической и формальной сочетаемости существительных, и в первую очередь сочетаемости со служебными словами, т. с. артиклами, детерминативами, различными классификаторами — числительными, кванторами и квантификаторами. Схема предложения в английском языке является, как правило, двусоставной, представленной именной и глагольной фразами (уровень членов предложения), и существительное в английском языке (в отличие, например, от русского языка) может выполнять свои основные коммуникативные функции при присоединении к нему функциональных слов. Семантико-синтаксический подход к изучению существительных позволит планомерно и системно обследовать целую языковую категорию не только по номинативному ракурсу, но и в пропозициях, фразах, а это, в свою очередь, позволит выявить закономерности существования составляющих его образований-«полей», лексико-семантических групп, микросистем и т. д.

Изучая основной член именной фразы — существительное, главное внимание обратим на его синтаксические характеристики и семантические признаки. Исследуемый материал в данном случае представлен существительными, совмещающими в структуре своих значений абстрактные и конкретные лексико-семантические варианты. Следует отметить, что исследование этих существительных сопряжено с рядом трудностей, таких как наличие большого количества слов с размытым денотативным значением, номинативно неактивных слов, частые переносные употребления, большое количество широкозначных существительных и т. п. Кроме того, данный класс наиболее тесно связан с экстралингвистическими реалиями, а углубленное изучение языка как системно-структурного целого предполагает не только исследование его элементов, но и отношений между ними.

Таким образом, в основе изучения семантики существительных лежит связь логических понятий и категорий языка.

Анализируя существительное, исходим из того, что язык — это саморегулирующаяся система, т. е. в языке есть возможность перефразировать. Мы разграничиваем трансформацию, считая ее закономерностью употребления единиц языка, и парадигму, который является свободной интерпретацией. При анализе используем такие методы, как компонентный, контекстологический и трансформационный анализ, субSTITУцию.

Заданными параметрами для исследования (в этой его части) являются следующие:

— определение существительного как слова назывного, выполняющего в языковой системе одновременно две основные функции языка — сигнifikативную и номинативную [2];

— наличие в структурах значений интегральных, дифференциальных и категориальных семантических признаков;

— известным считается также тот факт, что существительное может выполнять свои основные коммуникативные функции — референции, денотации, идентификации — только при присоединении к нему функциональных слов [3].

Исходя из вышеизложенного рассмотрим некоторые конкретные речевые употребления, включающие элементарные именные фразы:

(1) *Rosa stood on a path of sharp stones* [7, 265]. *There was even a faint hint of diffidence, a final poor shadow of a welcoming smile* [5, 38].

В приведенных примерах существительное — исследуемое слово, а атрибут — артикль или детерминатив. Подобные именные фразы являются элементарными, употребление существительных с неопределенным артиклем указывает на наличие конкретного неопределенного референта. Сюда же можно отнести именные фразы с детерминативами *some*, *some kind of* *another*, e. g.: *I suppose they were making some kind of nest in there* [6, 48]. *There is another minor peak in the third decade of life* [5, 15].

В этих случаях мы имеем дело с референтной именной фразой, обозначением конкретного неопределенного референта.

Рассмотрим еще одну группу примеров.

(2) *It had been like a trap ...* [5, 125]. . . . *you've been a bloody nuisance* [6, 136]. В примерах подобного типа неопределенный артикль выступает как квантор разобщения, доведенный до единичности. Семантические особенности существительных позволяют говорить о предикатном выравнивании по характеристике понятия; данные именные фразы — нереферентные, отличаются отсутствием конкретного референта и осуществляют предикатное выравнивание по характеристике понятия, выраженного подлежащим.

В примерах следующего типа: (3) *If there was a plot must*

I not connive, a *trap* must I not fall into it? [6, 333]. I have attempted to convey at least a *trace* of this leaving [5, 137] — конкретный референт отсутствует, но есть возможный — один из класса предметов и понятий. Данные фразы — референтные, обозначающие возможного референта. Сюда же можно отнести именные фразы с детерминативами *some*, *some sort of* etc., e.g.: I began to make plans to bring Crystal to Oxford and settle her there *in some* elegant nest [6, 113].

При изучении элементарных именных фраз встретились случаи, включающие различные словосочетания, которые путем трансформации можно превратить в предложение, и результатом данного процесса является предикатное выравнивание. Например, словосочетание *a shadow of a face* можно трансформировать в предложение *A face was like a shadow* → *A face was a shadow*, результат которого — предикатное выравнивание. Но если принять во внимание вербальный контекст словосочетания, конкретную ситуацию, которая в нем отражена, и конкретный референт именной фразы, то этот случай можно отнести к группе примеров, обозначающих конкретного неопределенного референта. Кроме того, неопределенный артикль выполняет смыслоразличительную функцию между двумя лексико-семантическими вариантами слова *shadow*, cf.: *the shadow (of a face)* → *area of shade, dark shape thrown on the grounds, a wall, floor etc. by sth which cuts off the direct rays of light and a shadow (of a face)* → *sth unusual or unreal; (of a person) weakened, exhausted*.

Приведем еще один пример, когда именная фраза в предложении является промежуточной между первой, второй и третьей группами примеров: I felt as if my head were wrapped up in a sort of sparkling gausy veil, positively bundled up with intense feeling [6, 329]. В данном предложении дополнительные семантические характеристики передаются еще и сочетанием *gausy veil*.

Наиболее часто в английском языке встречаются именные фразы с артиклем. Как правило, определенный артикль входит в именную фразу, если в контексте есть некоторое конкретизирующее слово, например: The old man's eyes wandered away into the *shadows at the end of the table* [5, 70].

Родовой *the* чаще всего входит в состав именной фразы, именная часть которой выражена абстрактными существительными: Why all the excitement about entering a kind of limbo between care-free love-making and the *trap of marriage*? [4, 99]. Иногда при употреблении родового артикля *the* встречаются случаи предикатного выравнивания, например: On the inland side hills were to be seen, spotted with olive trees, with sad cracks running down their woody sides like the *tracks of tears* [7, 265]. В данном примере реализуется семантический компонент времени, указывающий на что-то, не полностью проявившееся; слова данной группы (*track, trail etc*) часто упо-

требляются с существительными как абстрактными, так и конкретными в конструкции of N. Всем им свойственны различные глубинные структуры; ср., например, с одной стороны — tracks of tears и a trail of repercussion and precedents [7, 85], а с другой — a trail of white smoke. Ведущим семантическим компонентом в tracks (left) by tears является vestige, а в a trail (consisting) of white smoke ведущий семантический компонент — succession, указывающий на протяженность и последовательность. Таким образом, семантический компонент succession выступает в моделях типа a trail of N, a vestige — только в лексической сочетаемости. Рассмотрим еще один пример: Historical conjectures are so often wrong, and once you start to mislead yourself, you may work for years on the wrong track [7, 21].

Отдельно взятое сочетание the wrong track может предполагать или абстрактное, или конкретное словоупотребление; на абстрактное указывает worked; for years — обозначение длительного отрезка, а также соотнесение с wrong conjectures; семантический же компонент succession, указывающий на конкретность, проявляется эксплицитно.

Следует отметить, что именные фразы с артиклем наиболее часто встречаются в английском языке, поэтому дальнейшее детальное изучение их семантики и функций сохраняет свою актуальность.

Таким образом, приняв за исходные параметры такие признаки, как наличие/отсутствие класса понятий или конкретного референта, можно выделить различные по составу группы именных фраз (всего четыре) и схематически представить это следующим образом:

	P	$\bar{P}$
K	4	2
$\bar{K}$	1	3

где K — класс; $\bar{K}$ — отсутствие класса; P — референт; $\bar{P}$ — отсутствие референта.

Рамки данной статьи не позволяют описать другие особенности семантики существительных с различным типом знакового значения. Изучение существительного включает ряд проблем, связанных со сложностью изучаемого объекта.

Таким образом, именную фразу следует рассматривать в единстве ее лексико-семантических особенностей и морфолого-синтаксических свойств;

— именные фразы с артиклем в английском языке являются

ся наиболее частотными и играют исключительно важную роль в организации текста;

— знание основных свойств именной фразы необходимо не только в грамматике, но и в стилистике, при интерпретации текста, ибо они обогащают речь, придают ей образность. Как писал Данте, *Nomina sunt consequentia gemitum*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975, с. 114.
2. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974.
3. Иртеньева Н. Ф. Именная фраза с предыменными атрибутами в современном английском языке: Автореф. научного доклада на соискание уч. степ. докт. филол. наук. М., 1977. См. там же определение именной фразы, предикатного выравнивания.
4. Cusack D. Say No To Death. М., 1965.
5. Fowles J. The Ebony Tower. Progress Publishers. М., 1980.
6. Murdoch I. A Word Child. St. Albans, 1976.
7. Murdoch I. The Flight from the Enchanter. St. Albans, 1976.

О. А. Горбarenко

(Свердловск)

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАГОЛА РУТ

В настоящее время проблема валентности превратилась в одну из центральных проблем современного языкознания. Лингвисты изучают ее на материале разных языков. Это вызвано не только теоретическими задачами, но и практической целью, так как исследование валентности различных языковых единиц может принести большую пользу методике преподавания иностранных языков, лексикографии, практике перевода (особенно машинного) с одного языка на другой.

Предметом исследования данной работы является переходный глагол английского языка *put* в разных его значениях. Цель работы состоит в изучении грамматической сочетаемости данного глагола для определения его валентности. Теоретическим основанием работы принято определение валентности, предложенное С. Д. Кацнельсоном [1], и разграничение понятий валентности и сочетаемости. Валентность класса слов — это его потенциальная способность вступать в определенные связи и образовывать комбинации с другими классами слов. Актуализация этой способности в речи (ее реализация) — это сочетаемость, где валентность — факт языка, а сочетаемость — факт речи.

Основные методы, применяемые нами в исследовании: моделирование, трансформация, описательный и статистический. Работа проводилась на материале художественной прозы современных английских и американских авторов общим объ-

емом 10 000 страниц. Была выбрана и проанализирована 1000 примеров.

Понятие переходности глагола связано с представлением о необходимости отдельного класса глаголов сочетаться с определенной формой имени В. Г. Адмони отмечает, что «строго „транзитивные“ глаголы обладают обязательной сочетаемостью с подлежащим и прямым дополнением, между тем с обстоятельствами, косвенным дополнением и предикативным определением они соединяются лишь потенциальной сочетаемостью» [2]. Но для переходного глагола *rit* в некоторых его значениях сочетаемость с обстоятельством или предложным дополнением является обязательной, что и будет доказано ниже.

При определении обязательной и факультативной валентности используется статистический критерий, предложенный Р. Мразеком [3], поэтому можно говорить об объективности выводов, сделанных в работе.

Здесь будут даны модели сочетаемости глагола, для записи которых потребуется ряд условных обозначений. Это *V* — глагол, *N* — существительное и местоимение, *D* — наречие, *Inf* — инфинитив, *cl* — придаточное предложение, *p* — предлог, *gr* — группа; *Sub* — подлежащее, *Prd* — сказуемое, *O* — дополнение, *D pl* — обстоятельство места, *D t* — обстоятельство времени, *D m* — обстоятельство образа действия, *D p* — обстоятельство цели.

Процедура анализа состояла из следующих этапов:

- 1) составление выборки примеров с данным глаголом;
- 2) разнесение предложений по группам в соответствии с конкретным значением глагола;
- 3) восстановление элиминированного элемента (члена предложения);
- 4) трансформация предложений с глаголом в пассивном залоге в функции сказуемого;
- 5) представление структуры каждого предложения моделью на морфолого-синтаксическом уровне (в частях речи) и синтаксическом уровне (в функциях членов предложения);
- 6) статистическое исследование регулярно притягиваемых членов, т. е. выявление обязательных и необязательных (факультативных) валентных связей;
- 7) анализ характера участников при каждом значении глагола.

Исследованию грамматической валентности глагола предшествует анализ его грамматической сочетаемости, которую можно разделить на два вида: 1) морфолого-синтаксическую (связи между словами как частями речи) и 2) синтаксическую (связи между словами как членами предложения). Соответственно на два вида можно подразделить и грамматическую валентность [4].

Синтаксическая сочетаемость важна для определения ва-

лентности глагола, так как слова в предложении функционируют не как части речи, а как члены предложения. Совершенно справедливо замечание Г. Г. Почепцова: «Категории слов и форм слов могут и должны использоваться для описания структурной факультативности и структурной обязательности, но в сочетании с категорией членов предложения, которой принадлежит ведущее положение при анализе» [5].

Из 1000 примеров с глаголом *put* методом контекстуального анализа с учетом данных английских толковых словарей было выделено 16 значений этого глагола в свободных словосочетаниях — 600 примеров, 400 примеров содержали устойчивые сочетания с данным глаголом. Изучались семантико-синтаксические характеристики этого глагола только в свободных словосочетаниях.

Так как методика определения грамматической валентности одинакова для всех значений глагола, то более подробно рассмотрим примеры с глаголом *put* в значении «класть, положить, поставить». Для этого сначала исследуем его сочетаемость. Всего было подобрано 170 предложений с этим глаголом в данном значении, которые можно представить в 9 моделях на морфолого-синтаксическом уровне:

1. N(gr) + V + N + pN
2. N + V + N + Dcl
3. N + V + N + pN + Inf — gr
4. N + V + N + pN + pN
5. N + V + N + pN + pN — gr
6. N + D + V + N + pN — gr
7. N + V + N + D + N
8. D + N + V + N + pN — gr
9. D + pN + N + V + N + pN — gr.

Эти модели не исчерпывают всех случаев возможной дистрибуции [6] этого глагола в данном значении. Ясно, что минимальное количество участников при этом глаголе равно 3 (модель 1: *Al put a box under the trap* [7, р. 137]), а максимальное количество участников в наших примерах равно 5 (модель 9: *Once in Camp I put a log on top of the fire* [8, р. 236]).

На основании данных моделей можно говорить о следующих сочетаниях глагола *put* в значении «класть, положить, поставить» на морфолого-синтаксическом уровне:

- обязательное сочетание с существительным (его группой) или местоимением в препозиции (170:170, сила интенции=1);
- обязательное сочетание с существительным (его группой) или местоимением в первой постпозиции (170:170);
- обязательное сочетание во второй постпозиции с местоимением или существительным (его группой) с предлогом или наречием, обозначающими локальные отношения (170:170);

— сочетание в препозиции и в последующих постпозициях с наречиями, существительными (их группами), инфинитивами (их группами), придаточными предложениями с различными адверbialными значениями (19 : 170, сила интенции = 0,11, т. е. сочетание факультативное).

Модель обязательной сочетаемости глагола *put* в данном значении на морфолого-синтаксическом уровне выглядит следующим образом:

$N \text{ gr} + V + N \text{ gr} + pN \text{ gr/D cl.}$

Рассмотрим эти модели с точки зрения синтаксических функций, которые выполняет в них глагол *put*, и слова, с которыми он вступает в связь. Изобразив эти примеры с помощью символов, получим следующие модели синтаксической сочетаемости этого глагола:

1. $\text{Sub} + \text{Prd} + \text{O} + \text{D pl}$
2. $\text{D t} + \text{Sub} + \text{Prd} + \text{O} + \text{D pl}$
3. $\text{Sub} + \text{Prd} + \text{O} + \text{D pl} + p \text{ O}$
4. $\text{Sub} + \text{Prd} + \text{O} + \text{D pl} + \text{D p}$
5. $\text{Sub} + \text{Prd} + \text{O} + \text{D pl} + \text{D m}$
6. $\text{D t} + \text{D pl} + \text{Sub} + \text{Prd} + \text{O} + \text{D pl}$.

Все модели на морфолого-синтаксическом уровне можно свести к этим шести моделям, в которых обязательно присутствует подлежащее (170 : 170), прямое дополнение (170 : 170) и обстоятельство места (170 : 170). Сочетание сказуемого, выраженного глаголом *put*, с другими обстоятельствами (19 : 170) и предложным дополнением (10 : 170) является факультативным.

Интерес представляют примеры, имеющие по два обстоятельства места. Рассмотрим следующее предложение: *Once in Camp I put a log on top of the fire* ($\text{D t} + \text{D pl} + \text{Sub} + \text{Prd} + \text{O} + \text{D pl}$). С каким же из двух обстоятельств места связь глагола *put* в функции сказуемого является обязательной? Проведем с этим предложением трансформацию опущения. Опустим сначала обстоятельство места в препозиции: *Once ... I put a log on top of the, fire*. Данная конструкция синтаксически завершена и имеет смысл. Теперь опустим обстоятельство места во второй постпозиции: *Once in Camp I put a log...* Конструкция синтаксически не завершена, хотя в ней и присутствует обстоятельство места; конструкция не закончена логически.

Следовательно, сочетание глагола *put* в функции сказуемого с обстоятельством места во второй постпозиции обязательно, во всех остальных позициях необязательно.

Модель обязательной сочетаемости глагола *put* на синтаксическом уровне выглядит так: $\text{Sub} + \text{Prd} + \text{O} + \text{D pl}$. Поскольку в определении грамматической валентности глагола мы исходим из его синтаксической сочетаемости, то можно сказать, что грамматическая валентность глагола *put* следующая: 1) субъектная — обязательная; 2) объектная (прямого дополнения) —

обязательная; 3) обстоятельственная — обязательная только в отношении обстоятельства места во второй постпозиции.

Для получения данных о лексической валентности глагола исследуется его лексическая сочетаемость. С этой целью анализируется лексическое наполнение элементов, с которыми вступает в связь глагол. Место элемента Sub при реализации модели в речи занимают слова, обозначающие человека (170 : 170). Их индивидуальное лексическое значение может быть различным, но их общее типовое лексическое значение «человек», т. е. глагол в данном значении зафиксирован только с личным субъектом. Он также сочетается с конкретным объектом. В 15 случаях из 170 в качестве конкретного объекта выступают одушевленные существительные (*that fellow, the baby*) и личные местоимения в объектном падеже вместо одушевленных существительных (*her, him, them*). Обстоятельство места выражено конкретным и неодушевленным существительным с предлогом в 146 случаях (*to bed, on the stretcher*), в 10 случаях — личными местоимениями с предлогом (*beside him, before her, between them*), в 10 случаях — наречиями и в 4 случаях — придаточными предложениями, обозначающими локальные отношения.

Подобную модель обязательной сочетаемости на синтаксическом уровне имеет данный глагол в значениях:

- 1) «вкладывать, вставлять» — *Someone had put a coin in the slot* [9, p. 103];
- 2) «устраивать, определять, помещать» — *They put her in a sanatorium* [9, p. 196];
- 3) «приблизить, приложить, поднести» — *I put my handkerchief to my face* [10, p. 238];
- 4) «ставить, помещать» — *You put yourself in other people's shoes* [11, p. 184];
- 5) «обнимать» — *Waddington put his arm round Kitty* [13, p. 186];
- 6) «доставлять» — *Tractors'll put you there* [7, p. 150];
- 7) «наклонить» — *She put her head on one side* [12, p. 104];
- 8) «по- (лить, светить)» — *I put the light on her face* [14, p. 60].

Сочетания *put down* и *put back* со значением «класть, опустить» и «положить на место» рассматриваются как свободные словосочетания, где *down* и *back* сохраняют характеристики наречий и показывают направление действия. Они имеют такую же модель обязательной сочетаемости на синтаксическом уровне.

Были выделены и другие значения глагола *put* в подобраных примерах, имеющие свою модель синтаксической сочетаемости:

- 1) «вкладывать» (в переносном значении) — *I put honey into my voice* [14, p. 37];

- 2) «надевать» — She put the hat on me [15, p. 17];
3) «наносить, накладывать» — She put blue on her eyelids [16, p. 115];

- 4) «ставить» (деньги) — A Frenchman just in front had put his money on Lancelot [17, p. 209].

Модель обязательной синтаксической сочетаемости глагола в этих значениях выглядит так: Sub+Prd+O+pr O.

Другую модель обязательной сочетаемости имеет глагол *put* в значении «излагать, формулировать» (как устно, так и письменно) — Sub+Prd+O (+D m+pr O):

- 1) I put the point to them [18, p. 300];

- 2) Sir Henry puts it very strongly in his letter [19, p. 138].

В 34 примерах из 49 с глаголом в данном значении встречается обстоятельство образа действия, но так как сила интенции=0.70, то сочетание с ним рассматривается как факультативное. Факультативным является и сочетание с предложным дополнением (13 : 49). Вот почему в приведенной модели синтаксической сочетаемости они даны в скобках.

Итак, из полученных моделей синтаксической сочетаемости глагола *put* следует, что этот глагол во всех выделенных значениях имеет систематическую обязательную субъектную валентность и обязательную объектную валентность (прямого дополнения). Кроме того, в 11 значениях он имеет обязательную обстоятельственную валентность (обстоятельства места) и в 4 значениях — обязательную объектную валентность (предложного дополнения).

Для синтаксической завершенности конструкции с глаголом *put* в этих значениях позиции субъекта, объекта (прямого дополнения) и обстоятельства места (предложного дополнения) должны быть обязательно заполнены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кацнельсон С. Д. О грамматической категории.— Вестник ЛГУ, 1948, № 2.
2. Адмони В. Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы.— Вопросы языкоznания, 1958, № 1.
3. Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы.— Вопросы языкоznания, 1964, № 3.
4. Данные термины используются Л. Л. Лисиной в ее лекции «Слова категории состояния и их валентность в современном английском языке». Л., 1970.
5. Почекцов Г. Г. Об обязательном и факультативном окружении.— Вопросы языкоznания, 1968, № 1.
6. За основу берется определение Хэрриса: «Дистрибуция элемента — это совокупность всех окружений, в которых он встречается, т. е. сумма всех (различных) позиций или встречаемостей элемента относительно встречаемости других элементов». См.: *Harris L. S. Structural Linguistics*. Chicago, 1960.
7. Steinbeck J. *The Grapes of Wrath*. M.: Progress, 1978.
8. Hemingway E. *Farewell to Arms*. Л.: Просвещение, 1971.
9. Maugham S. *The Razor's Edge*. Penguin Books, 1969.
10. Maurier D. *The Glass-Blowers*. Penguin Books, 1977.

11. *Maugham S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard.* M.: Progress, 1980.
12. *Huxley A. Crome Yellow.* M.: Progress, 1976.
13. *Maugham S. The Painted Veil.* M.: Progress, 1981.
14. *Chandler R. Farewell, My Lovely.* M.: Raduga, 1983.
15. *O'Connor Fl. Short Stories.* M.: Progress, 1980.
16. *Maugham S. Theatre.* M.: Progress, 1979.
17. *Lawrence D. Odour of Chrysanthemums.* M.: Progress, 1977.
18. *Grahame K. The Wind in the Willows.* M.: Progress, 1981.
10. *Christie A. Peril at End House.* Fontana, 1977.

Е. И. Ренер

(Свердловск)

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ
«ЖЕЛАТЬ»
В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Данная статья имеет цель сравнить группы глаголов, объединенных общим значением «желать», в английском и немецком языках для установления их структурно-семантических особенностей в типологическом плане. За последнее время появились попытки описания лексической членности разных языков на семантические поля, лексико-семантические группы. В отечественном языкоznании вопросы системных отношений в лексике освещаются в работах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелева и других. А. А. Уфимцева отмечает, что «типологическое изучение лексики призвано исследовать наиболее существенные структурные признаки и тенденции развития лексико-семантической системы» [1].

Однако чаще всего типологическое сравнение ведется на морфологическом уровне и предполагает прежде всего изучение и сопоставление структурных элементов языка. Содержательная сторона слов привлекается при типологических исследованиях в недостаточной степени. Нами принимается во внимание тот факт, что лексико-семантическая и грамматическая системы — это сложное взаимодействие лексического и грамматического аспектов языка, определяющее характер парадигматических и синтагматических связей.

Материалом исследования являются глаголы, принадлежащие к лексико-семантической группе (ЛСГ) с общим значением «желать», которые, в свою очередь, входят в лексико-семантическое поле глаголов эмоций. Данные группы глаголов, насколько известно, не были объектом специального исследования в типологическом плане. Описание семантических характеристик рассматриваемых групп глаголов проводится с помощью одного из вариантов компонентного анализа — методом словарных дефиниций. Значение каждой лексической единицы может быть представлено как набор элементарных смыслов, что позволяет при сопоставлении исследуемых глаголов выявить об-

Таблица 1

Семантическая структура ЛСГ английских глаголов со значением «желать»

Глаголы	Слова, обозначающие семантическую структуру в словарях										Дифференциальные СК
	want	will	wish	desire	covet	crave	long	yearn	thirst	hunger	
want			+	+	+	+					
will	+		+	+							
wish	+			+							
desire	+		+		+	+	+				ardent strong
covet			+	+							envyous poisonous
crave			+	+							strong
long (for)			+	+	+		+	+			impatient continuous
yearn (for)			+			+					tenderly passionate
thirst				+	+						strong vehement
hunger				+							
hanker				+		+					

щие элементы их значения и тем самым фиксировать смысловые связи между этими словами. При определении состава ЛСГ и исследовании семантических характеристик входящих в них глаголов учитывался имеющийся опыт [2].

Семантическую структуру английских глаголов, входящих в ЛСГ с общим значением «желать», можно представить в виде таблицы матричного типа (табл. 1). Анализ лексикографического материала выявил, что толковые словари и словари синонимов дают довольно пеструю картину: сопоставляемые глаголы представлены крайне разнообразно и противоречиво.

Часто в словарях синонимов включены все слова, которые более или менее близки по значению, в других указаны не только общие элементы, но и имеющиеся различия. Все глаголы, приведенные в таблице, имеют в качестве определения два и более глаголов — членов исследуемой ЛСГ. Границы ЛСГ не замкнуты, их можно расширить за счет включения глагола *will* в одном из его лексико-семантических вариантов, а также глаголов *hanker* и *hunger*. Это подтверждает сложность определения четких границ ЛСГ, многозначность ее единиц и возможную взаимосвязь с другими ЛСГ. В пределах исследуемой группы можно выделить ее ядро — это наиболее частотные и стилистически нейтральные глаголы *will*, *want*, *wish*, *desire*, а также участок стилистически окрашенных глаголов *crave*, *long*, *yearn*, *thirst*, *hunger*, *hanker*.

Изучение словарных дефиниций позволило выделить в семантических структурах анализируемых глаголов, наряду с общими семантическими компонентами (СК), и ряд дифференциальных СК, например, у глагола *desire* — *ardent*, *strong*, *intense*, *covet* — *envious*, *poisonous*, *long* — *impatient*, *continuous*, *yearn* — *passionately*, *tenderly*. Таким образом, благодаря смысловому инварианту (*to have a feeling in the mind directed towards something which one believes would give satisfaction*) данная группа воспринимается как единое целое. Однако у ряда глаголов выделяются не только общие компоненты, но и компоненты, представляющие специфику каждого из анализируемых глаголов.

Результаты парадигматики можно дополнить данными синтагматики, учитывая, что «синтагматические свойства лексической группы выражаются в правилах и тенденциях синтаксического поведения слов в тексте» [3]. С синтаксическими свойствами глагола тесно связано понятие интенции, т. е. указание на источник действия и направление действия. Интенция лежит в основе валентности глагола, предопределяет возможность его связи с другими словами предложения [4].

Исследование синтагматических характеристик членов ЛСГ основывалось на изучении лексикографических источников, уделяющих внимание синтагматическим характеристикам глаголов, и фактического материала. Результат может быть представлен в виде моделей сочетаемости: $N_1 + V$; $N_1 + V + N_2$; $N_1 + V + prep N_2$; $N_1 + V + D$; $N_1 + V + to V_2$ (*Vind*); $N_1 + V + N_2 + to V_2$; $N_1 + V + S$, где N_1 — позиция, связанная с левой интенцией глагола (« тот, кто желает »); N_2 — дополнение, D — прямое дополнение, $prep N_2$ — косвенное дополнение, $to V_2$ (*Ving*) — неличные формы глагола, S — придаточное дополнительное, $N_2 + to + V_2$ — сложное инфинитивное дополнение, т. е. позиции, связанные с правой интенцией глагола. Изучаемые глаголы в качестве правого члена могут иметь существительное, местоимение, неличные формы глагола, сложное инфинитивное до-

полнение, придаточное дополнительное, обозначающие содержание «желания». Например: «I want a cigarette», she said [20]. I wish you to stay here till you finish your work [21]. Семантическое наполнение выявленных синтаксических структур требует дальнейшего тщательного исследования.

Таблица 2

Семантическая структура ЛСГ немецких глаголов со значением «желать»

Глаголы	Слова, обозначающие семантическую структуру в словарях										Дифференциальные СК
	wünschen	wollen	verlangen	begehrn	sich sehnen	gieren	schmachten	hungern	dürsten	lechzen	
wünschen		+									
wollen	+										fest
verlangen	+	+	+	+	+	+			+		
begehrn	+										stark
sich sehnen	+		+								schmárzlich
gieren	+		+			+	+				übermässig
schmachten	+		+		+				+		leidvoll
hungern	+		+		+						gierig
dürsten	+		+		+				+		gierig
lechzen	+		+		+						leidvoll
sich bangen	+				+						angstvoll

При описании семантических характеристик ЛСГ «желать» в немецком языке учитывались данные толковых словарей и словарей синонимов немецкого языка. Результаты исследования представлены в табл. 2. Анализ показал, что все глаголы содержат в дефинициях слово-идентификатор *wünschen*, кото-

рый, в свою очередь, идентифицируется через заглавный глагол семантической области: *fühlen*, *wünschen*, *innere Notwendigkeit etwas fühlen*.

Все глаголы, входящие в данную группу, имеют в словарных толкованиях в качестве определений два и более глаголов, членов данной ЛСГ. Наличие дифференциальных компонентов, выявленных при анализе, указывает на существующие отличия от значения *wünschen* — слова-идентификатора. Например, для глаголов: *wollen* — *fest wünschen*, *begehr* — *stark wünschen*, *sich sehnen* — *schmäzlich wünschen*, *gieren* — *übermassig wünschen*, *schmachten*, *lechzen* — *leidvoll wünschen*, *hungern*, *dürsten* — *gierig wünschen*. Выделенные дифференциальные СК чаще всего выступают интенсификаторами и указывают на интенсивность чувства, обусловливающего данное процессуальное состояние. Можно выделить участки в пределах исследуемой ЛСГ: нейтральный — *wünschen*, *wollen*, *verlangen*, *sich sehnen*, *gieren*; стилистически окрашенный — *begehr*, *lechzen*, *schmachten*, *dürsten*, *sich bangen*.

Структурно-семантические особенности исследуемых глаголов уточняются изучением синтагматики. Нами выделены следующие дистрибутивные формулы: $S_1 + V + S_2/NS$, где S_1 — одушевленное существительное в им. п., S_2 — существительное в вин. п., NS — придаточное дополнительное («то, что желают»). Данная формула расширяется за счет $S_1 + V + S$ дат. п. + $+ S_2/NS$, со значением «тот, кому что-либо желают», причем это может быть местоимение в дат. п., соответствующее левому члену (S_1), со значением «пожелать самому себе». Например: Ich wünsche mir ein neues Kleid. Поскольку глагол *wollen* является модальным глаголом, то он обладает неограниченным окружением справа (er will arbeiten, schlafen u.s.w.). Для глаголов *verlangen*, *sich sehnen*, *gieren*, *lechzen*, *schmachten*, *dürsten*, *sich bangen* характерна формула $S_1 + V + nach S_2$. Предлог *nach* как бы помогает выразить значение «желаемое далеко, почти недосягаемо» (das zu *wünschen*, was fern ist). S_1 в основном указывает на субъект (одушевленный), но при глаголах *schmachten*, *lechzen* S_1 может быть *Erde*, *Land*. Например: Die Erde lechzt nach Regen. Глаголы *verlangen*, *hungern*, *dürsten*, *sich bangen* имеют также безличную дистрибуцию: *es.V + S_2 + nach S* дат. п., что соответствует предложениям типа: Es verlangt Sie nach einem tröstenden Wort. Es hungert sie nach Liebe.

Анализ структурно-семантических особенностей ЛСГ со значением «желать» в английском и немецком языках показал общность структурной организации сопоставляемых ЛСГ: наличие ядра, которое представлено наиболее употребительными стилистически нейтральными глаголами, и периферии, представленной глаголами, имеющими стилистическую маркированность. Ядро и глаголы, расположенные на периферии ЛСГ в:

английском языке, в основном определяются через соответствующие участки ЛСГ в немецком языке [см. 19]. Исследуемые ЛСГ, входя в лексико-семантическое поле эмоций, не являются замкнутыми, им свойственна «открытость»: ЛСГ *wish* в английском языке пересекается с ЛСГ *intend*, в свою очередь ЛСГ *wünschen* связана с ЛСГ *glauben* и *leiden*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уфимцева А. А. О типологическом изучении лексики.— В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков, М., 1966, с. 220.
2. См.: Долгих Н. Г. Исследование семантического поля глаголов эмоций в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Тбилиси, 1970; Минина Н. М. Лексико-семантическая глагольная система современного немецкого языка: Дис. докт. филол. наук. М., 1977.
3. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973, с. 34.
4. Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы.— Вопр. языкоизнания, 1969, № 3, с. 53.
5. Англо-русский синонимический словарь/Под ред. Ю. Д. Апресяна, А. И. Розенмана. М., 1979.
6. Allen's Synonyms and Antonyms. New York; London, 1958.
7. A Nuttal Dictionary of Synonyms and Antonyms, ed. by Christ, 1966.
8. Cassell's Modern Guide to Synonyms and Related Words. Cassel London, 1971.
9. Crabb's English Synonyms. London, 1977.
10. Funk and Wagnalls. Modern Guide to Synonyms and Related Words. New York, 1968.
11. Hornby A. S. with Cowie. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, Oxford Univ. Press, 1982.
12. Pitman's book of synonyms and antonyms. 5th edition, London, 1969.
13. Rodale J. J. The Synonym Finder. Emmaas, 1967.
14. Sisson's Synonyms. An unabridged Synonym and Related forms. Parker Publishing Company, Inc. 1969.
15. Synonymwörter von Herbert Görler und Günter. Leipzig, 1973.
16. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles, third edition, Oxford, 1952.
17. Webster's New Dictionary of Synonyms, Springfield. Massachusetts USA, 1973.
18. Duden. Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim Bibliogr. Inst., 1977.
19. Cassell's German and English Dictionary. Cassel London, 1966.
20. Braine J. Room at the Top. М., 1961.
21. Christie A. Hickory, Dickory Dock. Fontana, 1971.

Т. П. Собко
(Свердловск)

СООТНОШЕНИЕ ПРИЧАСТИЯ I И ГЕРУНДИЯ В СИСТЕМЕ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ

В настоящее время многие, исследующие немичные формы, склонны выделять в английском языке три такие формы: причастие, инговую форму и инфинитив. При этом под термином «причастие» подразумевается причастие II, а термин «инговая

форма» объединяет герундий и причастие I. Рассмотрим соотношение двух неличных форм английского глагола — герундия и причастия I, поскольку именно по этому вопросу в литературе имеется значительное расхождение мнений. Можно выделить две противоположные позиции в описании герундия и причастия I. Первая, она же традиционная, требует считать герундий самостоятельной неличной формой [1, 2], вторая группа исследователей стремится доказать, что герундий и причастие I это не две различные, а одна инговая форма [3, 4, 5, 6]. Для второй точки зрения имеются объективные основания: морфологически причастие I и герундий не различаются в современном английском языке. Однако сторонники традиционного разделения герундия и причастия I также опираются на факты языка.

Приведем аргументы сторонников слияния герундия и причастия I в группу инговых форм [4]. Во-первых, в некоторых случаях, когда у герундия и причастия I имеются собственные субъекты, различия между этими неличными формами стираются. Обычно указывается субъект инговой формы, который, как правило, бывает выражен существительным или местоимением в общем падеже, а позессивный падеж редко употребляется в этой позиции. Данные, противоречащие указанному утверждению, приводит, например, Мартин Джос: он сообщает, что в британском варианте английского языка наблюдается абсолютное равновесие в употреблении той и другой формы в описываемой позиции [1].

Во-вторых, инговая форма после ряда глаголов, таких как *to begin*, *to start*, *to continue*, обычно считается герундием, хотя в предложении нет ничего, что доказывало бы, что данная инговая форма не причастие I, например:

(a) English grammar is very difficult and few writers have avoided making mistakes in it [9. Все примеры в статье цитируются по данному источнику].

Но после некоторых других глаголов, обычно обозначающих состояние или движение, например *to sit*, *to stand*, *to lie*, *to go*, *to come*, инговая форма считается причастием I:

(б) How dare you come roaring into this court?

В приведенных примерах не обнаруживается никаких формальных отличий, и сторонники слияния инговых форм говорят, что различие, очевидно, основано на том факте, что после первой группы глаголов можно встретить существительное: *He began work* или *He did not mention this fact*, — в то время как после второй группы глаголов, объединяющей непереходные глаголы, существительное подставлено быть не может. В связи с этим следует заметить, что данный критерий различия между герундием и причастием I вовсе не лишен смысла, поскольку разделение глаголов на переходные и непереходные основано не только на способности одних принимать прямое дополнение и неспособности к этому других.

Указанное различие уходит своими корнями гораздо глубже, оно базируется на существовании в языке двух позиций — центростремительной и центробежной. Для центробежной позиции характерно наличие обязательного объекта, в то время как в центростремительной позиции объект факультативен. В центробежной позиции обязательно употребление глагола обладания (P_{have}), к которому восходят переходные глаголы, а в центростремительной позиции обязательно наличие глагола бытия (P_{be}), к которому в свою очередь восходят непереходные глаголы. Если в предложении, соответствующем центробежной позиции $S - P_{have} - O$, удалить объект, то коммуникативная ценность данного предложения утрачивается. Для того чтобы узнать, действительно ли в приведенных выше предложениях инговые формы представляют собой однородные единицы, мы можем применить к ним операцию опущения объекта (в нашем случае — инговой формы). При этом если смысл предложения не изменится, то удаленная форма не будет считаться объектом, но если предложение утратит свою коммуникативную функцию, то удаленный член структуры должен быть признан объектом: *How dare you come ... into this court? ... few writers have avoided ...*

Как следует из полученных результатов трансформации, инговые формы в этих двух предложениях, несмотря на внешнее сходство конструкций, выступают в совершенно разных ролях. Опущение инговой формы в первом предложении не повлекло за собой нарушения коммуникативной функции, в то время как опущение инговой формы во втором предложении привело к образованию «осколка» предложения, не обладающего коммуникативной ценностью. Из этого можно сделать вывод, что операция подстановки существительного на место инговой формы для определения лексико-грамматической принадлежности этой формы вовсе не лишена оснований, ибо именно у существительного первичной синтаксической функцией является функция объекта (функция субъекта в данном случае нерелевантна). Описанная трансформация может служить достаточным критерием выделения герундия из инговых форм.

Другой аргумент в пользу объединения герундия и причастия I сводится к следующему. В примерах:

- (в) *After hesitating* a moment or two he knocked on the door.
(г) *On getting up* in the morning I found a letter on my doorstep.
(д) He could take a nap in the car *while waiting* for the filling station to open.

(е) Often *when boasting* of his deceipts, he sounded childlike and innocent.

функция инговых форм идентична, однако обычно эта форма в предложениях (в) и (г) рассматривается как герундий на том основании, что она следует за предлогом, а в предложе-

ниях (д) и (е), где перед инговой формой стоит подчинительный союз, эти формы считаются причастиями I. Однако общеизвестно, что не только инговая форма, но и существительное может быть обнаружено в позиции как после предлога, так и после подчинительного союза:

(ж) *He grinned and took from his pocket a winged maple seed, which he expertly split with his thumbnail and glued to his nose as we used to when children, so it made a little green rhinocero's horn.*

(з) *Though a natural partisan, he has never been a party politician.*

На наш взгляд, приведенное рассуждение не совсем строго. Проводить знак равенства между структурами в предложениях (в) и (г) и в остальных предложениях нет достаточного основания. Подчинительные союзы в предложениях (ж) и (з) вводят не просто существительные, с которыми традиционно ассоциируется герундий. Подчинительными союзами *when*, *while*, *though* вводятся эллипсы придаточных предложений. В эллипсис же может выделяться не какой-то определенный член структуры, а только логически ведущий в каждом конкретном контексте [3]. Во всех приведенных примерах с подчинительными союзами можно эллипсы восстановить до полных придаточных предложений:

(Т₃) *Though he was a natural partisan, he has never been a party politician;*

(Т₄) *He could take a nap in the car while he was waiting for the filling station to open;*

(Т₅) *Often when he was boasting of his deceipts, he sounded childlike and innocent.*

В предложениях (д) и (е) полученная в результате трансформации инговая форма входит в состав *Continuous (was waiting)* и *was boasting*, в образовании которой, как известно, принимает участие именно причастие I. Подобной операции восстановления невозможно адекватно применить к предложениям (в) и (г); так, в результате получаются грамматически неотмеченные предложения:

* *On I was getting up in the morning I found a letter on my doorstep.*

* *After he was hesitating a moment or two he knocked on the door.*

Таким образом видно, что не форма *Continuous* — источник инговой формы в этих двух предложениях. Природа ее не причастная, как в примерах (д), (е), (ж), (з), а иная. Поскольку же формально различие это выразилось в наличии предлога перед инговой формой непричастной природы и в наличии подчинительного союза перед причастием I, то критерий наличия предлога перед инговой формой не следует отбрасывать как несостоятельный при выделении герундия из инговых форм.

Еще одна позиция, в которой, как считают исследователи [2, 4], нейтрализовано различие между герундием и причастием I, это позиция после слов *busy* и *worth*:

(и) *She was busy trying the effect of some boxes with bright painted porcelain lids.*

(к) *He thought my idea was worth trying.*

Доводы сторонников единой инговой формы в данном случае сводятся к следующему: традиционно инговая форма в такой позиции без очевидной причины трактуется как герундий. Действительно, после слова *worth* можно встретить и существительное, как, например, *worth the time*. Но слово *busy* в такой позиции может присоединять только инговую форму и никогда не присоединяет существительного; ограничиваться рассуждением о возможности или невозможности замены инговой формы после указанных слов существительным недостаточно. *Worth* и *busy* обладают совершенно различными условиями дистрибуции. Если *busy* может употребляться в текстах абсолютно в функциях прилагательного (a *busy man*) или наречия, то слово *worth* никогда не встречается в отрыве от следующей за ним инговой формы или существительного. *Worth* функционирует как модальное слово, и оторвать его от следующей за ним лексической единицы невозможно, не нарушив при этом главного условия существования высказывания — коммуникативной ценности: *He thought my idea was worth trying. He thought my idea ... trying.*

В приведенной трансформации произошло нарушение семантической инвариантности, что свидетельствует об обязательности наличия опущенного слова, в данном случае слова *worth*. Одновременно нельзя слово *worth* употреблять в отрыве от следующей за ним лексической единицы, например *the film is worth* или *the idea is worth*, в то время как слово *busy* употребляется и независимо от наличия или отсутствия следующих за ним слов *Ann is busy* или *the Committee are busy*. Еще одно наблюдение касается слова *busy*: это слово можно удалить из конструкции с инговой формой, не нарушив при этом смысла высказывания (его грамматической правильности и семантической инвариантности). При этом инговая форма соединяется с глаголом *to be*, без которого *busy* в данной позиции не встречается, и образует глагольную форму *Continuous*, что говорит о ее причастной природе:

*She was busy trying lids. I am busy cleaning the windows.
Ann is busy playing in the garden.*

Таким образом, можно предположить, что инговая форма после слова *worth* является герундием, поскольку может быть замещена в этой позиции существительным, а после слова *busy* — причастием I, так как она не может быть замещена существительным, а при опущении слова *busy* участвует в образовании *Continuous Aspect*.

Итак, главное условие выделения герундия из инговых форм — это функции, присущие субстантивам. Функциональный признак имеет большое значение при выделении единиц таксономического уровня [7], однако это не единственный признак. Для того чтобы выделить какой-либо класс слов, необходимо учитывать сочетание трех признаков — семантического, морфологического и синтаксического. При этом семантический признак является самым глубинным, он определяет общее грамматическое значение части речи. Синтаксические функции очень тесно связаны с семантикой частей речи и, безусловно, определяются ею. Однако представители того или иного класса могут выступать и в функции, не свойственной данному лексико-грамматическому классу. Такие слова — синтаксические дериваты, а их функция — вторичная функция, в отличие от первичной функции, продиктованной лексическим значением [8].

Если согласиться с авторами, которые предполагают, что возникновение причастия I исторически предшествовало появлению герундия, можно предположить, что герундий развивался как синтаксический дериват причастия I. С течением времени употребление инговой формы в функциях, свойственных субстантивам, привело к образованию своеобразного («самостоятельного») [1] лексического значения, которое закрепилось за данной единицей и приобрело некоторые формальные признаки: возможность сочетаться с предлогами и занимать определенные синтаксические позиции в структуре высказывания. И если морфологически герундий и причастие I в современном английском языке не различаются, то синтаксические различия между ними очевидны: герундий может иметь при себе модификатор, выраженный существительным в притяжательной форме или притяжательным местоимением, а причастие I — нет, герундий регулярно сочетается с предлогами, а причастие I практически никогда. Тот факт, что причастие I и герундий по-разному реализуют свою дистрибутивную способность, приводит к неидентичности их синтаксических функций.

Определенная позиция в синтагматической цепи предъявляет свои особые требования к лексическому значению единицы, способной заполнить эту позицию. Отсюда можно заключить, что поскольку причастие I и герундий в функциональном плане различаются, то они неизбежно должны различаться и в семантическом плане, а именно: из трех категориальных признаков частей речи (морфологического, синтаксического и семантического) два не совпадают. Уже поэтому нельзя утверждать, что герундий и причастие I составляют единую таксономическую группу.

В связи с этим мы предлагаем рассматривать герундий как *устойчивый синтаксический дериват* причастия I, который находится в процессе развития в самостоятельную таксономическую единицу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Joos M. The English Verb. Form and Meaning.* Milwaukee, 1964.
2. *Strang B. M. Modern English Structure.* London, 1962.
3. *Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка.* М.: Высшая школа, 1966.
4. *Gordon E. M., Krilova I. P. The English Verbals.* М.: Prosvescheniye, 1973.
5. *Hill A. A. Introduction to Linguistic Structures (from Sound to Sentence in English).* N-Y, 1958.
6. *Lees R. B. The Grammar of English Nominalizations.* Mouton — the Hague, 1968.
7. *Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
8. *Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая: к теории частей речи.* — В кн.: *Курилович Е. Очерки по лингвистике.* М., 1962.
9. *Gordon E. M., Krilova I. P. The English Verbals.*, М.: Prosvescheniye, 1973.

В. П. Казакина
(Магнитогорск)

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР МЕСТОИМЕННОЙ РЕПРИЗЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуются синтаксические конструкции с местоименной репризой (МР), впервые выявляется и обосновывается их системный характер и функциональное назначение. Конструкции с МР рассматриваются как члены коммуникативной парадигмы английского простого предложения или его коммуникативно-синтаксические варианты, описываются их основные структурные типы полной и неполной реализации. МР характеризуется двучленностью построения как результатом сегментации, вызванной введением в структуру исходного предложения специального оператора производности — указательного местоимения и состоит из сегмента субстантивного характера Seg и основной части высказывания Sm. Sm обладает синтаксической независимостью и обнаруживает наличие всех признаков классического двусоставного предложения, а именно: характер законченного сообщения и соответствует модели полного двусоставного предложения.

В силу того что Sm удовлетворяет грамматическим характеристикам простого предложения, его следует признать таковым. Однако синтаксический анализ показывает, что сегмент не отвечает вышеуказанным характеристикам и поэтому к таким не относится. При введении местоименного оператора производности в структуру исходного предложения внутренняя связь между подлежащим и сказуемым или сказуемым и дополнением разрывается, и именная лексема, занимавшая синтаксическую позицию подлежащего или дополнения, выносится в самостоятельную синтаксическую позицию, а ее место в пози-

ционной модели исходного предложения занимает местоименный оператор, который и выполняет данную синтаксическую функцию.

Самостоятельность синтаксической позиции сегмента определяется ее оторванностью от позиционной модели классического двусоставного предложения. Следовательно, вряд ли правомерно говорить о синтаксической позиции подлежащего или дополнения в применении к Seg, скорее можно говорить об автономности синтаксического статуса Seg. Полученное в результате трансформации производности высказывание с BMP (BMP) включается в коммуникативную парадигму английского простого предложения, которая представляет собой совокупность коммуникативных вариантов простого предложения, различающихся актуальным членением [2]. Цель местоименной репризы в BMP заключается в акцентировании тематического члена высказывания. BMP представлены в речи большим разнообразием структурных типов: *Mrs. Carstairs, she's seventy-seven and rather gaga* [14]. *She wasn't a very observant girl, Sybil* [13]. Несмотря на многообразие типов предложений с местоименной репризой, их можно описать на основании изучения:

- позиции сегмента Seg по отношению к основной части высказывания Sm;
- коммуникативного типа предложения, являющегося Sm;
- грамматической структуры сегмента;
- морфологического типа местоимения, повторяющего сегмент;

— семантики сегмента и его местоименного коррелята.

Для того чтобы представить разнообразие BMP в виде системы, в основу их описания может быть положено выявление позиционных характеристик субстантивного сегмента.

С этой точки зрения все BMP подразделяются на две подгруппы: первую подгруппу образуют анафорические, в которых местоимение, образующее репризу, следует за сегментом: *Taylor Jones, he's a richer man than Herb Clutter ever was* [12]. *His father, he didn't like the way he wore hair* [14].

Модель этого вида BMP имеет вид $Seg_a + Sm$, где Seg_a — анафорический сегмент, Sm — основная часть высказывания, представленная вопросительным или повествовательным простым двусоставным предложением.

Вторую подгруппу образуют катафорические BMP, в которых местоимение, образующее репризу, предшествует сегменту: *She's got a lot of personality, that girl* [15]. *How could that help us — the delay?* [16]. Модель этого типа высказываний имеет вид $Sm + Seg_c$, где Seg_c — катафорический сегмент. При описании структуры BMP следует отметить такой фактор, как контактность или дистантность расположения сегмента по отношению к местоимению, образующему местоименную репризу.

Субстантивный сегмент, который замещается местоимением в структуре Sm, может непосредственно примыкать к повторяющему его местоимению. Это так называемое контактное примыкание: *These men, they just want some money* [12]. Возможно и дистантное расположение сегмента по отношению к местоимению, осуществляющему репризу. Дистантность первого рода представляет конструктивную особенность катафорических предложений с МР, когда сегмент отделяется от замещающего его в Sm местоимения группой сказуемого. Дистантность второго рода представляет разъединение сегмента и его местоименного коррелята вводными словами, придаточными определительными к опорному существительному сегмента, обращениями, приложениями и т. д.

Последняя характеризует позиционные отношения сегмента и его местоименного коррелята в анафорических ВМР и их рамками ограничивается, в то время как катафорическим ВМР присуща дистантность первого рода.

До сих пор речь шла только о полных реализациях ВМР. Однако в современной английской разговорной речи встречаются не только полные, но и неполные конкретно-речевые реализации основных синтаксических моделей ВМР, например: *A very exclusive house, that* [17]. *No fool, Aunt Emily* [15]. Подобные высказывания получали в работах лингвистов различную интерпретацию [3]. Некоторые исследователи, в частности О. М. Барсова, не считают предложения данного типа неполными, утверждая, что они представляют собой особую модель и являются полными двусоставными предложениями особой структуры [4]. Это утверждение представляется не совсем верным, поскольку аргументы, выдвигаемые в его защиту, свидетельствуют скорее об обратном [5]. Так, предложения этого типа выделяются в особый вид на том основании, что «как правило, в предложениях данного типа неопределенный артикль отсутствует, что и является одним из грамматических отличий первого члена от предикатива нормативного предложения» [6]. Однако, как показывает анализ подобных предложений [7], отсутствие артикля при эллипсе словоформы в позиции связки — явление довольно распространенное. Следовательно, этот признак не может быть положен в основу выделения предложений такого типа в особую модель.

Второй примечательной чертой неполной слитности предложений рассматриваемого типа считается возможность выноса во фронтальные положения не более одного члена [8]. Но, во-первых, в большинстве случаев в предложениях этого типа словесно выражены только две позиции, так что инверсии более одной позиции тут быть не может, а, во-вторых, при инверсии, как правило, имеется в виду инверсия какой-то одной позиции.

Неупотребительность предложений этого типа в вопросительной форме (а в нашей выборке есть и такие случаи) объяс-

няется не структурными особенностями таких предложений, а их общим значением оценки кого-то или чего-то, о чем шла речь в предыдущем предложении.

Таким образом, аргументы, выдвигаемые в защиту вышеуказанного тезиса, представляются неубедительными. Поэтому, вслед за К. А. Гузеевой, мы рассматриваем высказывания типа *Very pretty, that* и *A queer being, my mother* как неполные, основанные на базе тех моделей, которые уже имеются в системе языка [9]. Однако, хотя мы разделяем концепцию неполного предложения, разработанную К. А. Гузеевой, в данной работе неполные предложения трактуются иначе: не как неполные предложения с инверсией именной части составного именного сказуемого и отрицательно представленной позицией глагола-связки (т. е. VI ступень, по классификации К. А. Гузеевой), а как неполные предложения с МР и отрицательно представленными позициями подлежащего и глагола-связки в Sm.

Следовательно, если высказывания типа *Very pretty, that*; *A queer being, my mother* рассматриваются как неполные структуры, которые основаны и строятся на базе тех моделей, которые уже имеются в системе языка, их следует представлять как неполную конкретно-речевую реализацию полных высказываний. В главной части этих высказываний, равной элементарному двусоставному предложению, синтаксические позиции подлежащего и глагола-связки выражены отрицательно — $\bar{N} \bar{p} \bar{g} \bar{V}$; положительно выражена именная часть составного именного сказуемого, которая может иметь следующее морфологическое выражение: 1) существительное N; 2) прилагательное A; 3) существительное + прилагательное NA; 4) наречие интенсифицирующего характера + прилагательное + существительное dAN; 5) интенсификатор + прилагательное dA.

Синтаксическая структура таких высказываний может быть

представлена формулой $S_m = \overline{N} \overline{V} \overline{N} \overline{A} \overline{A} \overline{N} \overline{d} \overline{A}$, где N — существительное, A — прилагательное, d — интенсификатор. В неполных высказываниях данного типа опускаются словоформы в синтаксической позиции подлежащего и связки, эллипс которой находится в тесной связи с эллипсом словесной формы в позиции подлежащего. Это дает основания классифицировать подобные неполные высказывания как третью ступень неполноты [10]. Они легко восстанавливаются до полных в результате «проекции неполного предложения на полное, так как понятие фона как положительного, утвердительного плана необходимо присутствует в отрицательно определяемом понятии» [11].

Это может быть наглядно показано на следующих примерах¹: *Tough nuts, these old ladies* [15] — *They are tough nuts*,

¹ Знаком * отмечены полные предложения с местоименной репризой, восстановленные из неполных при помощи трансформации восполнения отрицательно представленных синтаксических позиций.

these old ladies*. Extraordinarily good muffins, these, Mugsy [17]—They are extraordinarily good muffins, these, Mugsy*.

Предложения типа *Very pretty, that* (O. Wilde); *A queer being, my mother* (O. Wilde), выражаемые моделями $N_{1(pr)} \bar{is}/\bar{are} N_2 + Seg_{t_2}$ (*this/that*) $\bar{N}_{1(pr)} \bar{is}/\bar{are} N_2 + Seg_{c(N_1)}$, где N_1 is — отрицательно представленные синтаксические позиции, являются неполными предложениями не только на основании фактора противопоставления аналогичным полным предложениям: *A charming girl, little Julie* [15]; *She's a sweet person, your mother* [12]; *A very pleasant area, that*; *She's a very nice van, that* [18], — но и противопоставления второй части разделительного вопроса, частью которого они могут быть. Тогда вторая часть вопроса, которая рассматривается как варианная форма первой, может служить основанием для установления эллипса словоформы в позиции подлежащего и глагола-связки в первой части и, следовательно, быть доводом в защиту утверждения, что первая часть представляет собой неполное предложение: *Charming people, aren't they, the Hackeths? said Mrs. Rotherwas*² [20]; *Almost embarrassing, this conversation, isn't it?* [19].

Вторая, присоединяемая часть разделительного вопроса наглядно показывает лексические возможности заполнения отрицательно представленных синтаксических позиций подлежащего и глагола-связки, поскольку эти лексемы даны в самой присоединяемой части разделительного вопроса.

Неполные предложения описываемого типа следует рассматривать как неполные структурные варианты ВМР. Они существуют в речи наряду с полными и передают содержание сообщения вполне адекватно благодаря двум факторам: контексту и ситуации. Неполные реализации с МР, наряду с полными, отражают специфические черты разговорной речи — спонтанность и эмоциональность и характеризуются высокой частотностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гузеева К. А., Адаева В. П. Местоименная реприза — это норма или отклонение от нее. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1982, с. 40—43.

2. Русская грамматика. Синтаксис. М.: Наука, 1980, с. 91.

3. Gardiner A. The Theory of Speech and Language. Oxford, 1932.
Барсова О. Б. Двусоставные безглагольные предложения в английском языке.

² Приведенные примеры с разделительными вопросами заимствованы из статьи О. М. Барсовой. В нашей подборке подобные случаи не отмечены, но сам факт регистрации их О. М. Барсовой, а также наличие полных предложений, построенных по аналогичной модели, в которой все позиции представлены положительно *He's (a) good ballplayer, that Connor, isn't he?* [18], дают основание предполагать потенциальную встречаемость такого рода неполных предложений.

- ке.— ФН, № 2; Юхт В. Л. Некоторые вопросы теории неполных предложений.— ФН, 1962, № 2; Боганова Г. В. Об опущении служебного глагола *to be* в современном английском языке.— ФН, 1960, № 4.
4. Барсова О. Б. Указ. соч., с. 166. Боганова Г. В. Указ. соч., с. 50.
  5. Гузеева К. А. Неполное предложение в современном английском языке: Дис. канд. филол. наук. Л., 1966, с. 217.
  6. Барсова О. Б. Указ. соч., с. 117.
  7. Гузеева К. А. Указ. соч., с. 149.
  8. Барсова О. Б. Указ. соч., с. 118.
  9. Гузеева К. А. Указ. соч., с. 17. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1933, с. 403.
  10. Гузеева К. А. Указ. соч., с. 136.
  11. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты синтаксиса. М.: Наука, 1982, с. 187.
  12. Capote T. In Cold Blood. New York, 1961.
  13. Shaw J. God was here, but he left early. Pan Books, London, 1978; The Young Lions. Pan Books, London, 1978.
  14. Christie A. Elephants can remember. The Companion Book Club. London, 1973.
  15. Christie A. Murder on the Orient Express. Pocket Books. New York, 1975.
  16. Hailey A. Hotel. Bantam Books. New York, 1966.
  17. Wodehouse P. L. Uncle Dynamite. Penguin Books. London, 1966.
  18. Pinter H. Plays. London, 1976.
  19. Galsworthy J. Plays. Duckworth, London, 1935.
  20. Bennet — пример взят из статьи Барсовой О. Б.

Н. Ф. Жукова
(Орел)

**СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ЧАСТИЦ**

Как известно, язык обладает системой средств выражения экспрессивности, каждое из которых характеризуется той или иной степенью эмоциональной нагрузки, грамматически закрепленной за ним [1]. Немаловажное место в этой системе принадлежит частичкам типа *so*, *ever*, *just* etc. Они выступают экспрессивно окрашенным инвентарем индивидуально-речевого уровня языкового абстрагирования [2]. Целью данной статьи является определение эмоциональной значимости частиц, их роли в формировании речевых комплексов.

Входя в структуру любого речевого комплекса, частицы вносят в него тот момент экспрессивности [3], который пре-вращает его либо в эмоциональный речевой комплекс, либо в речевой комплекс смешанного типа.

В английском языке извлечение частиц из структуры речевого комплекса приводит к значительному ослаблению эмоционального воздействия на сл�ушателя. Ср.: ...but I owe (*so*) much to you that I should be very unhappy if you forgot me [13]. But my dear Viv, I wasn't able to talk to you (*ever so*) seriously [13].

Однако сами частицы, не подкрепленные другими эмоциональными структурами, являются дополнительным средством

создания эмоционального эффекта. В рассматриваемых примерах даже изъятие частиц не снимает общеэкспрессивного характера эмоциональности. Последний сохраняется за счет:

1) эллиптизированной структуры предложения [4]: ...What is middle class morality? *Just an excuse for never giving me anything* [14];

2) риторического вопроса: — Is it so very cynical? — Cynical: Who the dickens said it was cynical! I mean it wouldn't be decent [14];

3) специфически экспрессивной мелодики речи, которую автор подчеркивает:

а) пунктуального указателя (восклицательного знака):
— If people would *only* be frank and what they really think! [14];

б) особой структуры, связанной с сослагательным наклонением, которая как бы вводится или предопределяется наличием частицы [5]: — ...but I owe *so much* to you that I should be very unhappy if you forgot me [14].

Характерно, что в изолированном употреблении данные частицы почти не встречаются, поэтому можно сказать, что они как бы налагаются на имеющуюся модель экспрессивности, являясь дополнительным средством передачи экспрессии.

Итак, частицы как дополнительное средство выражения экспрессивности вписываются, как правило, в те структурные модели, которые присущи эмоциональному типу речевого комплекса. Тем не менее весьма существен в этой связи вопрос о роли частиц в эмоциональном оформлении речевого комплекса.

Анализ фактического материала показывает, что эта роль сводится не только к усилению стрессовой реакции, а к выделению определенного смыслового элемента. Такой смысловой элемент, если он не выделен дополнительным средством (типа частиц), утрачивается в общей массе смысловыразительных единиц речевого комплекса. Поэтому исключение частиц приводит, во-первых, к утрате эмоционального статуса данного элемента; во-вторых, к нерасчлененности логического рисунка. Такая нерасчлененность, связанная с отсутствием дополнительно фиксирующих средств, восполняется лишь обычным темо-рематическим членением, которое присуще любому высказыванию неэмоционального типа [6].

Наличие же частиц, наряду с тем, что они переводят не-эмоциональный тип речевого комплекса в эмоциональный или смешанный, ведет к вычленению требуемого компонента. Причем это выделение осуществляется не только путем темо-рематического деления (хотя оно имеет место), сколько путем переноса логического ударения и соответствующего изменения характера смыслового восприятия.

Последнее позволяет выделить определенную вершину в выражении эмоций, в то время как остальные единицы рече-

вого комплекса занимают в нем позицию различной градуированности. Ср.: *It was just Katya who believed him. Katya believed him so much. Katya believed only him.*

Частицы, относясь к строго определенному слову, лимитируют его [7] и в эмоциональном отношении однозначно указывают, что только оно, то есть это слово, а не какое-то другое выступает своего рода вершиной экспрессии. Это явление прослеживается и в немецком языке, когда частица как бы определяет то слово, которое несет на себе наибольший объем экспрессивности. Ср.: *Katya glaubte ihm*, где возможно экспрессивное выделение каждого из трех слов. *Katya glaubte eben ihm*, где имеет место выделение глагола *glaubte* и повышение экспрессии на этом слове.

При выделении подлежащего или при необходимости экспрессивного выделения дополнения отношения существенно изменяются: *Gerade Katya glaubte ihm; Katya glaubte nur ihm.*

Процесс лимитации, осуществляющийся в речевом комплексе с помощью частиц, носит универсальный характер, так как он проявляется через сужение объема содержания, когда подчеркивается определенная смысловая направленность. Причем эта направленность совсем не означает, что вершина экспрессии соответствует истинному, то есть объективному, положению вещей. Часто бывает наоборот: «так верила, а верить-то и не нужно было» или «так хотелось, а не получилось» и т. д.

Суть не в том, соответствует ли слово, отмеченное частицей и выбранное вершиной экспрессии, дальнейшему ходу событий, то есть подтверждается ли оно действительностью. Важно другое: в момент спределенного стрессового состояния это слово оказалось экспрессивно наполненным, и поэтому оно, а не какое-то другое выбрано говорящим как кульминационное в эмоциональном смысле.

Грамматически роль частиц в выделении определенного слова с точки зрения его экспрессивной выраженности подтверждается следующим.

Изменяется синтаксический рисунок предложения, то есть выбирается та синтаксическая модель, которая эмоционально фиксирована. Ср.: *Katya believed only him* или *It was Katya who believed him* и *Katya believed him so much.* Такое явление не случайно. Именно функциональная синтаксическая зависимость [8], а не смысловая [9], не перемежающаяся [10] и не морфологическая [11] составляет ядро речевого комплекса эмоционального типа, детерминирует любой речевой комплекс в смешанный тип, лежит в основе его функционирования.

Почти полностью отсутствует действие функциональной перемежающейся зависимости в условиях, когда слово, выделенное эмоционально, сочетается с частицей. Дело в том, что частица, будучи указателем той языковой единицы, которая несет на себе максимальную экспрессивность, служит своеоб-

разным «рычагом», который выдвигает его к вершине. В связи с этим отсутствие оппозиции адвербальность — вербальнаяность в глаголе, адъективность — субстантивность в имени, партикуляция — агглютинация в сенсате [12] говорит о том, что функциональная перемежающаяся зависимость не играет здесь сколько-нибудь существенной роли. Крайне периферийная позиция этой зависимости, которая в целом характеризует речевой комплекс эмоционального типа, является наглядным подтверждением экспрессивной функции частиц.

Получается определенная взаимодействующая обусловленность: частица, усиливая эмоциональность выделяемого слова, как бы лишает значение этого слова способности распадаться на оппозиции по действию функциональной перемежающейся зависимости. Последняя, в свою очередь, будучи несовместима с эмоциональностью и занимая в ней крайне отдаленное от ядра положение, подтверждает, что данный тип речевого комплекса указывает на эмоциональность и что именно частицы грамматически осуществляют миграцию экспрессивно окрашенного слова из исходно нейтральной позиции к вершинной.

Направленность к вершине тем не менее совсем не означает, что слово, маркированное с помощью частицы, обязательно достигает ее. Мы говорим лишь об общей линии движения при выражении эмоций в предложении.

Совершенно очевидно, что направленность к вершине связана, во-первых, с удержанием той позиции, до которой слово доведено, и, во-вторых, с достижением самой высокой степени эмоциональности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кошевая И. Г., Дубовский Ю. А. Сравнительная типология английского и русского языков. Минск: Высшая школа, 1980. с. 266—267.
2. Кошевая И. Г. Проблемы языкоznания и теории английского языка. Учебное пособие. М., 1976, вып. 1, с. 38.
3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке: Труды Ин-та русского языка АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, т. II, с. 38—79. Светлышиев Д. С. Состав и функции эмоционально экспрессивных частиц в современном русском литературном языке: Автoref. дис. канд. филол. наук. М., 1955.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1969, с. 525. Барсова О. М. Двусоставные безглагольные предложения в современном английском языке.—ФН, 1959, № 2, с. 113—122. Вейхман Г. А. Разговорная речь и проблема предложения.—В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Тез. докл. Горький, 1968, с. 174—177. Шабанова Т. Д. Односоставные номинативные предложения в стихотворной форме речи: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1977.
5. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке, с. 51.
6. Блох М. Я. Актуальное членение предложения как фактор парадигматики.—В кн.: Проблемы грамматики и стилистики английского языка. М., 1973, с. 181. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, с. 21.
7. Кошевая И. Г. Грамматический строй современного английского языка: Метод. пособие/МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1978, с. 13.

8. Кошевая И. Г. Грамматический строй..., с. 67. Чухранов В. Д. Грамматическая структура категории экстремальности (на материале английского языка): Дис. канд. филол. наук. М., 1979, с. 28.

9. Герасименко А. И. Структурно-семантические особенности текстовых сегментов и их функциональные типы в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1981, с. 5. Максимов В. И. Диалогические единства отрицательно-побудительного типа в современном английском языке. Дис. канд. филол. наук. 1978, с. 30.

10. Кошевая И. Г. Грамматический строй..., с. 39. Порман Н. Р. Грамматическая семантика глагола have в современном английском языке. Дис. канд. филол. наук. М., 1978, 142 с.

11. Максимов В. И. Диалогические единства отрицательно-побудительного типа ..., с. 59.

12. Кошевая И. Г. Грамматический строй ..., с. 17.

13. Sham B. Four Plays. M., 1952.

14. Shaw B. Pygmalion. M., 1948.

Л. М. Борисова
(Москва)

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ ПЕРЕХОДНОГО ЯЗЫКОВОГО СТАТУСА

В настоящей статье делается попытка описать семантические свойства дейктических наречий английского языка и проследить особенности их функционирования в простом предложении.

В английском языке дейктические наречия объединены в две микросистемы: пространственную (here — there) и временную (now — then). Обе микросистемы строятся по принципу семантической оппозиции относительного типа, члены которой представляют собой соотносительные элементы и характеризуются наличием в их семантическом содержании одного дистинктивного признака и целого ряда общих компонентов значения. Различительными признаками каждой пары являются «близость» — «отдаленность». Изучаемые наречия имеют в качестве центра ориентации говорящего — субъекта речевого акта и в системе дейктических средств классифицируются как «субъективные» дейктики [1].

Дейктические наречия как субъективные дейктики обладают особыми семантическими свойствами. В числе их обобщенных семиологических характеристик следует назвать относительность их значения, ситуативность, постоянную соотнесенность с личностью говорящего, неопределенность, абстрактность, емкость системного значения и, наоборот, определенность, конкретность значения в синтагматическом ряду. Отмеченные семантические признаки характерны для членов обеих исследуемых дейктических группировок. Дифференциация данных микросистем осуществляется различными категориальными семами «пространственная ориентация действия» и « temporальная ориентация действия».

Анализ типичных употреблений изучаемых слов позволил выделить набор контекстуальных сем дейктических наречий и определить типы контекстов, которые служат благоприятным

фоном для их реализации. Контекстуальные признаки дейктических наречий являются своего рода конкретизирующим преломлением категориальных сем. Для пространственных дейктиков могут быть выделены такие контекстуальные семы, как «локативность», реализация которой связана с употреблением данных слов для указания на локальный объект действительности — местоположение предмета или место действия (1), «направительность» как второй возможный вариант проявления пространственной архисистемы (2). В случаях, когда дейктические наречия употребляются, чтобы ввести в коммуникативный фокус высказывания некоторый объект действительности нелокального характера, реализуется семантический компонент, который условно можно назвать «презентативность» (3). В третьем случае пространственная архисема теряет свою коммуникативную значимость, частичнонейтрализуется. Ср.: /1/ I'll stay right here, by туфнистик (Greene). /2/ AOC headquarters was in Washington, and Mel flew there frequently (Hailey). /3/ Sit down a minute, Sir. Here's a chair (Murdoch).

Семантические структуры обоих противочленов пространственной дейктической микросистемы отличаются симметрией в том плане, что оба элемента способны реализовать полный набор всех выделенных признаков, с различной степенью регулярности их актуализации.

Синтагматический аспект семантического анализа темпоральных дейктиков выявляет различие в смысловом содержании этих языковых элементов. Установленный в парадигматическом аспекте признак «отдаленность» по отношению к моменту речи сразу определяет сферу использования *then* как прошедшее или будущее. Дальнейшая конкретизация временного обозначения, которое дает *then*, происходит через антецедент при выполнении данным наречием внутритекстовой дейктической функции — замещения. Обобщенный признак «близость» к моменту речи, характерный для *now* в конкретном употреблении этого наречия, может модифицироваться как вариант настоящего: «конкретное настоящее время момента речи» (при взаимодействии с глаголом в настоящем длительном) /1/, «настоящее в широком плане, включающее момент речи», или «расширенное настоящее» (с глаголом в форме настоящего простого) /2/. В соответствующих условиях контекста обобщенный признак «близость» по отношению к моменту речи может детализироваться как непосредственное «предшествование» моменту речи или немедленное «следование» за моментом речи; *now* в таких случаях обозначает близкое прошедшее /3/ или близкое будущее /4/. Ср.: /1/. I'm telling you now this. If you go into court, you will not win (Corman). /2/ I see him regularly now in Heneky's (Greene). /3/ Is she well? — You saw her just now (Greene). /4/ Well, Mother, we'll run along now (Williams).

Семантический анализ вскрывает различие между типами

действических функций наречий близкого и дальнего указания. Первые оказываются более (*here*) или исключительно (*now*) приспособлены к выполнению собственно действической функции — указанию относительно координат речевого акта. Вторые более (*there*) или исключительно (*then*) ориентированы на заместительное функционирование — внутритекстовый дейксис.

Исследование семантики действических наречий приводит к выводу о ее промежуточном характере по отношению к характеру семантики знаменательных и служебных слов. С одной стороны, как и в случае со словами знаменательными, можно выделить лексическое значение данных слов, если под последним понимать не только предметное, вещественное значение, но также знаковое вообще. С другой стороны, лексическое значение данных слов фактически слито с их грамматическим, что характерно для служебных слов. Компонентный анализ позволяет выделить в смысловой структуре дейктиков абсолютные и контекстуальные семы, между которыми устанавливается иерархия архисем и дифференциальных видовых сем, аналогично тому, как это происходит при анализе знаменательных слов. Но дифференциальные семы в значении дейктиков имеют обобщенный, абстрактный, релятивный характер, что сближает их специфику со спецификой служебных слов. Для дейктиков, как и для знаменательных слов, можно установить типовые референты, но локальные и темпоральные элементы нелингвистической действительности, на которые они могут указывать, неисчислимы.

Изучение функционирования действических наречий в простом предложении показывает, что можно выделить несколько видов их синтаксических функций. Известно, что у полифункциональных слов различают первичные и вторичные функции: первичные — те, которые вытекают из лексического значения части речи, вторичные представляют собой результат синтаксической деривации слова, т. е. выполнение словом нетипичной для него функции в отмеченном синтаксическом окружении.

О лексическом значении действических наречий, как уже упоминалось, можно говорить лишь условно; фактически оно объединено с его функциональным, синтаксическим значением. Данные языковые знаки не только указывают на денотат, но и определяют его роль в событии: пространственная или временная характеристика действия. Следует заметить, что такой способ синтаксической организации неэкономен и широкого применения не имеет. Язык прибегает к нему лишь тогда, когда данное понятие играет одну и ту же роль в большинстве обозначаемых предложениями событий. Для действических наречий таковой будет обстоятельственная роль, а более конкретно — роль обстоятельства места и времени; это их первичная синтаксическая функция.

Обстоятельства подразделяются на две существенно различные группы. Одни из них тесно связаны с глаголом, их появление в предложении предсказывается его семантикой и синтаксиче-

скими свойствами. Другие не обнаруживают связи ни с какими определенными словами; они распространяют предложение в целом, свободно опускаются и могут присоединяться к различным синтаксическим конструкциям.

Дейктические наречия способны выполнять обе обстоятельственные функции, которые в настоящей работе определяются как «обстоятельственные комплементы» и «ситуанты» и которые различаются по своему отношению к модели предложения, его структурной схеме. В первом случае дейктики занимают позицию обязательного компонента строго фиксированной субъектно-предикатно-комплетивной модели, выступая как прилагольное средство выражения обстоятельственного значения. Во втором случае дейктические наречия занимают факультативные, периферийные позиции в предложении, не существенные для его структурной и информативной полноты. По образному выражению Н. Д. Арутюновой, такого типа обстоятельства создают своего рода кулисы, на фоне которых разыгрывается «драма в миниатюре», описываемая в предложении [2].

Особенностью обстоятельства с пространственным значением является то, что эта обязательная позиция фактически представляет собой несколько разновидностей. В нашей работе дейктические наречия рассматриваются в трех обязательных позициях: направительная со значением места назначения (H_1), направительная со значением места отправления исходной точки движения (H_2), локальная со значением места пребывания (L).

Позиция направительного обстоятельства (H_1) является самой обязательной (по степени замещаемости) из всех рассматриваемых позиций. Предикаты динамической локализации, требующие данное обстоятельство, выражаются глаголами направленного движения или глаголами направленного действия /1/. Считается, что позиция обстоятельства со значением места отправления также обязательна при предикатах динамической локализации, однако нередко она остается незамещенной [3]; обусловливающими факторами являются семантика глагола и требования контекста /2/. Позицию обязательного обстоятельства со значением места пребывания открывает предикат статической локализации, который может быть выражен глаголами местонахождения, положения в пространстве или глаголами «локализованного действия» /3/. Ср.: /1/ Is Mr Dersingham ever coming here again? (Priestly). /2/ The strom we're in now extends all the way from here to Newfoundland (Hailey). /3/ He walked up to the table, and stood there silent (Galsworthy).

Обстоятельство времени, как правило, слабее, чем обстоятельство места, связано с глаголом-сказуемым. Глаголы, требующие темпорального комплемента, немногочисленны, они включают такие типы, как глаголы, обозначающие начало и конец действия (фазовые глаголы), глаголы, сообщающие о дате рождения, смерти и др. Анализ текстового материала показывает,

что в отличие от моделей с пространственным комплементом, позиция которого регулярно замещается дейктиками, в конструкциях с темпоральным комплементом дейктические наречия появляются редко. Очевидно, что в тех случаях, когда необходимо временное уточнение действия, дается более конкретное временное обозначение, чем отвлеченные *now* и *then*. Однако данные дейктики все же могут выступать как обязательные элементы, необходимые для смысловой достаточности предложения. Обязательность их позиции в таких случаях диктуется требованиями контекста либо определяется коммуникативной задачей высказывания. Ср. пример, в котором наречие *now* вводится в коммуникативный фокус высказывания, представляя его рему: *I can't tell you now, but I'll tell Mrs Dersingham in the morning* (Priestly).

В роли обстоятельств, занимающих факультативные, периферийные позиции в предложении, т. е. в роли «ситуантов», дейктики выступают как в одиночном употреблении, так и в составе обстоятельственных групп. Ср.: *Here in a remote corner before a plate of roast mutton and mashed potato, he read, "Dear, Sir..."* (Galsworthy).

Анализ выявил способность дейктических наречий, реализующих прямое значение, менять свой синтаксический статус. Данные языковые элементы могут вступать в атрибутивную синтаксическую связь с причастиями, наречиями, именами прилагательными, существительными, выполняя роль их присловных определителей; эту функцию следует признать вторичной синтаксической функцией дейктических наречий. Ср.: /1/ *In the now dim and shadowy room Soames sat very still* (Galsworthy). /2/ *Winter had made his speech to his guest, the then Prince of Wales* (Lawrence).

Пространственные дейктические наречия, реализующие сему «презентативность», регулярно используются в особых синтаксических конструкциях, выражающих значение наличия и его динамических вариантов — появления и исчезновения, — в синтаксических моделях презентации. В этом употреблении дейктики частично переосмысяются, меняются и их синтаксические характеристики: они выступают в строевой функции опорных элементов модели. Ср.: /1/ *Here's the ten punds* (Galsworthy). /2/ *There he was, in his shabby overcoat...* Galsworthy).

Способность наречий к относительно свободному местоположению в предложении (при отсутствии выраженных связей с каким-либо его компонентом) нередко ведет к их обособлению, изолированному употреблению. Исследование показывает, что изолированное, независимое функционирование характерно для трех из рассматриваемой группы: *here*, *there*, *now*. При этом в одних случаях дейктики реализуют свое прямое значение и выступают в качестве пространственных и временных обозначений. В большинстве же других случаев они десемантизируются, пере-

осмысяются и употребляются в синтаксических значениях служебных лексических элементов.

Все три отмеченных слова способны коренным образом менять свои синтаксические характеристики и при соотнесенности с эмоциональными сферами использования языка активно переходить в междометия. Интонационные особенности, аффективная окраска, жестовое и моторно-двигательное сопровождение являются неотъемлемыми чертами изолированного употребления дейктиков. Ср.: /1/ *He looked triumphantly at Randall: "There!"* (Murdoch). /2/ "Now, now!" she said, "Don't emote-hall!" (Murdoch). /3/ *Here, take your coffee!* (Murdoch).

Таким образом, системно-функциональные особенности дейктических наречий состоят в том, что данные языковые элементы принадлежат к промежуточной, переходной области от знаменательных частей речи к служебным. Вообще разделение слов на знаменательные и служебные предполагает, наряду с выделением полярных группировок, четко и безусловно противопоставленных друг другу, установление единиц промежуточного характера, которые в одних контекстно-ситуативных условиях проявляют знаменательные свойства, в других — демонстрируют преобладание грамматических функций над их лексическим значением.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уфимцева А. А. Семантика слова. В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 47.
2. Арутюнова Н. Д. Синтаксис. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 318.
3. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во МГУ, 1971, с. 69.

СОДЕРЖАНИЕ

Шехтман Н. А.	Эмпирическая реальность семантических категорий	3
Кошевая И. Г.	Некоторые формы моделирования пространства и времени в языке	7
Шабанова Т. Д.	Темпоральные отношения в семантико-синтаксической структуре простого предложения современного английского языка	15
Красногор Е. Ш.	Семантико-структурный анализ средств выражения побудительности	22

Найфельд А. Д.	✓ Грамматико-лексическое по- льности в английском языке (микрономе действительно- сти)	27
Багрецов В. Н.	Структурно-коммуникативные типы неослож- ненных простых предложений в современном английском языке	33
Знаменская Т. А.	Семантико-синтаксическая характеристика не- которых видов английского сложного предло- жения	40
Ивкина Л. В.	Семантико-системная характеристика синтакси- ческой категории однородности	46
Лобанова Н. Н.	Формирование семантической структуры тер- минологических единиц (специализация обще- литературной лексики)	59
Нефедова Л. В.	Семантико-синтаксические отношения в смысловых блоках научного текста	54
Андреева Г. В.	Внутриуровневые и межуровневые связи как основной способ контекстуальной реализации понятия контраста	59
Данкова М. А.	Семантико-системная характеристика темати- ческой группы антонимических пар	66
Томашпольский В. И.	Системные отношения в глагольной парадигме и реиктовые варианты (на материале роман- ских языков)	71
Якимов В. А.	Принципы семантико-системного изучения исто- рии словарного гнезда	77
Мещерякова М. П.	Пути формирования устойчивых словосочета- ний типа «глагол+существительное» в англий- ском языке	81
Путырская О. Г.	Понятие супинативизма на уровнях граммати- ки и словообразования (на материале совре- менного французского языка)	87
Бабич Г. Н.	Семантико-синтаксическая характеристика су- ществительных современного английского языка	93
Горбarenко О. А.	Семантико-синтаксические характеристики гла- гола <i>put</i>	97
Ренер Е. И.	Структурно-семантические особенности группы глаголов с общим значением «желать» в английском и немецком языках	103
Собко Т. П.	Соотношение причастия I и герундия в систе- ме именных форм	108
Казикина В. П.	Системный характер местоименной реиризы в современном английском языке	114
Жучкова Н. Ф.	Семантико-грамматическая характеристика частиц	119
Борисова Л. М.	Системно-функциональные особенности слов переходного языкового статуса	123